

РУССКИЕ В КОРЕЕ
И КОРЕЙЦЫ НА УРАЛЕ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

RUSSIANS IN KOREA
AND KOREANS IN THE URALS:
HISTORY AND MODERNITY

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ Б. Н. ЕЛЬЦИНА

РУССКИЕ В КОРЕЕ
И КОРЕЙЦЫ НА УРАЛЕ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

RUSSIANS IN KOREA
AND KOREANS IN THE URALS:
HISTORY AND MODERNITY

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2021

УДК 94(0)«19/20»
ББК ТЗ(0)6-6
Р89

Авторы:

А. А. Авдашкин (гл. 2.3), А. В. Антошин (предисловие, гл. 3.3), М. С. Каменских (гл. 1.1, 1.2), Лим Сунгжае (гл. 1.3), И. А. Муסיнова (гл. 2.2), С. В. Смирнов (гл. 3.1), Со Санбом (гл. 3.4), В. Д. Тхай (гл. 2.1), И. Б. Фан (гл. 2.4), Е. Ю. Яковкин (гл. 3.2)

Рецензенты:

кафедра всеобщей истории и методики преподавания исторических дисциплин
Уральского государственного педагогического университета
(заведующий кафедрой доктор исторических наук, профессор *В. Н. Земцов*);
И. Г. Актамов, кандидат педагогических наук, доктор философии (PhD),
заведующий лабораторией «Центр переводов с восточных языков» Института
монголоведения, буддологии, тибетологии Сибирского отделения РАН

Русские в Корее и корейцы на Урале: история и современность =
P89 Russians in Korea and Koreans in the Urals: history and modernity / [под
ред. А. В. Антошина, С. В. Смирнова, И. А. Мусиновой] ; Министерство
науки и высшего образования Российской Федерации, Уральский фе-
деральный университет. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2021. —
192 с. — Библиогр.: с. 173–176. — 150 экз. — ISBN 978-5-7996-3327-1. —
Текст : непосредственный.

ISBN 978-5-7996-3327-1

В монографии на основе использования разнообразных источников охарактеризована роль диаспоральных сообществ в социально-экономическом и культурном развитии России и Кореи в XX в. Основное внимание уделено истории русской эмиграции в Корею и корейской общины Урала.

Для историков, социологов, миграциологов.

The monograph, based on the use of various sources, describes the role of diaspora communities in the socio-economic and cultural development of Russia and Korea in the twentieth century. The main attention is paid to the history of the Russian emigration in Korea and the Korean community of the Urals.

For historians, sociologists, specialists in migration studies.

УДК 94(0)«19/20»
ББК ТЗ(0)6-6

Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ № 19-59-51004 «Роль диаспоральных сообществ в социально-экономическом и культурном развитии России и Кореи в XX в. (на материалах сообществ русских эмигрантов в Корею и корейской общины Урала)».

ISBN 978-5-7996-3327-1

© Уральский федеральный университет, 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	7
------------------	---

Часть 1

СУДЬБЫ КОРЕЙЦЕВ НА СРЕДНЕМ УРАЛЕ В XX В.

1.1. Корейцы на Урале в первой четверти XX в.....	27
1.2. Политика Советского государства в отношении корейского населения в 1917–1937 гг. (на примере Пермской области).....	48
1.3. Деятельность борцов за независимость Кореи на примере представителя корейской диаспоры на Урале Ан Тэдо.....	56

Часть 2

КОРЕЙЦЫ НА СРЕДНЕМ УРАЛЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX – XXI В.

2.1. Корейцы на Среднем Урале: история и современность.....	70
2.2. Развитие общественных организаций российских корейцев в 1990-е — начале 2000-х гг. на примере Свердловской области.....	80
2.3. Жизнь «здесь» и «там» в мигрантских историях среднеазиатских корейцев (случай Челябинска).....	89
2.4. «Я советско-российский человек»: интервью И. Б. Фан с В. Д. Тхаем.....	103

Оглавление

Часть 3

РУССКИЕ В КОРЕЕ

3.1. Особенности социальной адаптации младшего поколения российских эмигрантов в Корею в 1920–1930-е гг.....	118
3.2. По обе стороны фронта: советские военные и русские эмигранты в годы Корейской войны (1950–1953).....	130
3.3. В рядах Антикоммунистической лиги народов Азии: деятельность русских эмигрантов в Южной Корее в 1950-е гг.....	143
3.4. Россия и русские в Корее во второй половине XIX — начале XXI в.....	158
Сокращения.....	172
Список литературы.....	173
Об авторах.....	177
On the Authors.....	181
Summary.....	185

CONTENTS

Foreword.....	7
---------------	---

Part 1

THE FATE OF THE KOREANS IN THE MIDDLE URALS IN THE FIRST HALF OF THE XX CENTURY

1.1. Koreans in the Urals in the first quarter of the twentieth century.....	27
1.2. The policy of the Soviet state in relation to the Korean population in 1917–1937 (on the example of the Perm region).....	48
1.3. The activities of the fighters for the independence of Korea (on the example of the representative of the Korean diaspora in the Urals An Tae Do).....	56

Part 2

KOREANS IN THE MIDDLE URALS IN THE SECOND HALF OF THE XX–XXI CENTURIES

2.1. Koreans in the Middle Urals: history and modernity.....	70
2.2. Development of public organizations of Russian Koreans in the 1990s — early 2000s on the example of Koreans of the Sverdlovsk region.....	80
2.3. Life “here and there” in the migrant stories of Central Asian Koreans (the case of Chelyabinsk).....	89

Contents

2.4. “I am a Soviet-Russian person”: Irina Fan’s interview with Valery Tkhai.....	103
--	-----

Part 3

RUSSIANS IN KOREA

3.1. Features of social adaptation of the younger generation of Russian emigrants in Korea in the 1920s — 1930s.....	118
3.2. On both sides of the front: Soviet military officers and Russian emigrants during the Korean War: 1950–1953.....	130
3.3. In the ranks of the Anti-Communist League of the Peoples of Asia: the activities of Russian emigrants in South Korea in the 1950s.....	143
3.4. Russia and Russians in Korea in the second half of the 19 th — early 21 th centuries.....	158
Abbreviations.....	172
Literature.....	173
On the authors.....	181
Summary.....	185

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая монография посвящена рассмотрению роли диаспор в развитии России и Кореи в XX в. В условиях глобализации миграционные процессы привлекают все большее внимание исследователей. В современном мире возрастает значение диаспоральных сообществ, которые играют заметную роль в экономической, политической, культурной сферах жизни принимающих обществ. К сожалению, в средствах массовой информации, в массовом сознании доминируют негативные представления о влиянии мигрантов на социально-экономическое развитие стран-реципиентов. Вместе с тем экспертное сообщество отмечает, что реальный эффект международных миграций населения значительно менее однозначен. Для анализа этой проблемы важным становится обращение к историческому опыту, исследование влияния диаспор на социально-экономическое и культурное развитие различных стран в XX в.

Особенно важно проанализировать место диаспор в обществах, принадлежащих к иному цивилизационно-культурному ареалу. Именно эта проблема становится наиболее актуальной в современном мире. Насколько успешно такие диаспоры способны интегрироваться в социальные структуры принимающего общества? Как диаспоральные институты взаимодействуют с органами власти

данного общества? Какова специфика процессов аккультурации лиц, принадлежащих к подобным диаспорам? Ответы на данные вопросы могут иметь не только научный, но и практический интерес.

В постсоветский период Россия стала крупным мировым центром притяжения трудовых ресурсов. В значительной мере они направляются из стран Востока (в том числе Дальнего Востока). Мигранты из этого региона сталкиваются с большими проблемами, связанными с затрудненной адаптацией части этих людей к условиям принимающего общества. Серьезные проблемы нередко испытывают и органы государственной власти, осуществляющие прием иностранных граждан (в частности, Федеральная миграционная служба). Эти обстоятельства делают актуальными обращение к историческому опыту, анализ механизмов адаптации представителей диаспоральных сообществ стран Востока в российском обществе в XX в. Данное исследование значимо и в плане характеристики процесса межкультурного диалога России и Кореи, который продолжается в XXI в. Таким образом, цель данной работы — анализ роли диаспоральных сообществ в социально-экономическом и культурном развитии России и Кореи в XX в. (на материалах русских эмигрантов в Корею и корейской общины Урала).

Основные задачи работы:

- введение в научный оборот новых, ранее не изученных и малодоступных материалов, прежде всего судебно-следственных дел корейцев Урала, находящиеся в фондах ГАСО;

- анализ специфики формирования и эволюции диаспоральных сообществ русских эмигрантов в Корею и корейской общины Урала;

- выявление роли русских эмигрантов в процессе трансформации корейского общества в XX в.;

- определение вклада диаспорального сообщества корейцев Урала в социально-экономическую модернизацию региона в XX в.

В методологическом плане авторы монографии опираются на традиционные принципы исторического исследования — исто-

ризма, объективности, социокультурного подхода, на стремление к максимальной полноте источниковой базы. Кроме того, применяются методологические подходы таких наук, как социальная история, историческая антропология, этнология, культурология.

Методы, методики, инструментарий научного анализа соответствуют целевой установке исследования — провести комплексный анализ роли диаспоральных сообществ в принимающих обществах на основе методов и знаний различных гуманитарных дисциплин. Основными методами являются исторический, источниковедческий, текстологический анализ.

Отличительная черта источниковедческого подхода заключается в том, что в его рамках рассматривается не только соотношение источника и действительности, но и взаимодействие познающего субъекта и источника. Особое значение данный подход имеет при анализе судебно-следственных дел представителей корейской диаспоры на Урале, хранящихся в ГААОСО, а также документов личного происхождения.

Применительно к изучению наследия отдельных общественных и культурных деятелей, принадлежащих к диаспоральным сообществам, необходим традиционный историко-биографический подход, позволяющий интерпретировать реальный жизненный опыт, полученные воспитание и образование как источник того или иного поведения и его результатов. В работе применяется биографический метод, в фокусе которого находится субъективный опыт, жизненный путь человека, описываемый через смену социальных ролей и типов поведения и рассматриваемый в контексте занимаемого им на том или ином этапе жизни социального пространства, обусловленного влиянием микро- и макроструктур.

При анализе источников личного происхождения, связанных с диаспоральными сообществами, актуальным также представляется использование методов семиотики, позволяющих выявить скрытые культурные символы, используемые социальной группой. Для этого необходим анализ социокультурного контекста, в кото-

ром родились эти символы. Важную роль в исследовании играют методы дискурсивного анализа и исторической герменевтики. В целом анализ диаспоральных сообществ требует применения методов междисциплинарного анализа, отличающихся широтой и синтетическим инструментарием [Николаева; Поршнева и др.].

Изучение места России и Советского Союза в миграционных процессах XX в. началось еще в советский период. Однако даже советские демографы отмечали, что долгое время, в 1930-е — начале 1950-х гг., изучение данной проблематики фактически не проводилось: в условиях массовых принудительных миграций населения выводы исследователей могли не совпасть с идеологическими установками руководства страны [Переведенцев, с. 3]. Характерно, что именно на этот период пришлась депортация советских корейцев. Согласно переписи населения СССР 1926 г., в Дальневосточном крае проживало 169 тыс. представителей корейского народа, чье переселение в Россию началось еще в XIX в. [Полян, с. 91]. Большинство из них в 1937 г. было переселено в Казахстан (более 95 тыс. чел.) и Узбекистан (более 75 тыс. чел.) [Там же, с. 92]. Трагедия депортации корейцев осталась в памяти этого народа, однако долгое время не затрагивалась в работах исследователей.

Изучение проблем миграции населения СССР возобновилось после долгого перерыва в конце 1950-х гг. Центром исследований в этой области стало Сибирское отделение РАН, и именно «практические интересы экономического развития Сибири» находились в центре внимания авторов многих работ [Тарасова, Ускова, с. 186; Переведенцев, с. 3]. Безусловно, миграционные исследования в СССР имели свою специфику. В рамках марксистского подхода ключевая роль отводилась социально-экономическим факторам размещения населения [Марксистско-ленинская теория народонаселения, с. 77; Хомра, с. 17]. Тезис об управляемом, организованном характере миграционных потоков при социализме фигурировал в большинстве работ советских исследователей

1960–1980-х гг. [Моисеенко, с. 131; Хорев, Чапек, с. 4; Рыбаковский, с. 69]. При этом такой аспект, как принудительные миграции населения, депортации народов (в том числе корейцев), до конца 1980-х гг. фактически был закрытой темой для исследований в Советском Союзе.

Активизация миграционных исследований в СССР началась в эпоху перестройки, связанной с кардинальными изменениями в различных гуманитарных и социальных науках. Не случайно ведущие советские демографы в конце 1980-х гг. стали говорить о формировании миграциологии как особой научной дисциплины [Денисенко, Ионцев, Хорев]. В начале 1990-х гг. появляются и первые исследования Н. Ф. Бугая, познакомившие российское общество с историей трагических событий депортации советских корейцев в 1937 г. [Бугай, 1992а; Бугай, 1992b и др.]. В 1990–2000-е гг. особый вклад в осмысление данной темы внес Г. Н. Ким.

В 1990–2000-е гг. в связи с превращением России в евразийский центр транзитных миграционных потоков изучение указанной проблематики в нашей стране получает новый импульс. Этому способствует и расширение для российских ученых возможностей контактировать с коллегами из университетов США, Европы и других регионов мира, где миграционные исследования активно развивались начиная с 1930–1940-х гг. Рост международных миграционных потоков, усиление внимания СМИ к ним в конце XX – XXI в. приводят к тому, что в последние десятилетия данная проблематика активно изучается в современной гуманитаристике. В рамках таких концепций, как теории человеческого капитала, «притяжения — выталкивания», миграционных сетей и т. д., анализируются ключевые факторы, оказывающие решающее влияние на ход и специфику миграционного обмена между государствами. В работах П. Сталкера, Д. Гросса и других авторов отмечается, что миграционный обмен между странами Запада и Востока относится к числу ключевых в международных миграционных потоках [Stalker; Gross].

Современная миграциология неизбежно выходит на проблему диаспоральных сообществ. В отечественной науке одним из ведущих специалистов в данной области в течение многих лет является Ю. И. Семенов. Отстаивая этнический подход к понятию «диаспора», он подчеркивает, что о ней можно говорить только в том случае, когда члены этноса «живут, причем дисперсно, на территории, основное население которой принадлежит к иной этнической общности, т. е. на чужой этнической территории». При этом он различает диаспору и этническую периферию — ситуацию, когда компактные группы представителей этноса так или иначе отделены от основной его части (примером этого является русское население в так называемом ближнем зарубежье) [Семенов, с. 66].

Однако одним из ключевых в российских диаспоральных исследованиях является подход ведущего отечественного этнолога В. А. Тишкова. Подчеркивая мультиэтнический характер многих диаспор, он полагает, что под этим термином нужно понимать «культурно отличительную общность на основе представления об общей родине и выстраиваемых на этой основе коллективной связи, групповой солидарности и демонстрируемого отношения к родине». Иными словами, диаспора — это стиль жизненного поведения, а не жесткая демографическая или этническая реальность [Тишков, с. 21].

Нельзя не обратиться и к концепции С. А. Арутюнова, который указывает, что диаспора не образуется «простым прочерчиванием государственных границ». Отмечая, что «диаспора бывает не у государства, а у этносоциального организма», С. А. Арутюнов подчеркивает динамичный характер этого явления. Он говорит о том, что диаспора — это «не только и не столько состояние, диаспора — это процесс развития от “еще не диаспоры” через “собственно диаспору” к “уже не диаспоре”» [Арутюнов, с. 77–78]. На наш взгляд, данную концепцию следует учитывать при анализе состояния общности российских корейцев в конце XX – XXI в.

Активно обсуждаются в современной этнологии и культурной антропологии проблемы идентичности (С. Хэлл и др.). Достаточно много исследований посвящено идентичности русского населения на постсоветском пространстве (Х. Пилкингтон, М. Флинн, Е. Филиппова, Н. П. Космарская и др.). При анализе диаспоральных сообществ России и Кореи следует учитывать, что специалисты выделяют два подхода к этому явлению. Согласно одному из них, культурная идентичность представляет собой коллективную, разделяемую индивидами историю, связанную с понятиями расы или этничности, которая считается стабильной. Однако культурную идентичность можно понимать и как нестабильную и даже противоречивую сущность, представленную у различных индивидов множеством точек как сходства, так и различия. Интересно замечание исследователя индийской общины в США Р. Радхакришнана о том, что этничность практически никогда не является чем-то статичным и неизменным, она всегда должна пониматься в «специфике контекста». Р. Радхакришнан отмечает в связи с этим, что, например, быть индийским американцем — это не то же самое, что быть индийцем [Radhakrishnan, p. 119]. Думается, это наблюдение справедливо и в отношении российской эмиграции. Эти концептуальные построения весьма актуальны при анализе такого сложного, противоречивого феномена, как идентичность российских корейцев.

Механизм возникновения феномена корейской общины в России во многом объясняет концепция известного российского демографа Л. Л. Рыбаковского. Он указывал, что коллективные переселения не только в меньшей степени, чем индивидуальные, разрывают родственные, земляческие и иные социальные связи, но и в определенной степени переносят социально-демографические связи и отношения из районов выхода в места вселения мигрантов. При этом на успешность адаптации мигрантов влияют, по мнению Л. Л. Рыбаковского, в том числе и различие климатических условий регионов въезда и выезда, разница в социаль-

но-экономическом статусе населенных пунктов [Рыбаковский, с. 64]. Современные отечественные географы продолжают изучать различные аспекты проблемы природной адаптации: в частности, в этом направлении активно работает петербургский исследователь И. Ю. Гладкий [Гладкий]. Следует отметить, что наряду с понятием «адаптация» в отечественной науке (прежде всего в географии) активно использовалось понятие «приживаемость». Г. Ф. Морозова определяла ее как социально-биологическую адаптацию и удовлетворение потребностей людей в новых условиях, что приводит к преобразованию их социально-демографической структуры в близкую к характеристикам коренного населения. Отмечалось, что человек может пройти производственную, экономическую, социальную, бытовую и другие виды адаптации, но не привыкнуть к новому месту: «только полная психологическая перестройка новосела гарантирует его приживаемость на новом месте» [Морозова, с. 19]. Следует учесть, что проблема природной адаптации первоначально была не слишком актуальна для общины русских корейцев, поскольку они селились в основном на Дальнем Востоке. Однако расселение их по территории России/СССР (связанное в том числе с наймом корейских рабочих на предприятия Урала в годы Первой мировой войны, а затем с трагическими событиями депортации российских корейцев в 1937 г.) привело к тому, что проблемы природной адаптации стали играть для российских корейцев все большую роль.

В современной этнологии большое внимание отводится культурной адаптации. Г. Витковская и С. Панарин отмечают, что адаптация — это двусторонний процесс, во многом зависящий и от того, какой образ «хозяев» запечатлелся в сознании «гостей». Причем этот образ, в отличие от образа мигрантов, у «хозяев» более прост и целостен по внутренней структуре. Мигранты составляют меньшинство, безопасность которого больше зависит от успеха адаптации, чем безопасность принимающего общества. Следовательно, указывают этнологи, именно мигрантам предстоит

«поступиться своими субкультурными отличиями ради вживания в новую среду». Однако этому мешают чаще всего два обстоятельства. Прежде всего на индивидуальном уровне утрата групповых отличий может восприниматься как потеря прежней статусной идентичности. Кроме того, отказ от этих отличий почти неизбежно означает ослабление групповой солидарности, помогающей переселенцам преодолевать социально-экономические трудности адаптации [Миграция и безопасность в России, с. 263]. Данные обстоятельства следует учитывать при анализе деятельности диаспоральных институтов российских корейцев, их стремлении сохранить национальную культуру, язык, традиции.

Чтобы подчеркнуть сложность процесса адаптации, американский антрополог К. Оберг ввел термин «культурный шок», который указывает на то, что вхождение в новую культуру сопровождается неприятными чувствами, ощущением дискомфорта и т. д. Используя концепцию К. Оберга, известный специалист по этнической психологии Т. Г. Стефаненко определяет культурную адаптацию как процесс, благодаря которому человек достигает соответствия новой культурной среде. При этом она выделяет ряд факторов, определяющих успешность адаптации. Среди них — демографические и личностные характеристики (известно, что пожилые люди адаптируются медленнее; как правило, более высокий уровень образованности повышает шансы на успешную адаптацию), обстоятельства жизненного опыта индивида (готовность мигранта к переменам). Именно из-за недостаточной мотивации процесс адаптации беженцев и вынужденных эмигрантов оказывается менее успешным. Важно быть готовым к необходимости изменений. Известно, что многие русские эмигранты плохо адаптировались в странах Востока из-за своего «высокомерия»: они полагали, что им «не нужно знать никакого другого языка, кроме собственного» [Стефаненко, с. 289].

Вопрос об изучении языка страны пребывания, бесспорно, играет важную роль в процессе адаптации и межкультурного

диалога. Это обусловлено тем, что среди всех видов актуализированных ценностей национального самосознания в качестве ведущей часто называют именно языковую идентичность, хотя с этим тезисом согласны далеко не все этнологи, поскольку очень важную роль здесь играет психологический фактор. Как отмечают Л. М. Дробижева и А. А. Сусоколов, характер психологических ориентаций может активизировать или тормозить использование языка межнационального общения. В случае негативной психологической ориентации на межнациональные контакты люди, иногда даже владея вторым языком, не используют его в речевом общении [Дробижева, Сусоколов, с. 17].

Отношения между диаспорой и принимающим обществом представляют собой контакты между генетически разными социальными образованиями. Поэтому диаспора в целом вынуждена искать способ существования в иноэтничном окружении. Этот процесс, как справедливо отмечает современный этнолог З. И. Левин, не сводится к индивидуальной адаптации мигрантов. Он принимает прежде всего форму взаимодействия иммигрантской общины и принимающего общества, а также взаимоотношений отдельных групп иммигрантов в рамках общины-анклава [Левин, с. 20].

Российский этнолог С. В. Лурье отстаивает теорию внутриэтнического конфликта — стержня интеграционных процессов в этносе. Она полагает, что, «когда сохраняется бессознательное представление о характерном для данного этноса способе активности человека в мире, совершенно безразлично, на каком языке тот или иной член этноса говорит. Хочет он того или нет, он участвует во внутриэтническом процессе». Свою особую роль во внутриэтнической «драме» имеет и диаспора. Когда эта роль ослабевает, в диаспоре начинаются процессы распада и ассимиляции [Лурье, с. 392]. Эти процессы постепенно развивались и в среде российских корейцев.

Следует отметить, что в литературе предпринимались попытки обосновать некую специфику адаптации к иной культуре, харак-

терную именно для этнических русских. Некоторые этнологи отмечают, что русские, где бы они ни находились, испытывают чувство «родства со своим народом». В иноэтнической среде это чувство ощущается русскими даже несколько острее, чем в России. Русские, согласно этой точке зрения, «плохо приобщаются к “чужой” среде, сдержанно адаптируются к инонациональной культуре». Это связано с тем, что у них «довольно сильно выражена национальная самоидентификация» [Русские: этносоциологические очерки, с. 445]. Думается, не следует преувеличивать специфику русских в данном вопросе, так как эти черты свойственны и ряду других народов.

Анализируя те факторы, которые могут послужить препятствиями процессу культурной адаптации человека, стоит обратить внимание также, представляет ли он нацию, имеющую государственность, или нет. В современной литературе высказывалось мнение, что в первом случае процесс адаптации протекает быстрее, поскольку у человека бывает меньше выражен комплекс «национальной ущемленности» [Фомина, с. 9]. На наш взгляд, этот тезис имеет важное концептуальное значение для осмысления процесса адаптации корейцев в России в XX в. Лишившись государственности после оккупации Кореи Японией в 1910 г., российские корейцы стремились сохранить свои диаспоральные институты, символизировавшие для них национальную идентичность.

Характеризуя процесс адаптации представителей первой и второй волн эмиграции из СССР, следует отметить, что их выезд за рубеж носил вынужденный характер. Так, анализируя процессы социальной адаптации русских эмигрантов в 1920–1945 гг., С. В. Смирнов указывал на вынужденный (или внешний) тип адаптации, когда для удовлетворения своих жизненно важных целей индивид, не принимая новых социальных ценностей, противоречивших его представлениям и установкам, тем не менее, вынужден был согласовывать свое поведение с нормами социального окружения [Смирнов, с. 4]. Большую сложность, несомненно, представляла психологическая адаптация эмигрантов в первые месяцы и годы их пребывания

за границей. Крушение устоявшегося образа жизни, распад семей, трансформация прежних ценностей, утрата своего статуса и средств к существованию вели к сильнейшему морально-психологическому дискомфорту у «перемещенных лиц». Усложняло ситуацию и отсутствие стабильности, поскольку в любой момент решение инстанций могло привести к возвращению человека в СССР. Такое положение характерно для беженцев в различные исторические эпохи [Беженцы, с. 37; Михайлова, с. 26], оно было актуально и для российских эмигрантов первой и второй волн.

Адаптация эмигрантов тесно связана с проблемами ассимиляции и аккультурации. Заметим, что в работах этнологов встречаются различные интерпретации понятий, связанных с этими процессами. Считается, что теорию аккультурации одним из первых выдвинул канадский психолог Дж. Берри, который определил это понятие как феномен, появляющийся тогда, когда группы индивидов из разных культур вступают в непосредственный и продолжительный контакт, последствием которого является изменение элементов оригинальной культуры одной или обеих групп. Российский исследователь Т. К. Фомина полагает, что целью процесса аккультурации становятся «формирование личности на рубеже двух культур» [Фомина, с. 18]. Этой же точки зрения придерживается российский этнолог Н. М. Лебедева, полагая, что оптимальной в процессе культурной адаптации является интеграция — идентификация и со старой, и с новой культурой [Эмиграция и репатриация в России, с. 159]. Этот тезис актуален для характеристики идентичности значительной части российских корейцев в XX в. В связи с этим можно привести мнение советского этнолога Ю. В. Бромлея, считавшего, что и территориально разобщенные группы этноса могут длительное время сохранять свою идентичность. Он выделял «переходные» этнические группы, образуемые давно живущими иммигрантами и особенно их потомками. Они, с одной стороны, «еще не оторвались целиком от исходного этноса», с другой — уже начали ассимилироваться

основной нацией страны пребывания [Бромлей, с. 16]. Ситуация внутри корейских сообществ России может быть хорошей иллюстрацией этого тезиса.

Диаспора объединяет представителей разных поколений иммигрантов. При этом если первое поколение проходит сложный процесс адаптации, то второе, используя термин З. И. Левина, можно обозначить как маргиналов. Последние воспринимают национальные традиции и культуру сквозь призму действительности и культуры той среды, в которой выросли. Они активно общаются со своими сверстниками-«автохтонами», для многих характерно стремление как можно быстрее стать полноправными гражданами принимающего общества, результатами чего становятся их двуязычие и бикультуризм. В семье маргинал обычно придерживается образа жизни своего народа, вне семьи — правил поведения, принятых в обществе-реципиенте. На протяжении XX в. эти процессы интенсивно развивались среди российских корейцев.

Проблема социальной адаптации российских эмигрантских сообществ в странах Востока как в ее внешних (институциональных), так и во внутренних (личностных) аспектах получила значительную разработку в трудах современных российских историков-эмигрантоведов [Лазарева; Писаревская; Горкавенко, Гридин; Смирнов; и др.]. Однако проблематика диаспоральных сообществ России и Кореи в XX в. пока еще слабо изучена в отечественной и зарубежной историографии. Тем не менее, нельзя не отметить работы, открывающие новые направления и ракурсы исторических исследований в данной сфере. Так, историей русской общины Кореи в последние годы активно занимаются отечественные исследователи Т. М. Симбирцева и С. С. Левашко. Результатом проведенных ими полевых исследований в Корее стала прошедшая в Москве в 2018 г. выставка «Русский зодчий Афанасий Середин-Сабатин: у истоков современной архитектуры в Корее». Они подчеркивают, что именно А. Середин-Сабатин, «архитектор его величества короля Кореи», сыграл значитель-

ную роль в зарождении современной архитектуры Кореи в XX в. [Русский зодчий Афанасий Середин-Сабатин]. Деятельность отдельных русских дипломатов, военных, деятелей культуры в период до 1917 г. освещается в публикациях Б. Б. Пак, Г. Д. Тягай, А. Н. Хохлова [Пак Б. Б.; Тягай; Хохлов]. Жизнь русской эмигрантской общины в Корее представлена в работах С. В. Волкова, А. Н. Ланькова, Б. Д. Пака, Т. М. Симбирцевой, А. А. Хисамутдинова [Волков, 2001; Волков, 2003; Lankov; Пак Б. Д.; Симбирцева; Хисамутдинов]. Особенно стоит отметить многолетние усилия Т. М. Симбирцевой по разработке отдельных вопросов деятельности русских эмигрантов в Корее.

Что касается проблематики, связанной с изучением корейской общины Урала, то здесь нельзя не выделить монографию М. С. Каменских [Каменских]. В ней на основе впервые введенных автором в научный оборот архивных материалов, публикаций периодических изданий и этнографических источников рассматриваются особенности формирования, становления и развития корейской этнической группы в Пермском Прикамье в конце XIX — начале XXI в. К анализу использования труда корейских рабочих на предприятиях Урала в годы Первой мировой войны обращались С. В. Смирнов и Л. А. Чемезова [Смирнов; Чемезова]. Проблема функционирования диаспорных экономических укладов на Среднем Урале в 1920–1930-е гг. поднимается и в работах екатеринбургского историка А. П. Килина [Килин]. Тем не менее, в целом можно констатировать, что проблематика русской эмиграции в Корее и корейской общины Урала рассмотрена пока весьма фрагментарно, что во многом обуславливает научную новизну данного исследования. Кроме того, авторы стремятся уйти от стереотипов в оценке такой проблемы, как роль диаспоральных сообществ в социально-экономическом и культурном развитии принимающих стран.

Данная коллективная монография стала результатом работы большого коллектива исследователей. В подготовке предлагаемого

Предисловие

читателю труда приняли участие ученые из Уральского федерального университета, Пермского государственного национального исследовательского университета, Южно-Уральского государственного университета, Института философии и права Уральского отделения РАН, Пермского научного центра Уральского отделения РАН, а также представители свердловской областной общественной организации «Национально-культурная автономия российских корейцев» и Пусанского университета иностранных языков (Республика Корея).

Монография включает в себя три части. Первая посвящена судьбам корейцев Урала в первой половине XX в. Ее авторы затрагивают различные аспекты ранней истории корейской общины Урала. Так, уникальные материалы из фондов ГААОСО, посвященные жизни на Урале в 1916–1932 гг. известного активиста корейского национально-освободительного движения Ан Тэдо, находятся в центре внимания исследования *Лим Сондже*. Истории корейской общины Урала и политике Советского государства по отношению к корейцам Прикамья посвящены разделы главы, написанные *М. С. Каменских*.

Во второй главе исследуются различные аспекты истории корейской общины Урала в позднем СССР и в постсоветский период. Особенно интересно интервью *И. Б. Фан* с главой Национально-культурной автономии российских корейцев в Свердловской области В. Д. Тхаем, которое представляет собой рассказ о судьбе видного деятеля корейской общины Среднего Урала. Материалы *В. Д. Тхая* и *И. А. Мушиновой* посвящены возрождению корейских общественных организаций Среднего Урала в конце XX в. и основным направлениям их деятельности в XXI в. Наконец, биографические истории среднеазиатских корейцев, оказавшихся на Южном Урале в 2010-е гг., их психологические и ценностные установки проанализированы в разделе, написанном *А. А. Авдашкиным*.

Третья глава монографии посвящена основным этапам истории российской эмиграции в Корею в XX в. Открывает ее иссле-

дование *С. В. Смирнова*, в котором анализируется уникальный опыт адаптации в Корее периода японской оккупации семьи Янковских. Роли русских эмигрантов и советских граждан в противостоянии периода Корейской войны 1950–1953 гг. посвящен раздел, написанный *Е. В. Яковкиным*. Эту тематику продолжает исследование *А. В. Антошина*, в котором охарактеризованы попытки создания в Республике Корея русской антикоммунистической организации Народно-трудовой союз (НТС) в 1950-е гг. Завершает данную главу труд *Со Санбома*, в котором особое внимание уделено проблемам российско-корейского межкультурного диалога в конце XX – XXI в.

Данная монография основана на широком круге источников. В ней использованы документы из фондов Национального архива США (Колледж-парк, Мэриленд), электронного архива ЦРУ, Бахметевского архива Колумбийского университета (Нью-Йорк, США), Архива Центра восточноевропейских исследований Университета Бремена (Бремен, Германия), ГАРФ (Москва, Россия), Государственного архива Пермского края (Пермь, Россия), ГАСО (Екатеринбург, Россия), ГАОСО (Екатеринбург, Россия), ПермГАСПИ (Пермь, Россия), ЦДООСО (Екатеринбург, Россия), личного архива видного деятеля корейской общины Среднего Урала В. В. Кима (Екатеринбург, Россия). Кроме того, активно привлекаются материалы русской эмигрантской и уральской региональной периодической печати, статистические документы, источники личного происхождения и т. д. Значительная часть источников впервые вводится авторами в научный оборот.

В условиях активизации российско-корейского сотрудничества, в том числе в сфере гуманитарных связей, особую значимость приобретают обращение к историческому опыту, анализ роли диаспоральных сообществ в развитии России и Кореи в XX в. На это и нацелена данная монография.

Библиографические ссылки

Арутюнов С. А. Диаспора — это процесс // *Этнографическое обозрение*. 2000. № 2. С. 74–78.

Бромлей Ю. В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. М. : Наука, 1987. 333 с.

Бугай Н. Ф. «Корейский вопрос» на Дальнем Востоке и депортация 1937 г. // *Проблемы Дальнего Востока*. 1992а. № 4. С. 152–161.

Бугай Н. Ф. О выселении корейцев из Дальневосточного края // *Отечественная история*. 1992б. № 6. С. 141–168.

Волков С. В. Русские офицеры — исследователи Кореи // *Вестн. Центра корейского языка и культуры*. Вып. 5. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2003. С. 193–202.

Волков С. В. К вопросу о русской эмиграции в Корею в начале 20-х годов // *Российское корееведение : альманах*. Вып. 2. М. : Муравей, 2001. С. 149–157.

Гладкий И. Ю. Географические основы этнической экологии : автореф. дис. ... докт. геогр. наук. СПб. : [Б. и.], 2006. 44 с.

Горкавенко Н. Л., Гридина Н. П. Адаптация российской научной интеллигенции в странах дальневосточного зарубежья в 20–30-е гг. // *Российская эмиграция на Дальнем Востоке*. Владивосток : Дальнаука, 2000. С. 62–79.

Денисенко М. Б., Ионцев В. А., Хорев Б. С. Миграциология. М. : Изд-во МГУ, 1989. 96 с.

Дробижева Л. М., Сусоколов А. А. Межэтнические отношения и этнокультурные процессы // *Советская этнография*. 1981. № 3. С. 11–22.

Каменских М. С. Корейцы в Пермском крае: очерки истории и этнографии. Пермь : Маматов, 2014. 192 с.

Килин А. П. Частная торговля и кредит на Урале в годы НЭПа: экономические, политические и социальные аспекты. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. 604 с.

Космарская Н. «Я никуда не хочу уезжать» : Жизнь в постсоветской Киргизии глазами русских // *Вестн. Евразии*. 1998. № 1–2. С. 76–100.

Предисловие

Лазарева С. И. Проблема адаптации российских эмигрантов в Китае (20-е — середина 40-х гг. XX в.) // Дальний Восток России в контексте мировой истории: от прошлого к будущему. Владивосток : Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, 1997. С. 179–183.

Левин З. И. Менталитет диаспоры. М. : Крафт+ : ИВ РАН, 2001. 176 с.

Лурье С. Историческая этнология. М. : Гаудеамус, 1997.

Марксистско-ленинская теория народонаселения / под ред. Д. И. Валентя. М. : Мысль, 1974. 415 с.

Миграция и безопасность в России / под ред. Г. Витковской и С. Панакина. М. : Интердиалект, 2000. 341 с.

Михайлова Н. Б. Психологическое исследование ситуации эмиграции // Психол. журн. 2000. № 1. С. 26–38.

Моисеенко В. М. Некоторые вопросы управления миграционными процессами населения // Вопросы теории и политики народонаселения. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1970. С. 130–140.

Морозова Г. Ф. Территориальная дифференциация приживаемости новоселов // Современные проблемы миграции. М. : Мысль, 1985. С. 14–28.

Николаева И. Ю. Методологический синтез: «сверхзадача» будущего или реалья сегодняшнего дня? // Методологический синтез: прошлое, настоящее, возможные перспективы. М. : Логос, 2005. С. 43–65.

Пак Б. Б. Российская дипломатия и Корея (1888–1897 гг.). М. : ИВ РАН, 2004. 272 с.

Пак Б. Д. Россия и Корея. М. : ИВ РАН, 2004. 520 с.

Переведенцев В. И. Методы изучения миграции населения. М. : Наука, 1975. 232 с.

Пилкингтон Х., Флинн М. Чужие на Родине? Исследование диаспоральной идентичности русских вынужденных переселенцев // Иркутский межрегиональный институт общественных наук : [офиц. сайт]. URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/russ-ost/diaspr/12.html (дата обращения: 21.09.2021).

Писаревская Я. Л. Российская диаспора в Северо-Восточном Китае: проблемы культурной адаптации и реэмиграции // Россия в XX веке: проблемы изучения и преподавания. М. : РГГУ, 1999. С. 74–76.

Предисловие

Полян П. М. Не по своей воле... : История и география принудительных миграций в СССР. М. : ОГИ — Мемориал, 2001. 328 с.

Поршнева О. С. Междисциплинарные методы в историко-антропологических исследованиях. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2005. 136 с.

Рыбаковский Л. Л. Миграция населения: прогнозы, факторы, политика. М. : Наука, 1987. 199 с.

Русские: этносоциологические очерки. М. : Наука, 1992. 461 с.

Русский зодчий Афанасий Середин-Сабатин: у истоков современной архитектуры в Корее / сост. С. Левашко, Т. Симбирцева, М. Федина. М. : Музей рус. искусства, 2018. 8 с.

Семенов Ю. И. Этнос, нация, диаспора // Этнографическое обозрение. 2000. № 2. С. 67–74.

Симбирцева Т. М. История русской общины в Корее: проблемы изучения и новые факты // Корейский полуостров: мифы, ожидания и реальность : в 2 ч. М. : ИДВ РАН, 2001. Ч. 2. С. 45–61.

Смирнов С. В. Российские эмигранты в Северной Маньчжурии (начало 1920-х гг. — 1945 г.): проблема социальной адаптации : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург : [Б. и.], 2002. 24 с.

Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М. : Ин-т психологии РАН : Академ. проект, 2000. 320 с.

Тарасова Н. В., Ускова М. А. О значении исследований в области миграции населения // Социальные проблемы миграции. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1976. С. 185–191.

Тишков В. А. Исторический феномен диаспоры // Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв. М. : ИРИ РАН, 2001. С. 20–30.

Тягай Г. Д. Король Коджон в русской миссии : (Из истории русско-корейских отношений) // Проблемы Дальнего Востока. 1999. № 3. С. 118–124.

Филиппова Е. Адаптация русских вынужденных мигрантов из нового зарубежья // Вынужденные мигранты: интеграция и возвращение / под ред. В. А. Тишкова. М. : Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1997. С. 45–74.

Фомина Т. К. Адаптация в инонациональной среде как социальная проблема: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Волгоград : [Б. и.], 1998. 20 с.

Предисловие

Хисамутдинов А. А. Русские волны на Пасифике: из России через Китай, Корею и Японию в Новый Свет. Пекин ; Владивосток : Рубеж, 2013. 640 с.

Хомра А. У. Миграция населения: вопросы теории, методики исследования. Киев : Наукова думка, 1979. 146 с.

Хорев Б. С., Чанек В. Н. Проблемы изучения миграции населения. М. : Мысль, 1978. 254 с.

Хохлов А. Н. П. А. Дмитриевский — российский дипломат и востоковед // Корея : сб. ст. к 80-летию со дня рожд. проф. М. Н. Пака. М. : Муравей, 1998. С. 284–296.

Чемезова Л. А. Материалы Государственного архива Свердловской области о корейцах на Урале в период Первой мировой войны // Уральское востоковедение : междунар. альм. Екатеринбург, 2005. Вып. 1. С. 190–198.

Эмиграция и репатриация в России / В. А. Ионцев, Н. М. Лебедева, М. В. Назаров, А. В. Огороков. М. : Попечительство о нуждах российских репатриантов, 2001. 490 с.

Hall S. Cultural identity and diaspora // The Middlebury Blog Network : [website]. URL: <http://sites.middlebury.edu/nydiasporaworkshop/files/2011/04/D-OA-HallStuart-CulturalIdentityandDiaspora.pdf> (accessed: 21.09.2021).

Lankov A. The Dawn of Modern Korea. Seoul : EunHaeng NaMu Publ., 2007. 320 p.

Stalker P. Workers without Frontiers: the Impact on Globalization on International Migration. Boulder : Lynne Rienner : ILO, 2000. 163 p.

Часть 1

СУДЬБЫ КОРЕЙЦЕВ НА СРЕДНЕМ УРАЛЕ В XX В.

1.1. Корейцы на Урале в первой четверти XX в.¹

Этническая группа корейцев России сформировалась на Дальнем Востоке в начале XX в. На других территориях Российской империи представители этого народа не селились. Первая всеобщая перепись населения, прошедшая в Пермской губернии в 1897 г., не зафиксировала проживания корейцев на Урале. История уральских корейцев началась в 1904 г. и связана с группой граждан, водворенных на жительство в Пермскую губернию в годы Русско-японской войны.

Известно, что боевые действия в этот период велись преимущественно на территории Маньчжурии и северных районов Кореи. И с первых же дней войны у российской стороны возникла проблема гражданского населения, оказавшегося в зоне боевых действий, — китайцев, японцев и корейцев, которые либо зани-

¹ Исследование выполнено в рамках реализации проекта № 18-6-6-4 «Межэтнические отношения в Прикамье: исторический опыт и современные практики» комплексной программы фундаментальных исследований УрО РАН (регистрационный номер АААА-А18-118021490123-8).

мались межгосударственной или приграничной торговлей, либо работали на строительстве различных объектов.

14 февраля 1904 г. были изданы «Правила, которыми Россия намерена руководствоваться во время войны с Японией» [Правила, с. 47]. В документе, помимо прочего, говорилось, что «поданным Японии разрешается под защитой действующих законов продолжать во время войны свое пребывание в пределах империи, за исключением областей, входящих в состав наместничества на Дальнем Востоке» [Там же]. Тем, кто на момент начала боевых действий оказались на Дальнем Востоке, было предложено вернуться на родину, но не все успели или захотели воспользоваться этим правом. Во избежание случаев шпионажа их арестовывали² [Уткин, с. 311; Попов, с. 369–384]. Петербургский журнал «Нива» сообщал в январе 1905 г.:

Когда вспыхнула на Дальнем Востоке война, всем проживающим в районах боевых действий корейцам и японцам было предложено немедленно выехать в свое отечество. Но некоторые из них не желали или не смогли вернуться туда, и тогда их отправили внутрь России [Корейцы в русской школе, с. 191].

Когда стало понятно, что война затягивается, а количество арестованного гражданского населения растет, 13 мая 1904 г. кабинет министров Российской империи издал за подписью императора «Временное положение о военнопленных Русско-японской войны». В документе сообщалось:

Военнопленные могут быть подвергнуты водворению в городе, крепости, лагере или каком-либо другом месте с обязательством не удаляться за известные определенные границы; но собственно

² Шпионская деятельность была одним из козырей японского командования, а ее недооценка в довоенный период — одним из главных просчетов российской стороны.

1.1. Корейцы на Урале в первой четверти XX в.

заклучению под стражу они могут быть подвергаемы лишь при наличии особой к тому необходимости [Временное положение о военнопленных Русско-японской войны, с. 1389–1398].

Поскольку статус гражданских лиц, оказавшихся в плену, в положении оговорен не был, было принято решение отсылать их вглубь страны на водворение. С этого момента к арестованному гражданскому населению корейского, китайского и японского происхождения начинают применять термин «водворенные» или «высланные с театра военных действий» [ГАПК. Ф. 65. Оп. 3. Д. 569]. На них распространялись общие положения законов о военнопленных, хотя ряд ограничений по передвижению и контролю в связи с отсутствием военной угрозы был отменен. Одним из главных мест для водворения гражданского населения, попавшего в плен к российским войскам в зоне ведения боевых действий, стала Пермская губерния. Транспортная доступность и нахождение вдали от границ делали ее удобным местом для размещения водворенных.

Поскольку война велась в приграничной с Кореей зоне в период миграции корейцев в Российскую империю, в плен на водворение попадали и корейцы, жившие на исторической родине или в Китае, и те, что уже освоились в России. Судя по поименным спискам и письмам, некоторые из водворенных уже были православными и владели русским языком, а некоторые просто временно работали в приграничной зоне.

Точная дата прибытия первой партии в Пермскую губернию неизвестна. Но 2 июня 1904 г. «Пермские губернские ведомости» сообщали:

На днях в Пермь прибывает партия японцев в количестве 478 человек: из них мужчин 308, женщин 150, детей 20. В партии, кроме японцев, находятся еще 13 китайцев и 15 корейцев. Вслед за этой партией прибудет еще одна в количестве 409 человек. Все они будут расселены в пределах Пермской губернии [К прибытию пленных японцев].

А 8 июня газета сообщала о том, что «мирные пленники» уже размещены в Перми. Присланных корейцев расселили в Перми (57 чел.), Нытве (17 чел.), Камышлове (9 чел.) и Оханске (9 чел.) [ГАПК. Ф. 65. Оп. 3. Д. 11. Л. 1]. Кроме корейцев, в Пермскую губернию были водворены также китайцы и японцы [Каменских, 2009b].

К началу сентября 1904 г. в Пермской губернии уже находилось около сотни корейцев. Около месяца ситуация с водворенными и их дальнейшей судьбой была довольно неопределенной. Только 9 августа 1904 г. пермский губернатор А. П. Наумов получил с припиской «Срочно. Секретно» высочайший указ его императорского величества о том, что нужно делать дальше. Согласно документу, «начальником губернии должна была быть представляема ежемесячно ведомость с точными сведениями о числе и месте водворенных в империи военнопленных “желтолицых” с подразделением на национальности» [ГАПК. Ф. 65. Оп. 5. Д. 10. Л. 4]. Во исполнение этого указа департамент полиции МВД потребовал от губернатора доставлять «по телеграфу к первому числу каждого месяца точные сведения о прибывших во вверенную вам губернию удаленных с Дальнего Востока желтолицых с указанием мест водворения в губернии с подразделением на японцев, китайцев и корейцев» [Там же]. К 22 октября 1904 г. численность корейцев уже составляла 298 чел. [Там же. Д. 11. Л. 113]. В Перми большинство из них проживали в 3-й части на углу Пермской и Ермаковской улиц, в доме Шалашиной [Там же. Л. 108]. Корейцы также жили в квартирах, нанимаемых местной администрацией за 83 руб. в месяц. Некоторые из них жили в частных квартирах [Еще о корейцах в Перми].

Сохранившиеся в фондах ГАПК отчеты губернатора позволяют реконструировать особенности облика и быта корейцев Урала в указанный период. Анализ «Требовательных арестантских ведомостей» показывает, что среди водворенных было в основном мирное население. Из 95 корейцев, на которых сохранились дан-

1.1. Корейцы на Урале в первой четверти XX в.

ные, было 83 мужчины, семь женщин и пятеро детей. Из мужчин были женаты 20, остальные — холостые. Средний возраст неженатых — 24–29 лет, женатых — 35–40. Среди наиболее упоминаемых занятий встречались пекари (10 чел.), чернорабочие (11 чел.), пильщики (13 чел.), портовые грузчики (17 чел.), торговцы (5 чел.), прачечники (3 чел.).

Мирное поведение водворенных подтвердил и пермский полицмейстер, написавший губернатору 26 октября 1904 г. следующее:

Проживающие в Перми корейцы образ жизни ведут правильный, в дурном поведении и предосудительных сношениях и деятельности никто из них замечен не был. Большинство из корейцев определенных занятий не имеют, за всеми за ними бдительный контроль мною установлен [ГАПК. Ф. 65. Оп. 5. Д. 11. Л. 147].

В зимнее время корейцам на казенные средства закупали дрова, шапки, полушубки и валенки [Там же. Л. 160].

Оставшиеся без поддержки корейцы вынуждены были решать свои проблемы самостоятельно. О реальном положении отчасти свидетельствуют письма, присылавшиеся от их имени в адрес губернатора. В своих обращениях корейцы часто ссылались на отсутствие работы и нехватку казенного пособия. Так, например, 10 сентября 1904 г. корейцы Иван Игури, Иутиро Боги, Ходан Чуне попросили переселить их из Соликамска в Пермь, так как «не способны к черным работам» [Там же. Д. 10а. Л. 322]. А 6 октября 1904 г. к губернатору обратилась группа из шести корейцев с просьбой предоставить им квартиру и повысить кормовые до 15 коп. в сутки [Там же. Д. 11. Л. 38]. Кореец Чинь Юту Ча просил у губернатора займы 20 руб. на покупку товаров для открытия бакалейной лавки. Деньги обещал вернуть от полученной прибыли [Там же. Д. 11а. Л. 280]. За корейцев даже вступались местные газеты:

Часть 1. Судьбы корейцев на Среднем Урале в XX в.

Благодаря незнанию русского языка аборигены Востока не могут найти в городе и поденных работ. Не мешало бы нашим городским заправилам обратить на это свое внимание и хоть из сострадания к лишенным своей семьи и родного края чужеземцам приискать им какую-нибудь работу [Китайцы и корейцы в Перми].

О проблемах корейцев, связанных с адаптацией к системе трудовых отношений принимающего сообщества, писал исправник Камышловского уезда:

Желтолицы³ не имеют средств на покупку теплого платья лишь вследствие своей лени, так как подходящая для них работа есть, и они могут заработать на приобретение теплой одежды средства [ГАПК. Ф. 65. Оп. 5. Д. 11а. Л. 225].

Следует заметить, что речь идет не о неспособности к труду как таковому, а о меньшей способности к адаптации. Проведя зиму в Перми, многие корейцы при помощи губернатора были устроены на погрузочные работы в порт. Об этом писала местная газета: «Сверх ожидания, корейцы, оказывается, могут удачно конкурировать и с русскими и татарами в этой тяжелой работе» [К пребыванию корейцев в Перми]. 28 февраля 1905 г. с разрешения губернатора 40 корейцев отправились на Усввинские копи, которые принадлежали торговому дому «Братья И. и Г. Бердинские» [Корейцы].

В источниках также сохранился ряд сведений о занятиях корейцев торговлей. В первые месяцы жизни в Перми многие из них занялись изготовлением «птичек из крашеной ваты», «цветов из папиросной бумаги», «шаров и круглых вееров из цветной бумаги», которые сначала пользовались у пермяков большой по-

³ Как уже говорилось выше, в Камышлове в заключении находились только корейцы, соответственно, речь в данном отрывке идет о них.

1.1. Корейцы на Урале в первой четверти XX в.

пулярностью [Китайцы и корейцы в Перми]. Были случаи, когда местные предприниматели скупали у корейцев их товар оптом (по 800 штук) и продавали в уездах с наценкой [Торговля корейскими изделиями]. Помимо торговли, предприимчивые корейцы открыли в городе прачечные:

В корейских прачечных работают и русские женщины, которые главным образом и гладят крахмальное и другое белье и ездят полоскать его на Каму. Самую же черную часть работы — стирку белья — производят корейцы-мужчины [Корейцы и китайцы].

Наиболее интересным эпизодом, связанным с пребыванием водворенных на Урале корейцев, является массовое принятие ими православия.

8 октября 1904 г. корейцы Хан-Де-Зун и Чун-Бу-Чи⁴ обратились к губернатору с просьбой определить их в какую-либо народную школу города Перми для изучения русского языка [ГАПК. Ф. 65. Оп. 5. Д. 11. Л. 58]. Инициатива корейцев не встретила возражений со стороны местных властей. 15 октября 1904 г. инспектор народных училищ Сироткин писал, что проживающие в Перми корейцы

...могут быть приняты для сей цели по представлению надлежащих удостоверений о своей личности в число слушателей вечерних классов при Кирилло-Мефодиевском мужском приходском училище, о чем дано соответствующее распоряжение [Там же. Л. 91].

А 4 ноября 1904 г. директор уже спрашивал у пермского губернатора А. П. Наумова разрешения допустить корейцев в качестве слушателей на вечерние классы при Кирилло-Мефодиевском училище. Губернатор дал согласие [Там же. Д. 11а. Л. 223].

⁴ Написание имен здесь и далее осуществлено в соответствии с источниками.

Просвещением корейцев занимался духовник семинарии священник отец Константин (Шестаков). В течение трех месяцев он учил корейцев читать и писать по-русски, преподавал им священную историю. Вот как описывается его работа в «Пермских губернских ведомостях»:

Отец Константин обыкновенно приглашает корейцев в семинарию и здесь ежедневно занимается с ними с двух часов дня до пяти часов вечера, обучая их чтению и письму на русском языке и знакомя их с вероучением православной церкви. Занятия его, как мы видим, не остаются безрезультатными: многие корейцы оставляют свои языческие заблуждения и изъявляют желание вступить в православную церковь. С последними отец Константин ведет особые занятия, он преподает им краткую священную историю, знакомя их с основными догматами христианской религии, и учит главнейшим молитвам. Все корейцы, видимо, интересуются этими занятиями, и число их возрастает [О крещении корейцев].

Среди занимающихся были как полностью неграмотные, так и владеющие русским языком, поскольку беседы между отцом Константином и корейцами велись «при посредстве нескольких человек из среды самих же корейцев, понимающих и знающих русскую речь» [К крещению корейцев].

В результате проводившейся отцом Константином миссионерской работы многие корейцы изъявили желание принять православие. «Мы желаем принять православную христианскую веру и креститься», — писали корейцы Пак Тоген и Александр Юнон [ГАПК. Ф. 65. Оп. 5. Д. 11. Л. 169]. Как следует из источников, процесс обучения был трудным. «Скорейшее обучение меня православной вере для священников является трудным, а очень хочется поскорее креститься по православному христианскому обряду», — сообщал в ноябре 1904 г. кореец Тоген Тин [Там же. Л. 32].

1.1. Корейцы на Урале в первой четверти XX в.

Первыми православие в Перми 23 января 1905 г. приняли девять корейцев: Так-Тогой-Тим, Юн-Ин-И, Ким-Са-Чу, Пан Хедо, Ким-Пон-Сан, Тен-Цан-Шин, Ким-Ки-Сен, Ким-Ань-Ось и Александр Юнон [ГАПК. Ф. 65. Оп. 5. Д. 11. Л. 146]. Обряд крещения совершал епископ Кунгурский Павел. В ходе крещения «корейцы отвечали на русском языке и даже сами прочитали на русском языке Символ веры» [Крещение корейцев. 1905. 25 янв.]. Сам обряд был подробно описан в местных газетах. Автор статьи в «Пермских губернских ведомостях» особо подчеркивал, что воспитанник шестого класса семинарии П. Писарев после крещения произнес для корейцев краткое поучение, в котором «приветствовал вновь присоединившихся со вступлением в недра матери св. церкви после долгого их блуждания по дебрям язычества». У некоторых корейцев «на лицах видны были слезы радости» [Там же]. Помимо крещения, каждый кореец накануне проходил чин перехода от язычества к святой православной вере, каждый получил русское имя [Там же. 22 янв.].

Позже «Пермские губернские ведомости» сообщали, что крестившиеся корейцы начали миссионерскую работу среди своих соотечественников и смогли собрать новую группу для занятий. Эта деятельность, однако, наткнулась на неприятие со стороны корейцев, не желавших принимать крещение. В результате корейцы, готовившиеся к крещению, были жестоко избиты противниками этого обряда [Корейцы в Перми].

Тем не менее, 19 апреля 12 корейцев и одна японка приняли православие. На следующий день обращенные в православие корейцы были причащены епископом Пермским и Соликамским Никанором [Крещение корейцев. 1905. 22 апр.]. Всего же православие за год приняли 22 корейца [Крещение корейцев и японцев].

Мотивация для подобного шага со стороны корейцев могла быть самой разной. С одной стороны, известно, что многие российские корейцы того времени принимали православие, чтоб

получить русское подданство и земельные наделы [Пак, с. 131]. Однако корейцы, крестившиеся в Перми, не были выходцами с Дальнего Востока, а некоторые даже не относились к категории нуждавшихся. Принятие православия можно объяснить не только желанием перейти в подданство России, но и кризисом идентичности, наступившим у корейцев в начале XX в., поскольку у них не было собственной государственности, и они находились под сильным давлением Японии и Китая [Пискулова, с. 70]. Появление сильной Российской империи, дававшей им право жить по собственным традициям и обычаям, наверняка создавало в среде корейцев представления об успешности и внутренней силе российского государства⁵. Конечно, названная причина не является единственной и для принятия православия у корейцев были разные мотивы, но данный фактор мог оказать свое влияние.

Последнее, на что хотелось бы обратить внимание, это реакция местного населения на появление «желтолицых». Отношение пермских жителей не было однозначным. Весной 1905 г., когда корейцы стали работать в порту, «Пермские губернские ведомости» писали: «Сколько можно заметить, несочувствия или враждебного отношения к корейцам в этом деле со стороны русских или татар нет» [К пребыванию корейцев в Перми]. Но случались и конфликты. В канцелярию губернатора не раз поступали жалобы китайцев и корейцев на поведение местных жителей. Например, 22 мая 1905 г. произошла драка между пьяными солдатами, вернувшись с фронта, и корейцами в Нытвенском заводе. Об этом конфликте писал губернатору оханский уездный исправник [ГАПК. Ф. 65. Оп. 5. Д. 11. Л. 102].

С течением времени корейцы все более приживались в новой среде. Формирующаяся корейская община приобрела свой специ-

⁵ Тем более, что Россия весьма лояльно относилась к корейскому населению в конце XIX в. В самой Корее при царском дворе даже существовала прорусская группировка во главе с ваном Коджоном.

1.1. Корейцы на Урале в первой четверти XX в.

фический облик, однако начавшиеся в середине лета мирные переговоры воюющих сторон остановили эти процессы. Последняя партия прибыла на водворение в Пермь 31 июля 1905 г. [ГАПК. Ф. 65. Оп. 3. Д. 570. Л. 68]. После подписания мира пребывание корейцев в Перми уже не было необходимою, но всем желающим было разрешено остаться. Так, 18 июня 1905 г. одна корейская семья обратилась к губернатору с просьбой:

В августе 1904 г. по распоряжению российского правительства нас всех четырех отправили в г. Пермь, куда и прибыли в сентябре месяце прошлого года... В настоящее время прошел слух, что будто бы нас хотят отправить на жительство в другой какой-нибудь город или местность, не найдете ли вы возможным оставить нас в Перми [Там же. Л. 28, 68].

После того, как им разрешили, другие последовали их примеру. В декабре 1905 г. «Пермские губернские ведомости» сообщали:

Корейцы и китайцы, несмотря на недавнее окончание войны, все еще живут в нашем городе и занимаются своими обычными делами — набиванием папирос, приготовлением цветов и других вещей из бумаги разных цветов и продажей их на базарах [Корейцы и китайцы].

После августа 1905 г. каких-либо серьезных документов или упоминаний о корейцах в Перми уже не встречается. Однако ряд документов косвенно свидетельствует, что они продолжили жить и работать в Перми. Так, в середине 1913 г. по инициативе нового губернатора И. Ф. Кошко была проведена проверка живущих в губернии корейцев, поскольку в Пермской губернии стал замечен «большой наплыв желтолицых». В этой связи губернатор обратился к каждому из уездных исправников с циркуляром, в котором требовал

Часть 1. Судьбы корейцев на Среднем Урале в XX в.

...совершенно секретно, тактично и крайне осторожно выяснить в отношении всех находящихся в вверенном Вам районе желтолицых, с какой целью они в данной местности появились, чем занимаются, на какие средства существуют, с кем ведут знакомство или вообще какие-либо сношения, не держат ли каких-либо отлучек, куда и с какой целью, не получают ли какой-либо корреспонденции, обращают ли на себя внимание... Установить за ними для выяснения всего этого тщательное, но, безусловно, конспиративное наблюдение [ГАПК. Ф. 65. Оп. 1. Д. 117. Л. 4–5].

В ответном рапорте пермского уездного исправника от 6 августа 1913 г. говорится о группе живущих в Перми корейцев, которые

...прибыли в Мотовилихинский завод из Приамурского края со времен войны с Японией в 1904 г. Занимаются набивкой и продажей папирос, чем снискали себе средства к жизни. Живут они бедно, никаких знакомств с лицами, скомпрометированными в политическом отношении, не имеют [Там же. Оп. 5. Д. 117. Л. 3].

Сведения об этих корейцах отражены и в ряде более поздних документов. Когда в 1937 г. в стране начались репрессии, они коснулись и корейского населения Урала. Арестованный в городе Нытве пенсионер Михаил Дмитриевич Сивков 1875 г. р., по национальности кореец, указал на допросе, что «прибыл в Россию в качестве военнопленного в 1905 году» [ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 8690]. Герман Алексеевич Кедров 1911 г. р. на допросе показал, что его отец «по национальности кореец, военнопленный Русско-японской войны» [Там же. Д. 4173. Л. 11]. Мать Г. А. Кедрова, когда писала письмо об освобождении сына, представила несколько фактов из биографии его отца. В частности, она пояснила, что «муж принял русское подданство, о чем имеется письмо пермского губернатора», «в 1919–20 г. работал в корейско-китайском союзе (корейско-китайской секции бюро

1.1. Корейцы на Урале в первой четверти XX в.

нацменьшинств Пермского губкома. — *прим. авт.*) председателем месткома», «умер на работах в Саратове в 1924 году от малярии» [Там же. Л. 8–10].

Следующая волна миграции корейцев относится к периоду Первой мировой войны, когда из-за мобилизации на уральских предприятиях обнаружился дефицит рабочих рук и было принято решение о наборе рабочих с Дальнего Востока [Аникст, с. 40–43]. В течение 1915–1916 гг. в Пермскую губернию было призвано до 10 тыс. рабочих — китайцев и корейцев [Каменских, 2009а, с. 173–174]. Несколько сотен корейцев были призваны для работы на предприятиях С. С. Абамелек-Лазарева, на Сосьвинском заводе Богословского округа, на рудниках и в лесничествах акционерного общества Лысьвенского горного округа наследников графа П. П. Шувалова и на Усьвинских каменноугольных копиях [ГАПК. Ф. 65. Оп. 1. Д. 586; Оп. 3. Д. 595, 571; Ф. 209; ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 252].

После революционных событий 1917 г. многие корейцы приняли участие в Гражданской войне на стороне красных. Известно о 28 корейцах, воевавших в составе 1-го Интернационального коммунистического полка, сражавшегося на Урале и в Сибири [Донесение штаба 1-го Интернационального коммунистического полка, с. 247]. С окончанием Гражданской войны часть корейцев осталась жить в местах прежней работы.

После 1918 г. начинается новый этап в истории корейцев Урала. К началу 1920-х гг. здесь их компактно проживало около сотни. Часть из них жили в Пермской губернии еще со времен Русско-японской войны, часть составляли рабочие периода Первой мировой войны.

Установление советской власти, на первый взгляд, открыло новые возможности для различных этнических сообществ. Известно, что специально для решения проблем национальностей в структуре советского правительства был создан Народный комиссариат по делам национальностей (Наркомнац) — единст-

венный комиссариат, не дублировавший аналогичную структуру в царском правительстве [Песикина, с. 3]. Принятая 3 ноября 1917 г. в соответствии с интернациональной идеологией большевиков «Декларация прав народов России» уравнила в правах и статусе (вплоть до отделения) все народности [Национальный вопрос и советская Россия, с. 3].

В этот период шла полемика по поиску новых идентичностей для различных групп населения; одновременно пришедшие к власти политические силы, следуя принципам интернационализма, активно поддерживали инициативы по созданию лояльных национально-культурных сообществ. На местах национальные комитеты и отделы Наркомнаца имели разветвленную сеть национальных комиссариатов и отделов, организованных при губернских, уездных и городских Советах, через которые Наркомнац осуществлял национальную политику. К концу 1918 г. в стране было создано уже более ста отделов по делам национальностей в 20 губерниях [Песикина, с. 61–62]. На Урале, как и по всей России, в 1920-е гг. советская власть активно сотрудничала с различными национальными меньшинствами. С 1918 г. в структуре губкомов, а с 1923 г. — окружкомов существовали агитпропотделы, в которых действовали бюро нацменьшинств⁶ [Путеводитель по фондам Государственного архива новейшей истории и общественно-политических движений Пермской области, с. 25; ГАСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 341. Л. 8]. На этот орган возлагались функции по работе среди этнических сообществ [ПермГАСПИ. Ф. 577. Оп. 2. Д. 168. Л. 5].

Сообщества по этническому признаку создавались как на уровне страны, так и в отдельных регионах. Не обошел этот процесс и корейцев. Их общественные организации в провинции стали возникать в стране еще с 1919 г. 25 февраля 1919 г. на II Все-

⁶ В 1920 г. в структуре Пермского губкома был создан агитационно-распределительный отдел, который в 1921 г. был переименован в агитационно-пропагандистский (агитпропотдел). Ликвидирован в ноябре 1923 г. в связи с введением окружной системы.

1.1. Корейцы на Урале в первой четверти XX в.

русском съезде корейских национальных обществ, проходившем в Уссурийске, был учрежден Корейский национальный союз [ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 19. Д. 251; Сим Хон Ёнг].

В 1920 г. в Перми по адресу ул. Екатерининская, 82 было открыто отделение Корейского национального союза, организационное собрание которого прошло 1 января 1920 г. [ПермГАСПИ. Ф. р. 17. Оп. 1. Д. 48. Л. 1]. Председателем единогласно был избран Ли-Хан-Ча, остальные должности заняли следующие корейцы: заместитель — Ю-Мун-Як, управделами и финансами — Иван Иванович Магай, заведующий юридическим отделом — Цай-Цан-Юй, секретарь — Ю-У-Ен, уполномоченный для сношения союза с учреждениями — Пак-Хва-Юн, члены коллегий — Ли-Ди-Сен, Чой-Юн-Хи, Тен-Чи-Хай, Тен-Ги-Сен, Ким-Дин-Эта, Ким-Чан-Бок, Ким-Сун-Як, заведующий отделом национальной политики — Ли-Хан-Бем, ревизоры — Ли-Ен-Гу и Ким-Сен-Хо [Там же. Л. 2].

Из Устава Корейского национального союза:

1. Организация союза

Корейский национальный союз является учреждением, объединяющим и регулирующим деятельность всех корейских организаций в России.

2. Цели и задачи

Союз ставит своей основной целью объединение трудящихся масс Кореи в единую семью с трудящимися классами в Европе и Азии.

Политической программой союза является:

- восстановление политической самостоятельности Кореи на основе самоопределения ее населения;
- борьба с японским экономическим и политическим господством в Корее;
- противостояние японскому империализму в Азии.

Часть 1. Судьбы корейцев на Среднем Урале в XX в.

Цели союза:

- объединений всех живущих в России корейцев;
- организация Корейского национального союза и Корейского консульства;
- организация местных союзов;
- борьба за самостоятельность Кореи, ее национальное самоопределение, за установление в Корею трудовых действий с русским и мировым пролетариатом;
- революционная пропаганда среди корейцев Кореи, Сибири и на Дальнем Востоке;
- борьба против японского империализма всеми способами и участие в борьбе за освобождение угнетенных народностей Азии;
- контакты с корейскими организациями в Америке;
- обращения к населению Кореи с воззваниями [ПермГАСПИ. Ф. р. 17. Оп. 1. Д. 48. Л. 2].

Как видно, пермский Корейский национальный союз был структурным подразделением общероссийской организации и не имел собственных локальных целей. Из источников следует, что союз создавался без участия пермского губкома партии, о чем свидетельствует письмо секретаря губкома в ЦК РКП(б) от 16 января 1920 г., в котором сообщается, что «только когда уж образовался союз, по нашему предложению отдел управления подробно ознакомился с корейским союзом и отказался признать его» [ПермГАСПИ. Ф. 577. Оп. 1. Д. 104. Л. 39]. Союз вел агитационную и пропагандистскую работу среди корейцев Перми и губернии. Известно, что в 1923 г. на средства общества выпускалась газета «Голос пермских корейских рабочих» [ГАПК. Ф. 484. Оп. 2. Д. 322. Л. 1].

Сведений о дальнейшем взаимодействии губкома с союзом не сохранилось, однако известно, что 8 ноября 1920 г. при Пермском губкоме партии была создана корейско-китайская секция [ПермГАСПИ. Ф. 577. Оп. 2. Д. 168. Л. 5]. На первом ее собрании

1.1. Корейцы на Урале в первой четверти XX в.

присутствовало 16 чел. В «Акте о деятельности секции» от 25 января 1921 г. говорится, что в секции значились один член РКП и 43 кандидата, имелись 57 писем и 87 брошюр на корейском языке, печать и штамп [Там же. Л. 5]. Учитывая, что возглавлял секцию И. И. Магай, можно предположить, что она являлась продолжением Корейского национального союза.

В «Докладе о работе корейско-китайской секции за период с 8 ноября 1920 г. по 25 января 1921 г.» сообщается, что на общих собраниях «иногда присутствовал представитель горрайона, и зачитывал лекции, и знакомил с программой партии, товарищ Магай переводил с русского языка по-корейски и по-китайски» [Там же. Л. 9]. Секция не охватывала всех корейцев и даже вызвала некоторое раздражение со стороны большинства из них. Далее в докладе сообщается, что, «когда секция начала сильнее разворачивать свою работу и повела борьбу со спекуляцией, то ей начали угрожать [лица] из корейцев и китайцев, которые этим злом занимались» [Там же. Л. 9].

Несколько раз недовольные корейцы приходили на собрания секции и пытались разогнать ее, особенно угрожая Магаю. Среди главных недовольных называли китайца Пуниби, который служил в ЧК в качестве агента. В дальнейшем руководство Агитпропотдела поручило Магаю поймать Пуниби и выяснить причины его недовольства. Для поимки Пуниби Магай выбрал пять кандидатов на вступление в РКП(б) из числа китайцев, четырех человек от уголовной комиссии и несколько человек из ЧК. Далее, как следует из доклада, между сторонниками Пуниби и Магая началась перестрелка. Пуниби застрелили, одного из его сторонников ранили, двоих арестовали и увезли в ГубЧК, остальные разбежались. Магай приказал разыскивать всех убежавших. 30 ноября один из этих китайцев был задержан на станции Шабуничи, но там же агенты ЧК арестовали и Магая. При обыске его квартиры оказалось, что Магай скрывал у себя несколько винтовок, с помощью которых и расправлялся со своими конкурентами. После его ареста ко-

рейско-китайская секция фактически прекратила свою работу [ПермГАСПИ. Ф. 577. Оп. 2. Д. 168. Л. 9]. 9 января 1921 г. еще состоялось ее собрание, но его протокол «по-русски не написан, и в настоящее время секции не существует. Осталось всего кандидатов 4 человека» [Там же].

Корейцы Перми в первые годы советской власти упоминались также в связи с делом по обвинению китайца Сан-До-Мина. 3 августа 1919 г. комиссаром ГубЧК был проведен обыск в доме № 89 по ул. Красноуфимской в квартире корейского врача Цой-Да-Е. В момент обыска в квартире находились 11 китайцев и корейцев, один из которых «поспешно что-то прятал под подушку, это был револьвер» [ГАПК. Ф. 49. Оп. 1. Д. 224. Л. 82]. Кроме револьвера, были изъяты 7,5 фунта кокаина, деньги, 16 мешков вермишели, 50 фунтов стеариновых свечей и четыре мешка муки [Там же]. Всех находившихся в квартире задержали. В ходе следствия комиссар китайского отряда Ли Сифан неоднократно обращался в судебные органы с просьбой освободить задержанных как бойцов Красной армии, которые попали в плен и собирались вернуться в расположение его отряда. Однако эти просьбы остались без ответа [ГАПК. Ф. 49. Оп. 1. Д. 224; ПермГАСПИ. Ф. 577. Оп. 2. Д. 168. Л. 29, 86]. В ноябре 1919 г. задержанные получили по три года условно с обязательством, что не будут замечены в спекуляции. В случае его нарушения им грозила высылка из страны. Известно также, что защитником этой группы в суде выступал «председатель корейского общества» Алексей Николаевич Ким, живший по ул. Вознесенской, 90 [ГАПК. Ф. 49. Оп. 1. Д. 224. Л. 85].

Дальнейших упоминаний о деятельности корейских обществ на территории Урала в источниках нет. Однако данный исторический эпизод свидетельствует о том, что уже в первые годы советской власти многие стихийно возникшие общественные организации, сформированные по этническому признаку, быстро попадали под контроль органов власти и фактически становились зависимыми от них, в связи с чем их дальнейшее развитие из-за

1.1. Корейцы на Урале в первой четверти XX в.

отсутствия инициативы останавливалось. Как известно, в 1926 г. по решению СНК Союз корейцев, в котором числилось и пермское отделение, был ликвидирован, несмотря на просьбы со стороны его членов созвать конференцию или сессию Союза корейцев⁷ [ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 18. Д. 31. Л. 2].

* * *

Такими образом, в начале XX в. Пермская губерния дважды, в 1904–1905 гг. и 1914–1917 гг., становилась центром притока мигрантов корейского происхождения, многие из которых оставались жить на Урале. К началу 1920-х гг. в Пермской губернии уже существовало корейское сообщество, имеющее свою историю. Это позволило пермским корейцам создать свое общество, издавать газету, принимать участие в общественной жизни, то есть сохранять и воспроизводить свою культуру. Однако эпоха репрессий и ограничение корейской миграции внутри страны прекратили эти процессы. К середине XX в. корейцы практически растворились в местной среде.

Библиографические ссылки

Аникст А. А. Организация распределения рабочей силы в 1920 году. М. : Изд. агит.-издат. отдела Главкомтруд и Наркомтруд, 1921. 118 с.

Временное положение о военнопленных русско-японской войны // Собрание узаконений и распоряжений правительства, изданных при правительствующем сенате. Отдел 1-й. 1-е полугодие. СПб. : [Б. и.], 1904. С. 1389–1398.

ГАПК. Ф. 65. Оп. 1. Д. 117. Л. 4–5; Д. 586; Оп. 2. Д. 322. Л. 1; Оп. 3. Д. 11, 569; Д. 570. Л. 68; Д. 10, 10а, 11а, 571, 595; Ф. 484.

ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 19. Д. 251.

⁷ В копии отношения ЦИК Союза корейцев от 19 февраля 1925 г. № 87 говорится: «С 1923 года накопилось очень много материалов, требующих разрешения только на съезде, но ЦК партии по политическим соображениям такового созвать временно не разрешил».

Часть 1. Судьбы корейцев на Среднем Урале в XX в.

ГАСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 341. Л. 8; Ф. 45. Оп. 1. Д. 252.

Донесение штаба 1-го Интернационального коммунистического полка начальнику штаба Восточно-Сибирской советской армии о национальном составе интернациональных дружин // Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России (1917–1922). М. : Сов. Россия, 1957. С. 247.

Еще о корейцах в Перми // Перм. губ. ведом. 1905. 31 янв.

К крещению корейцев // Перм. губ. ведом. 1905. 14 янв.

К пребыванию корейцев в Перми / Перм. губ. ведом. 1905. № 93. 25 янв.

К прибытию пленных японцев // Перм. губ. ведом. 1904. 12 сент.

Каменских М. С. Китайский вопрос в правительстве Российской империи в период Первой мировой войны // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы : сб. материалов III регион. молодеж. науч. конф. Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2009а. С. 173–180.

Каменских М. С. Китайцы, японцы и корейцы, водворенные в Пермскую губернию в годы Русско-японской войны // Урал. ист. вестн. 2009b. № 3 (24). С. 49–53.

Китайцы и корейцы в Перми // Перм. губерн. ведом. 1905. 25 янв.

Китайцы и корейцы в Перми // Перм. губерн. ведом. 1905. 25 янв.

Корейцы // Перм. губерн. ведом. 1905. 5 марта.

Корейцы в Перми // Перм. губерн. ведом. 1905. 14 янв.

Корейцы в русской школе // Нива. 1905. № 10. С. 191.

Корейцы и китайцы // Перм. губерн. ведом. 1905. 17 дек.

Корейцы и китайцы // Перм. губерн. ведом. 1905. 17 дек.

Крещение корейцев // Перм. губерн. ведом. 1905. 22 апр.

Крещение корейцев // Перм. губерн. ведом. 1905. 25 янв.

Крещение корейцев // Пермские губерн. ведом. 1905. 22 янв.

Крещение корейцев и японцев // Перм. губерн. ведом. 1905. 9 нояб.

Национальный вопрос и Советская Россия. М. : Гос. изд-во, 1921. 90 с.

О крещении корейцев // Перм. губерн. ведом. 1905. 25 марта.

Пак Б. Д. Переселение корейцев в Россию // Энциклопедия корейцев России : 140 лет в России. М. : Рос. акад. естеств. наук, 2003. С. 129–140.

1.1. Корейцы на Урале в первой четверти XX в.

ПермГАСПИ. 641/1. Оп. 1. Д. 4173. Л. 11; Д. 8690; Ф. 577. Оп. 1. Д. 104. Л. 39; Ф. 577. Оп. 2. Д. 168. Л. 5; Ф. р. 17. Оп. 1. Д. 48. Л. 1.

Песикина Е. И. Народный комиссариат по делам национальностей и его деятельность в 1917–1918 гг. М., 1950. 156 с.

Пискулова Ю. Е. Российско-корейские отношения в середине XIX — начале XX века. М. : Вост. лит., 2004. 234 с.

Попов И. М. Россия и Китай: 300 лет на грани войны. М. : Астрель : Ермак : АСТ, 2004. 512 с.

Правила, которыми Россия намерена руководствоваться во время войны с Японией // Иллюстрированная летопись Русско-японской войны. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1904. 90 с.

Путеводитель по фондам Государственного архива новейшей истории и общественно-политических движений Пермской области. Пермь : [Б. и.], 2001. 342 с.

Сим Хон Ёнг. К истории корейских общественных организаций в России в первой четверти XX века : Перепись населения 1926 года // Lib.ru : [сайт]. URL: http://world.lib.ru/k/kim_o_i/a13-1.shtml (дата обращения: 24.02.2017).

Симбирцева Т. М. Русско-корейские переговоры в Кёнхыне в 1869 г. и их историческое значение // Энциклопедия корейцев России : 140 лет в России. М. : Рос. акад. естеств. наук, 2003. 1450 с.

Торговля корейскими изделиями // Перм. губерн. ведом. 1905. 2 июля.

Уткин А. И. Русско-японская война : В начале всех бед. М. : ЭКСМО : Алгоритм, 2005. 493 с.

1.2. Политика Советского государства в отношении корейского населения в 1917–1937 гг. (на примере Пермской области)

1917 г. был рубежным для Прикамья и России по целому ряду направлений, в том числе в отношении национального вопроса. Важные процессы в общественной национально-культурной жизни начались еще до прихода к власти большевиков. И во многом первые действия советской власти по решению национального вопроса были продиктованы теми изменениями, которые произошли в российском обществе именно в 1917 г. Эти процессы могут быть наглядно проиллюстрированы на примере Пермской губернии.

В данной главе будет рассмотрен процесс институционализации, огосударствления и большевизации национально-культурного движения, закончившийся уже через 20 лет этнически мотивированными репрессиями, то есть преследованием групп людей исходя из их этнического происхождения. Анализ будет проведен на примере корейского этнического сообщества. Выбор именно этого народа не случаен. Во-первых, советские корейцы были лояльно настроены по отношению к советской власти, которая действительно много им дала по сравнению с исторической родиной. Во-вторых, внешние этнические признаки позволяли корейцам оставаться заметными в общественном пространстве, что делало их удобной мишенью для репрессивного аппарата. Основным источником для исследования послужили личные дела корейцев Пермской (Молотовской) области, хранящиеся в Пермском государственном архиве социально-политической истории (ПермГАСПИ). Личные дела содержат биографическую информацию о репрессированных, материалы допросов, решения судов, а также документы по реабилитации.

Как уже отмечалось, в годы Первой мировой войны в Пермь стали прибывать беженцы из западных губерний России — немцы,

1.2. Политика Советского государства в отношении корейского населения в 1917–1937 гг.

евреи, поляки, латыши, украинцы. Вместе с беженцами в Прикамье размещались военнопленные, армейские подразделения, формировавшиеся в районах с отличающимся этническим составом населения [Черных, Каменских, Белавин, с. 68]. Кроме этого, из-за дефицита рабочих рук на пермские заводы стали привлекать китайцев и корейцев, общая численность которых к началу 1917 г. превысила 10 тыс. чел. [Каменских, 2011, с. 53]. В результате в 1917 г. в Пермской губернии уже существовали и самоорганизовывались этнические группы евреев, латышей, эстонцев, поляков, украинцев, корейцев, китайцев, немцев [Каменских, 2019, с. 33]. Принятое в 1917 г. постановление Временного правительства «О регистрации товариществ, обществ и союзов» позволило регистрировать общества, не имеющие целью извлечение прибыли [О регистрации товариществ, обществ и союзов]. На основании этого документа в Перми были зарегистрированы общества поляков, латышей, евреев, немцев, эстонцев, китайцев. Все они занимались оказанием помощи соотечественникам, в первую очередь вопросами репатриации. Большая часть этнических сообществ размещалась в Перми и других крупных городах губернии.

После взятия власти большевиками для взаимодействия с этими сообществами при Пермском губкоме РКП(б) в 1918 г. было создано местное бюро национальных меньшинств (бюро нацмен). На этот орган возлагались функции по взаимодействию с представителями разных национальностей [Путеводитель по фондам Государственного архива новейшей истории и общественно-политических движений Пермской области, с. 25].

Уже в первые месяцы после прихода к власти большевистское правительство начало активно привлекать к сотрудничеству этнические сообщества, которые успели институционально оформиться в период работы Временного правительства и имели собственные программы развития. Эта политика реализовывалась через институт «бюро нацмен». Эти бюро включали в себя секции национальных меньшинств, представлявшие активистов тех или

иных национальностей. Кроме этого, свои отделы по всей стране открывал и Народный комиссариат по делам национальностей (Наркомнац) [Об учреждении представительств Народного комиссариата по делам национальностей, с. 782]. К концу 1918 г. в стране было создано уже более ста отделов Наркомнаца [Песикина, с. 61–62]. 27 июня 1918 г. вышел декрет Совета Народных Комиссаров (СНК), на основании которого все созданные до этого беженские организации распускались, а их дела и имущество передавались отделам соцобеспечения городских Советов рабочих, красноармейских и крестьянских депутатов [Декрет в дополнение декрета об учреждении Центральной коллегии по делам о пленных и беженцах, с. 247]. С этого момента местные бюро нацмен и отделы Наркомнаца при исполкомах стали единственными легитимными представителями этнических сообществ при советских органах власти.

Сохранившиеся источники позволяют реконструировать обстоятельства возникновения секций бюро нацмен, их общественную деятельность и взаимодействие с органами власти, а также с представляемыми ими этническими группами. Такой анализ поможет глубже взглянуть на сущность советской национальной политики на стадии ее оформления.

Институциональное оформление бюро нацмен, по всей видимости, произошло в начале 1921 г. 12 января в губкоме состоялось заседание всех секций национальных меньшинств [Звезда, 1921, 12 янв.]. Цель собрания в источниках не отражена, однако уже 8 февраля 1921 г. на пленуме губкома партии при характеристике результатов проделанной агитационной работы было объявлено о создании такого бюро [Звезда, 1921, 11 фев.]. Начиная с февраля 1921 г. местные газеты регулярно сообщали о деятельности отдельных секций бюро [Звезда, 1921, 16 мар.]. В конце февраля 1921 г. доклад на тему «Национальные меньшинства» был зачитан на Седьмой губернской партийной конференции РКП(б). Сообщалось как результат, что национальные секции

1.2. Политика Советского государства в отношении корейского населения в 1917–1937 гг.

были объединены в бюро [Звезда, 1921, 27 февр.]. Практически все существовавшие до этого общественные организации под влиянием большевиков провели внутренние конференции и, сменив названия, стали подконтрольны агитпропотделу [Каменских, 2018, с. 84–85]. Всего в составе агитпропотдела было создано несколько секций, объединявших различные этнические группы, — немецкая, украинская, латышская, венгерская, еврейская, польская и китайско-корейская.

Корейско-китайская секция в бюро нацмен Пермского губкома была создана одной из последних. Начало ее работы относится к 8 ноября 1920 г. У китайцев не было хорошо говорящих по-русски секретарей. Но с учетом значимости работы с китайцами при помощи местных властей им был назначен русскоговорящий сотрудник для ведения протоколов. По этой причине в архивах отложилось немало письменных источников на русском языке о деятельности китайско-корейской секции. После оргсобрания «китайское бюро» (так оно чаще всего именовалось в источниках) было утверждено губкомом и «начало продвигать работу, всего было общих собраний около 10, собрания посещались аккуратно» [ПермГАСПИ. Ф. 557. Оп. 2. Д. 169. Л. 15]. К концу года в бюро были зарегистрированы уже 42 кандидата, заполнивших анкеты на вступление в РКП(б), карточки кандидатов были выданы многим из них.

Опыт деятельности китайских и корейских сообществ показывает, что уже в первые годы советской власти многие стихийно возникшие общественные организации, сформированные по этническому признаку, быстро попадали под влияние органов власти и фактически становились подконтрольными ей. Пытаясь заручиться поддержкой, большевики шли на сотрудничество даже с теми, кто мог быть близок к незаконной деятельности и взаимодействовал с советской властью, чтобы решать личные проблемы. Однако такие лидеры не могли обеспечить развитие и функционирование общественных институтов, в связи с чем

создаваемые общественные организации постепенно переставали существовать.

Во второй половине 1930-х гг. активисты общественных объединений, сформированных по этническому признаку, практически все были репрессированы [Каменских, 2019, с. 179–181]. Сами репрессии были частью общей кампании 1937–1938 гг., проводившейся в рамках реализации оперативного приказа НКВД от 30.07.1937 № 00447 [Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов]. В приказе ничего не говорится о национальностях, для Свердловской области была лишь установлена квота в 10 тыс. чел. Но пик репрессий против отдельных народов пришелся именно на этот период.

Целый ряд источников косвенно указывает, что аресты представителей разных национальностей реализовывались не хаотично, а в рамках отдельных операций, целью которых была ликвидация именно представителей одной национальности. В Прикамье следователь И. Г. Корпачев на допросах после 1953 г. сообщал, что вся территория г. Перми была разделена между следователями особой дивизии НКВД. Каждому персонально было поручено выявить всех иностранцев и привлечь их как шпионов. Если оказывалось, что иностранцы не привлечены, отвечал уже сам следователь. «Начальник 3 отделения Королев инструктировал, что все корейцы являются участниками шпионско-диверсионной организации, руководимой японской разведкой», — сообщается в показаниях И. Г. Корпачева [ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 30974. Л. 55]. А следователь Н. П. Голдобеев сообщил на допросе следующее:

На основании директивы по инобаза Мозжерин⁸ требовал ареста всех, предупреждая, что за каждого оставшегося харбинца, корейца или поляка будет отвечать тот, на чьей территории это будет обнаружено [Там же. Л. 62].

⁸ Ф. П. Мозжерин — начальник особой дивизии НКВД по г. Перми.

1.2. Политика Советского государства в отношении корейского населения в 1917–1937 гг.

Таким образом, этнический фактор имел значение при реализации репрессивной кампании⁹.

В Прикамье аресты корейцев начались с октября 1937 г. и продолжались вплоть до 1943 г. В фондах ПермГАСПИ, в частности, содержится информация о 40 корейцах, подвергшихся репрессиям. Как правило, по одному делу проходили сразу несколько человек, которых объединяли в несуществующую шпионско-диверсионную группу, якобы осуществлявшую подрывную работу в пользу Японии. Причем в одну группу могли входить и китайцы, и корейцы. Обвинения предъявлялись по статьям «шпионаж», «диверсии», «контрреволюционная деятельность» и «антисоветская агитация» (ст. 58, ч. 2–6, 9–11 УК). Собственно корейцев обвиняли также в нелегальном переходе границы, контрабанде валюты и торговле опиумом (ст. 1–10, 59–12, ч. 1 УК). После непродолжительного расследования все члены организации признавались виновными. Арестовывались не только корейцы, но и члены их семей из местного населения в случае межнациональных браков (например, арестованные русские Мо-Нак-Пой Клавдия Андреевна, Огай Галина Николаевна, Пак-Тен-Гюн Екатерина Федоровна) [ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 30974].

После арестов корейцев объединяли в группы, фабриковали доносы одного из арестованных и на их основании выносили обвинительные приговоры остальным. Данный процесс можно проследить на материалах дела против «группы Ким-Ден-Сека». Группа состояла из корейцев Кан-До-Гыка, Кима Моисея Петровича, Чжа-Ю-Тана, Ким-Ден-Сека, Югай-Сан-Ука, Тай Ивана Семеновича, Ким Игнатия, Пака Филиппа Семеновича, Ким-Пен-Хо, Ли Александра Михайловича, Тен-Ин-Сури (Павла). Руководителем группы был объявлен Ким-Ден-Сек [Там же. Л. 179]. Он был уроженцем Японии и на момент ареста работал в пивной г. Перми на ул. Плеханова. В 1936 г. был исключен из ВКП(б) за службу

⁹ Об этом свидетельствует и сам термин «инобаза», активно использовавшийся в делопроизводстве НКВД второй половины 1930-х гг.

в японской армии. С такой биографией он как нельзя лучше подходил на должность главаря организации [ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 30974. Л. 182]. На основании показаний Михаила Дмитриевича Сивкова, корейца, проходившего по другому делу, было «установлено», что Ким-Ден-Сек являлся руководителем диверсионной группы, находившейся на службе у Японии. Эта группа якобы совершила ряд диверсий, а сам Ким-Ден-Сек вербовал в нее пермских корейцев, о чем и было известно М. Д. Сивкову. 31 октября 1937 г. Ким-Ден-Сек и его «группа» были арестованы, а 7 января 1938 г. он и все его «сообщники» были расстреляны [Там же. Л. 367].

Анализ дел показывает, что репрессии не были адресными, одно судебное дело могли завести сразу на несколько человек, которые к тому же выступали свидетелями друг против друга. На основании этих показаний составлялся обвинительный приговор.

* * *

Таким образом, на примере Прикамья можно увидеть, что репрессии против корейского населения во второй половине 1930-х гг. не ограничивались мерами по депортации из областей Дальнего Востока. В регионах корейцы также попадали в одну из категорий «инобазы», которая подлежала арестам.

Анализ данных документов в очередной раз подтверждает, что начавшиеся в 1917 г. процессы огосударствления и большевизации общественных национально-культурных организаций уже через 20 лет закончились прямыми этнически мотивированными репрессиями, особенно во второй половине 1930-х гг. Поводом для репрессий для многих категорий граждан была именно этническая принадлежность, а не классовая, поскольку репрессиям подвергались все без исключения иностранцы, включая абсолютно лояльных коммунистической власти советских корейцев. Этот итог вытекал из самой логики администрирования общественного движения со стороны органов власти и его дальнейшей унификации.

1.2. Политика Советского государства в отношении корейского населения в 1917–1937 гг.

Библиографические ссылки

Декрет в дополнение декрета об учреждении Центральной коллегии по делам пленных и беженцев : от 21 июня 1959 г. // Декреты Советской власти : в 18 т. М. : Политиздат, 1959. Т. 2. С. 247.

Звезда. Пермь, 1921. 12 янв., 11 фев., 27 фев., 16 марта.

Каменских М. С. Китайцы на Среднем Урале в конце XIX — начале XXI века. СПб. : Маматов, 2011. 351 с.

Каменских М. С. Национальная политика в Прикамье в 1918–1939 годах: региональный аспект. СПб. : Маматов, 2019. 224 с.

Каменских М. С. Национально-культурное общественное движение в Пермской губернии в 1917–1921 гг. // Ноябрьские историко-архивные чтения — 2017. Россия в период революционных потрясений : К 100-летию Русской революции 1917 г. : материалы науч. конф. ПермГАСПИ, 14–16 ноября 2017 г. / под ред. С. В. Неганова. Пермь : [Б. и.], 2018. С. 82–87.

О регистрации товариществ, обществ и союзов : постановление Временного правительства // Вестн. Временного правительства. 1917. 21 июля.

Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов : оперативный приказ НКВД от 30.07.1937 № 00447 // Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество : [сайт]. URL: <http://old.memo.ru/history/document/0447.htm> (дата обращения: 29.08.2019).

ПермГАСПИ. Ф. 557. Оп. 2. Д. 169. Л. 15; Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 30974. Л. 55, 179, 367.

Песикина П. И. Народный комиссариат по делам национальностей и его деятельность 1917–1918 гг. М. : Акад. Обществ. наук при ЦК ВКП(б), 1950. 154 с.

Об учреждении представительств Народного комиссариата по делам национальностей в автономных республиках и автономных областях : постановление Всерос. центр. исполнит. комитета и Совета Народных Комиссаров. Ст. 529 // Изв. Всерос. центр. исполнит. комитета Советов. № 287. 1920. 21 дек. С. 782.

Путеводитель по фондам Государственного архива новейшей истории и общественно-политических движений Пермской области. Пермь : [Б. и.], 2001. 127 с.

Черных А. В., Каменских М. С., Белавин А. М. Этническая история Пермского края // Народы Пермского края: этническая история и современное этнокультурное развитие : словарь-справ. СПб. : Маматов, 2014. С. 39–82.

1.3. Деятельность борцов за независимость Кореи на примере представителя корейской диаспоры на Урале Ан Тэдо

В Республике Корея, в странах СНГ и в Российской Федерации существует обширная литература, посвященная российским (советским) корейцам и их вкладу в борьбу за независимость страны от японской оккупации [Гайкин; Мазуров; Suh Dae-Sook; Пигулевская; Пак Хван; Квон Хиён; Цыпкин и др.]. При этом все еще слабо исследована деятельность первых корейцев, проживавших на Урале, их вклад в развитие антиимпериалистического, антияпонского патриотического движения [Пак, 2009, с. 46–47]. Между тем, среди корейцев, прибывших на территорию России еще до Октябрьской революции 1917 г., а также в первые десятилетия становления советской власти, было немало по-своему ярких и интересных людей, которые активно принимали участие в событиях той эпохи, вносили свой посильный вклад в освобождение страны, сохраняли тесную связь с родиной. Помимо этого, осуществляя деятельность в интересах корейского народа, они параллельно боролись с империалистической Японией в интересах молодого Советского государства [Ким Мангём, с. 9–10].

Как известно, еще в 1905–1907 гг. Япония получила контроль над ключевыми сферами жизни корейского общества. Особенно

1.3. Деятельность борцов за независимость Кореи

серьезный удар по суверенитету Кореи нанесла утрата контроля над внешнеполитической, экономической и военной сферами жизни страны. К 1910 г. на Корейском полуострове полностью установился оккупационный японский режим. Происходившие процессы вызвали сначала опасения, а затем и открытое недовольство корейского населения, поэтому после 1910 г. в стране и за ее пределами начало активно формироваться антияпонское движение. Корейцы, проживавшие на территории России, также приняли в нем самое активное участие [한국독립운동사 강의, р. 30–31; Гайкин, с. 113–114]. Эта борьба принимала две ключевые формы: вооруженное восстание (создавались антияпонские партизанские отряды добровольцев «ыйбён»), а также патриотическая деятельность, осуществлявшаяся ненасильственными методами (публикация газет и журналов, просветительская деятельность, а также сбор сведений и написание обличительных материалов о деятельности японского оккупационного режима) [박환, р. 18–19].

После 1910 г. антияпонское движение набирало обороты на территории Российской империи в таких крупных центрах, как Петербург и Москва, в городах Сибири вдоль Транссибирской железной дороги и в особенности на Дальнем Востоке. В Республике Корея деятельность антияпонского движения в столичных регионах России, а также в Сибири и на Дальнем Востоке рассмотрена полно [권희영, р. 13–14]. Своеобразным белым пятном в этих исследованиях до сих пор остаются лишь регионы Урала и Западной Сибири. Именно по этой причине необходимо постараться хотя бы в некоторой степени восполнить этот пробел.

Для проведения исследования был привлечен целый ряд источников, многие из которых впервые введены в научный оборот. Они хранятся в региональных архивах — Государственном архиве Свердловской области (ГАСО) и Государственном архиве административных органов Свердловской области (ГААОСО).

Одним из корейских общественных деятелей, жизнь которого тесно связана со Свердловской областью и с Уралом, является Ан Тэдо (кор. 안태, русское имя — Сергей Николаевич Ан). Он начал активно участвовать в деятельности патриотических корейских организаций еще в 1911 г. на Дальнем Востоке. В 1916 г. прибыл на Урал, где проживал вплоть до 1932 г. и возглавлял две самые крупные корейские организации — Союз корейских граждан («Кунминхве») и Союз корейских рабочих, активно поддерживал антияпонское движение на Дальнем Востоке, участвовал в организации мастерских и артелей иностранных рабочих, вел просветительскую деятельность среди корейского населения [ГААОСО. Ф. Р-1. О. 2. Д. 33957. Л. 50–51].

В официальной биографии, написанной Ан Тэдо в апреле 1932 г. при аресте, он указал, что родился в 1897 г. в провинции Хамгёнпукдо, в уезде Хегын (Ханхын) в семье Ан Ли Ри. Его отец рано умер, поэтому сначала Ан жил у дяди Лян Хоёна, а затем до 15 лет с матерью и бабушкой в деревне Сегедуй, где три года обучался в корейской школе. После смерти родственников стал работать по найму и переехал в Никольск-Уссурийск [Там же. Л. 53]. Этот факт подтверждается сведениями, полученными при опросе других корейцев — участников организаций Союз корейских граждан и Союз корейских рабочих, а также биографической справкой, предоставленной Ан Тэдо для артели «Китайский рабочий» в 1929 г. Тем не менее, при допросе в НКВД в 1932 г. он указал, что все-таки родился в Приморье, в деревне Сегедуй Янчихинского уезда.

Ан Тэдо, вероятно, воспитывался при участии дяди по отцовской линии, который был богатым человеком, занимался торговлей в Приморье, поэтому направил мальчика сначала в гимназию в Петербург, а затем в Японию для обучения в университете, где тот изучал французский язык и литературу. Подробных сведений об этом периоде его жизни нет [ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 44848. Л. 12].

1.3. Деятельность борцов за независимость Кореи

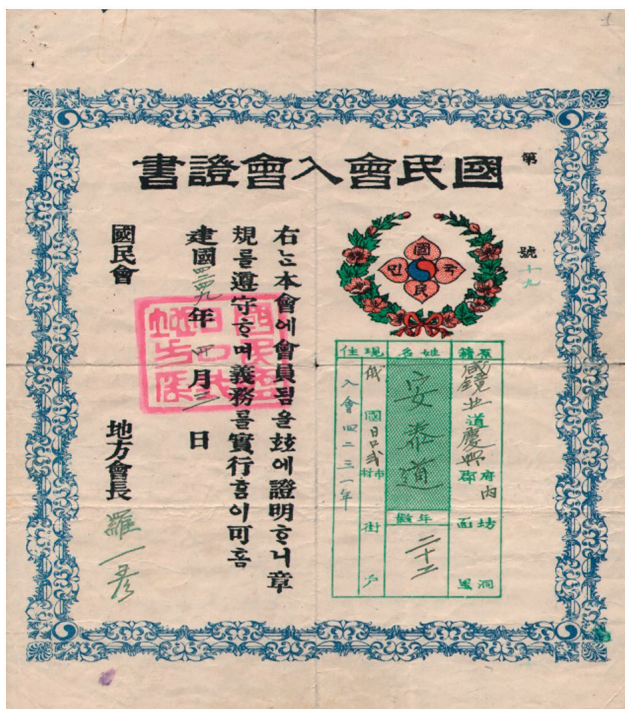
Вторая жена Ан Тэдо подтверждала, что он имел высшее образование, свободно владел корейским, японским, русским, немецким и французским языками, мог изъясняться на китайском, а позднее даже выучил латинский язык для медицинских нужд. В его доме было много книг на иностранных языках, а также медицинские принадлежности. Ан Тэдо изучал русский язык самостоятельно, но в 1914 г. в Благовещенске также некоторое время учился у русского преподавателя Крутеева [ГААОСО. Ф. Р-1. О. 2. Д. 33957. Л. 56].

По словам самого Ан Тэдо, национально-освободительной борьбой он начал заниматься еще в 1911 г. в г. Никольске-Уссурийске, где познакомился с руководителем национально-освободительного движения Ли Кап и вступил в корейское патриотическое общество «Кунминхве» («Союз корейских граждан», «Союз корейцев») [Там же. Л. 54]. Этот факт подтверждается найденным в его документах свидетельством (рис. 1).

Общество «Кунминхве» было впервые организовано под руководством видного корейского националиста Ан Чханхо сначала в 1907 г. в США, а в 1909 г. его отделения были созданы на российском Дальнем Востоке. Власти были недовольны тем, что в рядах сторонников организации были религиозные (протестантские) деятели, считали ее проамериканской, поэтому к 1916 г. деятельность организации была запрещена. После Октябрьской революции 1917 г. Народный комиссариат иностранных дел проявил инициативу по организации корейцев и китайцев, проживавших в Европейской России и в Сибири. К декабрю 1918 г. было воссоздано общество «Кунминхве», позднее оно было реорганизовано в «Союз корейских рабочих» [Сим Хон Ёнг].

В 1912 г. Ан Тэдо переехал в Петербург, где велись подготовительная работа по объединению корейских национальных сил и подготовка покушений на японских высокопоставленных чиновников. В 1914 г. по поручению Благовещенского корейского общества он был направлен в Токио для установления связей

с японским обществом корейцев (председатель — Пак Ёнхва), участвовал в собраниях общества. Позднее Ан вернулся в Благовещенск для работы секретарем в местном отделении корейской организации «Кунминхве», а в 1915 г. переехал в Иркутск. По поручению Иркутского отделения корейского общества Ан Тэдо выехал в Харбин, но уже через десять дней по доносу был арестован японской полицией и две недели находился под арестом, затем был освобожден под надзор полиции и по совету корейцев бежал из Харбина в сторону станции Пограничной. В 1916 г. он впервые

1. Свидетельство о вступлении Ан Тэдо
в Союз корейских граждан («Кунминхве»), 1915
[ГААОСО. Ф. Р-1. О. 2. Д. 33957]

1.3. Деятельность борцов за независимость Кореи

прибыл в г. Екатеринбург, где жил три месяца. В Екатеринбурге он познакомился с корейским доктором Ким Цосаном и работал у него в качестве практиканта [ГААОСО. Ф.Р-1. О. 2. Д. 33957. Л. 55]. В 1916 г. Ан Тэдо уехал в Пермь, став сначала заместителем председателя местного отделения корейского общества «Кунмин-хве», а потом и его председателем. В Перми Ан Тэдо работал с Ли Хакпом и Ли Тае [ГААОСО. Ф.Р-1. Оп. 2. Д. 44848. Л. 11].

После Февральской революции в 1917 г. Ан Тэдо активно включился в корейское движение, изучал нужды корейской диаспоры на Урале. Многие корейцы в то время связывали национальное освобождение с Советами, поэтому его часто можно было увидеть на собраниях и митингах. По рекомендации работника Уралисполкома Советов Иннокентия Кима Ан, находившийся в это время в Вятке, был командирован Уралоблисполкомом как представитель корейского населения Урала в конце 1918 г. на международные митинги в Москву и Петроград, а также на Первый конгресс Коминтерна в Москву (в 1919 г.) [ГААОСО. Ф.Р-1. Оп. 2. Д. 33957. Л. 57–58]. На петроградском митинге в декабре 1918 г. Ан выступил с речью, найден текст этого выступления [Выступление представителя корейских революционеров, с. 41–42].

В то время Ан боролся за активное объединение корейцев и Советской России в борьбе против японских империалистов. В выступлении на митинге в Петрограде он сказал:

Товарищи, с тех пор, как японцы завладели нашей страной, все наши цели направлены к освобождению нашей земли от захватчиков. <...> Когда стало невозможно работать в Сибири, мы перенесли свою деятельность в Америку. Но когда американские банкиры-разбойники нашли нужным сговориться с японскими бандитами, нас выгнали из Америки. Единственная страна, в которой мы можем укрыться, есть Советская Республика. Россия перестала быть для нас мачехой, она теперь наша любимая мать. Под ее покровом создается наша революция, на вашем социали-

Часть 1. Судьбы корейцев на Среднем Урале в XX в.

стическом учении воспитывается новое корейское поколение. Вне связи с вами у нас нет свободы [Выступление представителя корейских революционеров, с. 41–42].

На учредительном конгрессе Коминтерна, который проходил в Москве в марте 1919 г., присутствовали 52 делегата из 21 страны мира, Ан Тэдо выступал как представитель Революционного национального совета «Кунминхве» [Там же, с. 40]. После окончания работы конгресса Ан Тэдо вернулся на Урал, Исполнительным комитетом Уральского областного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Уралоблисполкомом) был направлен в ряды Красной армии на Нытвенский фронт в интернациональный отряд [Донесение штаба, с. 247]. Когда Нытвенский завод был сдан белым, Ан Тэдо остался там, чтобы уехать в Пермь и продолжить работу среди местных корейцев. По приезду в Пермь, уже занятую белыми, он заболел и жил на квартире своей первой жены (она торговала молочными продуктами и головными уборами) [ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 33957. Л. 59].

В 1920 г. Ан Тэдо переехал в Екатеринбург (Свердловск), где создавалось более крупное отделение Союза корейских граждан («Кунминхве»). Ан сначала стал его секретарем, а в 1921 г. председателем и оставался в этой должности вплоть до 1925 г. Этот факт подтвердили другие члены отделения организации Тен Тахи и Ли Пити [Там же. Д. 41745]. Организация активно помогала корейцам, постоянно проживавшим или работавшим в регионе: были основаны новые мастерские и кустарные производства, организована торговля различными товарами. Часть собранных таким образом денежных средств шла на нужды самой организации и корейцев региона, а часть перечислялась на нужды антияпонской борьбы. Помимо этого, Ан Тэдо старался вести просветительскую деятельность среди корейцев города. Некоторое время при организации действовали образовательные курсы, оказывалась юридическая помощь. Во второй половине 1920-х гг. Ан Тэдо помогал корейской

1.3. Деятельность борцов за независимость Кореи

молодежи переехать на Урал, получить образование и устроиться на работу на вновь созданные предприятия [ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 41745].

Значительное количество средств Ан Тэдо высылал на нужды корейских культурно-просветительских обществ, создание национальных школ нового типа в Приморье, где серьезное внимание уделялось патриотическому воспитанию учащихся, изучению наследия ведущих корейских и европейских просветителей.

Ан Тэдо поддерживал постоянную связь с лидерами и представителями корейских организаций в Москве, Перми, Тюмени, Казани, Омске, Иркутске и на Дальнем Востоке. Этот факт подтверждают документы отделения Союза корейских граждан и специальный блокнот, изъятый НКВД при обыске квартиры Ан Тэдо в 1932 г. В этом блокноте были указаны контактные данные Тянь Ю Мина (Союз корейских граждан, Москва), Якова Чхве (Союз корейских граждан, Петроград), Ан Хи Дюна (Союз корейских граждан, Омск), Ким Ён Се (Союз корейских граждан, Тюмень) и др. В 1922 г. Ан Тэдо познакомился с другим видным представителем корейской интеллигенции Урала, преподавателем Уральского университета, химиком Ким Седаром. Они оба закончили пермский рабфак, а потом и хозяйственный факультет Института советского строительства [Там же. Д. 33957].

После 1923 г. Ан Тэдо являлся консультантом по вопросам деятельности отделов, занимавшихся вопросами корейского населения, содействовал материальному и культурному развитию корейцев, улучшению их материальных и бытовых условий. Изучение служебных докладов, докладных записок и других документов показывает, что он проводил значительную работу по организации артелей, кооперации среди корейского и даже китайского населения, по приему корейцев в советское гражданство. Сам он также получил советское гражданство в 1923 г. [Там же].

После 1925 г. Ан Тэдо переехал в г. Нижний Тагил, где работал уполномоченным Уголовного розыска при Окрадмотделе до 1927 г.,

когда он уехал в Узбекистан по приглашению корейцев Иннокентия Ли, Пак Чан Себи, Ким Сек Поми для помощи в работе корейской сельскохозяйственной артели «Ирсим» («Единомыслие»). Артель была основана еще в 1925 г. в Ташкентской области на орошаемых землях долины реки Чирчик, в ней работали и корейцы — выходцы с Урала. Позднее на базе этой артели был создан знаменитый колхоз «Политотдел» под председательством Кан Си Тина. Тем не менее, долго работать в артели Ан Тэдо не смог, по дороге он заболел брюшным тифом и перенес операцию. В декабре 1927 г. после выздоровления он снова вернулся в Нижний Тагил, поступил на работу секретарем в Окружной суд, где проработал до сентября 1928 г. [ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 33957].

В 1928–1929 гг. Ан Тэдо работал в должности заведующего клубом Красноуральского асбестового рудника (Вознесенского рудника), где производилась разработка месторождений хризотил-асбеста открытыми разрезами силами крестьян из местных деревень (рис. 2). Месторождение Вознесенское (или Невьянское) было открыто в 1908 г. В летнее время добыча асбеста снижалась, наиболее интенсивно она велась в зимний период [Хозяйство Свердловской области 1935–1936 гг., с. 114].

Весной — летом 1929 г. Ан Тэдо по приглашению корейцев ездил в г. Свободный (Алексеевск-на-Амуре) для помощи

2. Красноуральский асбестовый рудник. Разрез № 1
[Рудники Урала]

1.3. Деятельность борцов за независимость Кореи

в организации сельскохозяйственной коммуны, но через месяц снова вернулся в Свердловск. Он поступил в артель «Китайский рабочий», где работал секретарем и кассиром до марта 1930 г. Материалы о его деятельности в рамках производственной артели «Китайский рабочий» сохранились в ГАСО. Артель была организована в январе 1929 г., ее председателем сначала был В. Ф. Газетдинов. В состав артели вошли три прачечных, одна зеркальная мастерская и 37 бакалейно-табачных киосков, находившихся в собственности китайских и корейских граждан [ГАСО. Ф. Р-171. Оп. 1. Д. 14]. Снабжение киосков практически всеми товарами производилось в централизованном порядке, только сельскохозяйственную продукцию владельцы киосков закупали самостоятельно. Вступительный взнос для владельцев киосков составлял 5 руб., обязательные ежегодные взносы — 100 руб., а сумма залога — 300 руб. Регулировались также цены на все товары, наценки на хлеб и сахар не было, они продавались по закупочной цене, на другие товары наценка не могла быть более 5 %. Вступив в артель, владельцы бакалейно-табачных киосков могли пользоваться льготами [Там же. Д. 19].

Первое время артель функционировала с нарушениями, о чем свидетельствует «Акт обследования деятельности артели от 13.05.1929 г.», росла ее задолженность перед Уралкоопинсоюзом и перед работниками, усиливалось недовольство работников деятельностью правления. После обнаружения нарушений в мае 1929 г. председателем правления артели стал китаец Ли Си Фу, а секретарем и заведующим вопросами управления — Ан Тэдо (в документах — Ан Сергей Николаевич) [Там же. Л. 19–20, 90]. Он привел в порядок бухгалтерские отчеты, ликвидировал задолженность артели перед Уралкоопинсоюзом, начал вести контроль сделок, договоров и счетов, проводить регулярные собрания членов правления и членов трудового коллектива [Там же. Д. 20. Л. 90]. Сохранились подробные протоколы таких собраний.

После того, как была налажена эффективная работа артели, в октябре 1929 г. Ан Тэдо предложил реорганизовать ее и открыть дополнительно кафе-молочную со штатом 12 рабочих мест, для чего артель «Китайский рабочий» произвела слияние с пищевкусовой артелью и производственным комбинатом [ГАСО. Ф. Р-171. Оп. 1. Д. 20. Л. 4–5]. 14 января 1930 г. 38 членов и правление артели стали пайщиками Всероссийского кооперативного банка, приобрели небольшой фруктовый завод, открыли кафе-молочную, которое приносило постоянную прибыль, продали убыточное зеркальное производство и убыточные же прачечные. Тем не менее, продолжали возникать проблемы со снабжением торговых киосков товарами. В протоколе № 18 от 20 июля 1929 г. зафиксировано, что Ан Тэдо жаловался на препятствия со стороны Уралкоопсоюза, говорил, что в Узбекистане гораздо охотнее идут на уступки торговцам [Там же. Л. 18].

В 1930 г. Ан Тэдо был направлен в Обладмотдел, где работал врио начальника Информационного общего отдела до мая — июня 1930 г., затем он был командирован на подготовительные курсы Комвуза им. Ленина в Свердловске. Там пробыл до августа 1930 г., а в сентябре поступил на работу секретарем в «Уралжилстрой». В феврале 1931 г. был направлен на работу в «Свердловскстрой» в качестве заместителя начальника строительства барачного хозяйства, а затем руководителя отдела снабжения [ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 33957].

В 1932 г. Ан Тэдо был неожиданно арестован органами НКВД, ему было предъявлено обвинение в шпионаже в пользу Японии [Там же]. После непродолжительного расследования он был приговорен к расстрелу, приговор был приведен в исполнение уже через несколько дней. Лидер первых корейских организаций на Урале был захоронен недалеко от Екатеринбурга на 12-м километре Московского тракта вместе с другими жертвами сталинских репрессий. В настоящее время на этом месте создан мемориал, установлена памятная табличка с его именем и именами других корейцев.

1.3. Деятельность борцов за независимость Кореи

* * *

Ан Тэдо можно считать одним из наиболее активных представителей корейской этнической группы на Урале в 1920–1930-е гг. Во второй половине 1910-х — 1920-е гг. он принимал участие в антияпонском национально-освободительном движении. Он начал активно участвовать в деятельности корейских патриотических организаций еще в 1911 г. на Дальнем Востоке, затем в Санкт-Петербурге, Иркутске, ездил по поручению Союза корейских граждан в Японию и в Харбин. В 1916 г. прибыл на Урал, где проживал вплоть до 1932 г. и возглавлял две самые крупные корейские организации — Союз корейских граждан («Кунминхве») и Союз корейских рабочих, активно поддерживал антияпонское движение на Дальнем Востоке финансово, участвовал в организации мастерских и артелей корейских и китайских рабочих, оказывал помощь местному корейскому населению.

В 1920–1925 гг. Ан Тэдо стал сторонником сотрудничества корейских борцов за независимость с КПК и СССР, осуществлявшим через Коминтерн помощь вооруженным патриотам. Он вел агитационную деятельность, выступал в конце 1918 г. с речами на международных митингах в Москве и Петрограде, был одним из делегатов на учредительном конгрессе Коминтерна, который проходил в Москве в марте 1919 г., несколько месяцев воевал в рядах Красной армии на Нытвенском фронте в интернациональном отряде.

После 1925 г. он был вынужден оставить деятельность в Союзе корейских граждан и Союзе корейских рабочих, но продолжал активно заниматься экономической деятельностью (для того, чтобы оказывать материальную помощь антияпонскому и просветительскому движению на Дальнем Востоке). Ан Тэдо поддерживал связь с корейскими организациями по всей стране и работал на различных должностях в органах советской власти. К сожалению, судьба его оборвалась трагически.

Библиографические ссылки

Выступление представителя корейских революционеров Ана на международном митинге в Петрограде // ВКП(б), Коминтерн и Корея (1918–1941 гг.) / Федер. архив. агентство, Рос. гос. архив соц.-полит. истории, Фонд японских историков ; отв. ред. проф. Харуки Вада, докт. ист. наук К. Ширия. М. : РОССПЭН, 2007. 816 с.

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 33957, 41745, 44848; Ф. Р-171. Оп. 1. Д. 14, 19, 20.

Гайкин В. А. Корейские переселенцы в Восточной и Южной Маньчжурии в борьбе против японской агрессии (1931–1937 годы) // Исторический курьер. 2020. № 4 (12). С. 111–119.

Донесение штаба 1-го Интернационального коммунистического полка начальнику штаба Восточно-Сибирской советской армии о национальном составе интернациональных дружин // Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России (1917–1922). М. : Сов. Россия, 1957.

Ким Мангём (И. С. Серебряков) / сост. Б. Д. Пак. 2-е изд., испр. и доп. М. : Ин-т востоковедения РАН, 2007. 224 с.

Ким Сан Ги, Пан Бён Юль и др. История движения за независимость Кореи. Сеул : Мемориал движения за независимость Кореи, 2015. 327 с.

Ли Бомджин / сост. Б. Д. Пак. М. : Ин-т востоковедения РАН, 2002. 206 с.

Мазуров В. М. Антияпонская вооруженная борьба корейского народа. М. : Изд-во вост. лит., 1958. 306 с.

Пак Б. Д. Борьба российских корейцев за независимость Кореи. 1905–1919 гг. М. : ИВ РАН, 2009. 392 с.

Пак Б. Д. Россия и Корея. 2-е изд., доп. М. : Ин-т востоковедения РАН, 2004. 520 с.

Пак Хван. История национального движения корейцев России. 2-е изд. Сеул : Минсоквон, 1997. 235 с.

Пигулевская Е. А. Корейский народ в борьбе за независимость и демократию. М. : Изд-во АН СССР, 1952. 360 с.

1.3. Деятельность борцов за независимость Кореи

Рудники Урала : [сайт]. URL: <https://uralmines.ru/krasnouralskij-asbestovuj-rudnik/> (дата обращения: 21.02.2021).

Сим Хон Ёнг. К истории корейских общественных организаций в России в первой четверти XX века // Lib.ru : [сайт]. URL: http://world.lib.ru/k/kim_o_i/a13-1.shtml (дата обращения: 15.06.2021).

Хозяйство Свердловской области 1935–1936 гг. : Основные показатели. Свердловск : Изд-во Свердл. обл. управления нар.-хоз. учета, 1936. 212 с.

Цыпкин С. А. Участие корейских трудящихся в борьбе против интервентов на советском Дальнем Востоке // Вопр. истории. 1956. № 11. С. 41–50.

Suh Dae-Sook. The Korean communist movement 1918–1948. New Jersey : Princeton Univ. Press, 1967. 412 p.

권희영. 한인 사회주의 운동 연구. 서울 : 국학자료원, 1999. [Квон Хиён. Исследования по истории корейцев-социалистов. Сеул, 1999.]

박환. 대륙으로 간 혁명가들. 서울 : 국학자료원, 2008. [Пак Хван. Корейские борцы за независимость Кореи, осуществляющие свою деятельность на континенте (в России и в Манчжурии). Сеул, 2008.]

박환. 러시아 한인 유적 답사기. 서울, 국학자료원, 2007. [Пак Хван. По следам корейских революционеров в России. Сеул, 2007.]

한국독립운동사 강의 (개정판). 서울 : 한국근현대사학회, 2007. [Лекции по истории корейского национально-освободительного движения. Сеул, 2007.]

Часть 2

КОРЕЙЦЫ НА СРЕДНЕМ УРАЛЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX – XXI В.

2.1. Корейцы на Среднем Урале: история и современность

Согласно сохранившимся в архивах документальным источникам, корейцы впервые появились на территории Урала и, в частности, современной Свердловской области в начале XX в., в годы Русско-японской войны (1904–1905). Их количество не было значительным. Подробная информация о пребывании корейцев на Урале в указанный период содержится в монографии М. С. Каменских [Каменских, с. 21].

Следующая волна миграции корейцев на Урал связана с событиями Первой мировой войны, когда в результате мобилизации в армию были призваны многие квалифицированные рабочие и на предприятиях возникла острая проблема нехватки рабочей силы [Таняев, с. 26–27]. В соответствии с постановлением МВД было решено использовать иностранную рабочую силу для решения данной проблемы. Было отменено ограничение на въезд в страну китайцев и корейцев, и корейские рабочие появились на заводах Урала [Рукоусев; Чемезова].

2.1. Корейцы на Среднем Урале: история и современность

Всесоюзная перепись 1920 г. зафиксировала на территории Уральской области 132 корейца [Всесоюзная перепись населения 1926 г., т. 4, с. 106–147]. В 1920 г. в Екатеринбурге были открыты отделения Союза корейских граждан (Корейского национального союза), а также Союза корейских рабочих.

1930-е гг. в истории российских и, в частности, уральских корейцев связаны с репрессиями и депортацией корейского населения с Дальнего Востока в 1937 г. Анализ событий этого периода важен для истории корейцев Свердловской области и Екатеринбурга, поскольку современные представители корейского этноса на Урале в большинстве своем являются потомками депортированных корейцев.

Что касается репрессий, то в отношении российских корейцев на территории Свердловской области они происходили в основном в 1934–1939 гг. и носили плановый характер. Большинство корейцев, оказавшихся на территории области ко времени начала «Большого террора», прибыли на учебу или в поисках работы. В ходе работы в ГААОСО было выявлено 107 дел репрессированных, в графе «Национальность» у которых стоит «кореец» [ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2]. К высшей мере наказания (расстрелу) были приговорены 70 чел., к разным срокам в исправительно-трудовых лагерях — 13 чел., только в семи случаях после ареста дело было прекращено. Большинство репрессированных корейцев были предъявлены обвинения в шпионаже в пользу иностранного государства как участникам запрещенных организаций. Большинство расстрелянных по приговорам Особого совещания корейцев в Свердловской области захоронены на территории мемориального комплекса жертв политических репрессий на 12-м километре Московского тракта. Там обнаружены памятные таблички с именами ряда расстрелянных корейцев, также было выяснено, что не все корейцы — жертвы политических репрессий в Свердловской области включены в Книгу памяти [Там же]. Эпоха репрессий

и ограничение корейской миграции внутри страны прекратили процессы формирования корейской диаспоры на территории региона. К середине XX в. корейцы практически растворились в местной среде.

В середине 1950-х гг. начался новый этап в истории корейцев Свердловской области, связанный с их миграцией из Средней Азии в РСФСР. В середине 1950-х гг. в Свердловск и другие крупные города с целью получения образования стали прибывать первые представители корейского народа из республик Средней Азии, из Узбекистана и Казахстана. После окончания высших учебных заведений многие из них остались для работы на предприятиях региона. Закрепляясь на новых местах, они приглашали близких и родственников. «Образовательная экспансия» стала отправной точкой для появления корейской диаспоры на Урале и определила основной социальный статус уральских корейцев. В настоящее время очень многие корейцы Свердловской области имеют высшее образование, занимают руководящие должности, работают в образовательных и научных учреждениях, успешно ведут бизнес.

В конце 1950-х — 1960-е гг. в Свердловской области появилась новая группа корейцев, сперва немногочисленная, которая впоследствии составила основу современных корейских национально-культурных общественных организаций региона (в нее входили В. В. Ким, С. Н. Шин и др.). В конце 1950-х гг. на весь Свердловск насчитывалось 10–15 корейцев, все они знали друг друга, встречались и вместе отмечали праздники. К 1969–1970 гг. на праздничные мероприятия собиралось уже более 100 чел.

В конце 1980-х — начале 1990-х гг. в связи с процессами перестройки и демократизации политического режима среди корейцев и представителей других меньшинств стали популярны идеи национального возрождения. Корейцы начали открыто говорить о проблемах возрождения национальной культуры, родного языка [Бугай, с. 165].

2.1. Корейцы на Среднем Урале: история и современность

26 апреля 1991 г. вышло постановление Верховного Совета РСФСР «О порядке введения в действие закона РСФСР “О реабилитации репрессированных народов”» 23 июля 1991 г., были отменены акты Верховного Совета СССР 1941–1968 гг., предприняты меры по восстановлению законных прав репрессированных народов (в том числе и корейцев) [цит. по: Бугай, с. 163–164].

В 1990 г. было создано первое национально-культурное объединение корейцев Свердловска «Мунхва» (*кор. 에카테린부르크 고려인 문화 계몽 협회*, «Культура»). Руководителем организации стал профессор Владимир Васильевич Ким. В 2004 г. на смену этой организации была учреждена Екатеринбургская городская общественная организация «Национально-культурная автономия российских корейцев» (НКА РК), которая распространила свою деятельность не только на город, но и на всю Свердловскую область.

НКА РК поставила задачу популяризации корейского языка не только среди этнических корейцев, но и среди всех желающих приобщиться к национальной корейской культуре. В Уральском государственном университете (УрГУ) был открыт факультатив по корейскому языку, Уральской автономией корейцев была организована научно-практическая конференция. В рамках конференции проводились художественная выставка, фотовыставка, посвященная Республике Корея, олимпиада по корейскому языку, праздник корейской кухни, презентация областной федерации тхэквондо.

Автономия проявила заинтересованность в развитии культурных связей, образовательных обменов, научного сотрудничества и совместной реализации деловых проектов с Республикой Корея. Были организованы встречи с научно-технической делегацией из Южной Кореи «KAIST» (Корейского института науки и технологий), спортивной делегацией из Сеула, делегацией из г. Инчон и мн. др.

Представители организации регулярно принимают участие в деловых встречах на официальном уровне. В качестве примера

можно привести встречу в Москве в 2005 г. в рамках официального визита президента Южной Кореи Но Му Хена, официальный визит посла Южной Кореи Чон Тэ Ика на Урал в 2004 г., визит чрезвычайного и полномочного посла Республики Корея в Российской Федерации Пак Ро Бека в Екатеринбург в 2016 г. и другие встречи.

Екатеринбургские корейцы отмечают главные национальные праздники, Соллаль (Новый год по лунному календарю) и Чхусок (День урожая). Особую гордость у корейской диаспоры вызывает фольклорно-танцевальный ансамбль «Онлирия» («Страна музыки, песни и танца»), работает школа корейского языка.

После распада СССР численность корейцев в Уральском регионе увеличилась в несколько раз. Согласно Всероссийской переписи населения 2010 г., в Свердловской области проживают 1195 корейцев, из них более 70 % (около тысячи) в Екатеринбурге, примерно 450 чел. в Нижнем Тагиле, и около 150 чел. в Каменске-Уральском [Всероссийская перепись населения, 2010]. Увеличение численности диаспоры на Урале было связано с тем, что в Средней Азии этнические корейцы, как и все русскоязычное население, столкнулись с резким усилением дискриминации по национальному признаку. Дискриминация и экономические сложности привели к переезду многих корейцев из Средней Азии в регионы России, в том числе и на Средний Урал.

В 2014 г. в честь 150-летия добровольного переселения корейцев в Россию в городах, где существовали большие корейские диаспоры частности, в Екатеринбурге проводилось большое количество праздничных мероприятий, конференций, были опубликованы работы, посвященные формированию и развитию корейской диаспоры на Урале, поэтические сборники и т. д. В статье «На Урал за знаниями: социальный портрет современного корейца на Среднем Урале», написанной Р.Н. Аном, А.В. Казаевой, В.О. Обвинцевой, А.И. Теном и В.Д. Тхаем, были представлены результаты опроса среди проживающих на территории Екатеринбурга и Свердловской области этнических корейцев. Вопросы

2.1. Корейцы на Среднем Урале: история и современность

анкет было охвачено более 35 % представителей уральской корейской диаспоры, проживающих в Екатеринбурге (всего 139 чел.) [Ан, Казаева, Обвинцева и др.].

В рамках исследования была составлена анкета, состоящая из 31 вопроса. В исследовании приняло участие 139 корейцев старше 18 лет, из них мужчин 73 (52,5 %), женщин 66 (47,5 %). При обработке ответов на вопросы расчет велся в процентах от общего числа ответивших. Таким образом, полученные данные можно использовать для характеристики современных этнокультурных процессов, происходящих в среде корейцев Среднего Урала [Там же, с. 12–14].

Авторов главным образом интересовали основные социальные характеристики этнической группы, причины переселения этнических корейцев на Урал из стран СНГ и социальные условия их проживания. В результате проведенного опроса были получены следующие данные. Самые первые представители нынешней диаспоры переехали на Урал в 1950-х гг. с целью обучения в вузах Свердловска. Особенно большая волна миграции из Казахстана и Узбекистана пришлась на 1960–1970-е гг. До 1989 г. диаспора пополнялась также за счет молодых специалистов, направлявшихся по распределению после окончания высших учебных заведений на промышленные предприятия и в учреждения Свердловска и Свердловской области [Там же, с. 12].

Согласно опросу, 62,9 % опрошенных корейцев старше 20 лет родились и провели детство в Узбекистане, 12 % — в Казахстане, в Киргизии и Таджикистане — по 2,1 % соответственно. 4,1 % родились в других городах России, и только 14,3 % родились и проживают в Екатеринбурге [Там же, с. 12]. В ходе опроса представителей корейской диаспоры в Екатеринбурге были также заданы вопросы о длительности их проживания в Екатеринбурге и Свердловской области. Среди корейцев, прибывших из других городов, 10,3 % проживают на Среднем Урале пять лет и менее, длительность пребывания от шести до десяти лет отмечена у 8,7 % респондентов,

а 81 % более десяти лет находятся на Урале. Лица, проживающие в Екатеринбурге более 30 лет (10,4 %), это в основном «абитуриентская экспансия», прибывшая в Екатеринбург до 1990-х гг., то есть еще в советское время [Ан, Казаева, Обвинцева и др., с. 13–14].

Если во второй половине 1950-х — 1980-е гг. корейцы ехали в Свердловск за знаниями, то в 1990-е гг. больше половины прибыли на заработки (57,2 %), к детям или к родственникам (10,8 %), вынужденно переселились из-за войн в Чечне и Таджикистане (3,9 %), вследствие замужества (5,4 %). С целью получения образования в Екатеринбург (Свердловск) переехали только 12,9 % опрошенных [Там же, с. 14].

Важной для них является проблема сохранения и повседневного использования родного языка. Этот вопрос остается для этнических корейцев наиболее сложным. 100 % корейцев Среднего Урала считают русский язык родным. На нем они свободно думают и разговаривают на работе, дома, с соседями и родственниками. В ходе интервью практически все респонденты указали, что им проще разговаривать по-русски, и данный факт ими воспринимался как негативный, поскольку для них утрата языка означает утрату этнической культуры. До 0,8 % представителей старшего поколения, родившихся в Узбекистане и Казахстане, проживавших в местах компактного поселения корейцев, изучали родной язык в школе, разговаривают на нем дома, со старшими детьми (30–50 лет и старше), с родственниками и знакомыми, которые знают корейский язык на бытовом уровне [Там же, с. 13]. Молодое поколение в основном изучает английский язык, а единицы — немецкий и французский. Утрата родного языка чаще всего воспринимается корейцами как утрата этнической культуры, но в случае с корейцами это не означает ее деградации, основные ее черты сохраняются и передаются из поколения в поколение.

Исследование показало, что из числа опрошенных 53 чел. (41,7 %) хотят изучать корейский язык. Свое желание они мотивировали пониманием необходимости знать родной язык предков,

2.1. Корейцы на Среднем Урале: история и современность

интересом к изучению истории, культуры, традиций либо желанием побывать в Корее, планами поехать работать на историческую родину [Ан, Казаева, Обвинцева и др., с. 15].

В связи с ростом экономики и популярности Южной Кореи в мире интерес к корейскому языку у российских корейцев появляется вновь, особенно в молодежной среде. Значительные усилия в этом направлении прилагаются руководителями национальной культурной автономии и посольством Республики Корея в РФ. На данный момент 85,7 % опрошенных не имели возможности посетить историческую Родину, но 12,2 % побывали в Южной Корее. В составе делегации Корею посещали 45 % опрошенных, в туристической поездке — 33 %. Единицы опрошенных корейцев посещали Корею с целью деловой поездки либо для встречи с родственниками, проживающими на территории исторической родины. В то же время 59,0 % респондентов интересовались историей Кореи, 20,9 % не интересовались ранее, но в настоящее время хотели бы знать историю страны, и лишь 20,1 % совсем не интересовались [Там же, с. 16].

61,7 % опрошенных имеют высшее образование (в том числе 16,5 % продолжили обучение в аспирантуре и докторантуре). Среди них четыре доктора и восемь кандидатов наук. 20,3 % имеют среднее специальное образование, 17,2 % — начальное профессиональное, и лишь 0,8 % — неполное среднее образование. Как показали интервью и опрос, мысль о необходимости получения обязательно высшего образования была основной частью воспитательного процесса. Обращает на себя внимание и интерес, с которым респонденты говорили на эту тему. В первую очередь они ссылались на родителей, для которых образование детей было одной из главных целей [Там же, с. 16–17].

Профессиональную деятельность респондентов можно охарактеризовать следующим образом: из 119 чел. 10,9 % — рабочие, 25,2 % — служащие, 32,8 % — специалисты, 2,5 % — учащиеся, 1,7 % — временно не работающие. В большинстве своем корейцы

работают специалистами и служащими. Преобладающей сферой деятельности среди уральских корейцев является торговля и общественное питание (35,9 %), далее идут здравоохранение (13,5 %), затем строительство, образование, транспорт и общая коммерческая деятельность. В настоящее время всего 1,1 % представителей екатеринбургской диаспоры корейцев заняты в сельском хозяйстве [Ан, Казаева, Обвинцева и др., с. 17].

Отдельное место занимал вопрос относительно представлений корейцев диаспоры о собственной идентичности. Как показали результаты, большинство корейцев признают, что они значительно ассимилировались, однако этническое самосознание им удается сохранить. Живя в России более 150 лет, корейцы сумели сохранить основные календарные праздники и обряды, обряды жизненного цикла. Они по-прежнему встречают Новый год по лунному календарю (Соллаль), отмечают один год после рождения ребенка и 60-летний юбилей, сохраняют традиции корейской свадьбы и похоронного обряда. Хотя необходимо отметить, что некоторые традиции были забыты, а некоторые под влиянием русской культуры видоизменились [Джарылгасинова, Ионова].

* * *

Таким образом, благодаря проведенному социологическому опросу удалось выявить основные социальные черты представителей корейской диаспоры на Урале. Можно сделать вывод о том, что, как и в остальных регионах Российской Федерации, с 1990-х гг. начинается национально-культурный подъем корейской диаспоры на Урале. Были созданы корейские национальные организации: первоначально — культурно-национальная организация «Мунхва», затем Национально-культурная автономия корейцев (НКА). В настоящее время НКА продолжает осуществлять обширную деятельность, связанную с сохранением и распространением корейской культуры и языка, организацией различных мероприятий.

Библиографические ссылки

Руководители города и посол Южной Кореи обсудили перспективы сотрудничества // Официальный портал г. Екатеринбурга. URL: <https://ekaterinburg.pf/news/62721-rukovoditeli-goroda-i-posol-yuzhnoy-korei-ob-sudili-perspektivy-sotrudnichestva> (дата обращения: 11.07.2021).

Всероссийская перепись населения, 2010 г. // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 11.07.2021).

Ан Р. Н., Казаева А. В., Обвинцева В. О. и др. На Урал за знаниями: социальный портрет современного корейца на Среднем Урале // Материалы XV Российско-корейской научно-технической конференции, Екатеринбург, Уральский федеральный университет, 04–05 июля 2014 г. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014. С. 184–191.

Бугай Н. Ф. Корейцы в Союзе СССР — России : XX век. История в документах. М. : ИНСАН, 2004. 300 с.

Всесоюзная перепись населения 1926 г. : в 10 т. М. : ЦСУ Союза ССР, 1928. Т. 4. Вот. р-н, Ур. обл., Башк. АССР. Отд. 1. С. 106–147.

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2.

Джарылгасинова Р. Ш., Ионова Ю. В. Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии : Новый год. М. : Наука, 1985. С. 79–116.

Каменских М. С. Корейцы в Пермском крае : очерки истории и этнографии. Пермь : Маматов, 2014. 192 с.

Рукосуев Е. Ю. Золото и платина Урала: история добычи в конце XIX — начале XX века. Екатеринбург : Ин-т истории и археологии УрО РАН, 2004. 196 с.

Таняев А. П. Рабочее движение на Урале в годы империалистической войны. Свердловск ; М. : Урал. обл. изд-во, 1931. 45 с.

Чемезова Л. А. Дело корейцев по найму: рабочие Богословского горного округа Пермской губернии 1916–1917 гг. // Уральское востоковедение : междунар. альм. Екатеринбург, 2005. Вып. 1. С. 60–66.

2.2. Развитие общественных организаций российских корейцев в 1990-е — начале 2000-х гг. на примере Свердловской области

В конце 1980-х гг., и особенно после распада СССР, в Российской Федерации началось активное создание общественных организаций по национальному признаку. Именно к концу 1990-х гг. в Российской Федерации был выработан единый государственный подход к проблеме национальной политики, различных этносов и этнических групп, произошло формирование нового геополитического пространства. В конце 1990-х гг. были созданы крупнейшие на текущий момент в России корейские организации — Федеральная национально-культурная автономия корейцев и Общероссийское объединение корейцев [Энциклопедия корейцев России, с. 14–15]. Нашли свое отражение эти процессы и в региональном измерении, в частности, и на Урале. К сожалению, становление корейских национальных организаций в Свердловской области в указанный период оказалось вне поля зрения российских и корейских исследователей. Настоящая глава призвана восполнить этот пробел. Перед тем, как перейти к характеристике ключевого периода в истории формирования общественных объединений корейцев в Свердловской области, необходимо дать краткую характеристику указанным процессам в общероссийском масштабе.

Согласно Всесоюзной переписи населения, проведенной в 1989 г., в СССР проживало около 439 тыс. корейцев: порядка 120 тыс. — на территории Казахстана, 165 тыс. — на территории Узбекистана, 100 тыс. — на территории нынешней Российской Федерации [Население СССР, с. 37–38]. В 1929–1931 гг. многие корейцы Приморья были подвергнуты репрессиям, а в октябре 1937 г. произошло насильственное переселение большинства корейцев из приграничных территорий Дальнего Востока в Среднюю Азию. Лишь в 1953 г. указом Президиума Верховного Совета

2.2. Развитие общественных организаций российских корейцев в 1990-е — начале 2000-х гг.

СССР были сняты запреты на свободное перемещение корейцев по территории СССР [Бугай, Пак].

Репрессивные меры в СССР в конце 1930-х гг. нанесли серьезный ущерб развитию национальной культуры переселенных корейцев: были закрыты многие корейские школы, прекращено преподавание корейского языка, прерван выпуск печатных изданий, радиопрограмм на корейском языке и т. д. В результате указанной политики корейцы были лишены интенсивных внутринациональных контактов, разбросаны по бывшим республикам СССР, по областям и районам одной и той же республики. К середине 1980-х гг. существовала серьезная угроза денационализации, потери национальной самобытности корейцев, исчезновения их культуры и обычаев [Ким Сын Хва].

В эпоху перестройки произошла либерализация общества, изменилась политика в отношении национальных меньшинств. В конце 1980-х гг. советскими корейцами были созданы первые корейские организации. Самой крупной стала Всесоюзная ассоциация советских корейцев (ВАСК), которую возглавил Михаил Пак. В качестве первоочередных задач организации были названы возрождение национальной культуры и языка, издание книг, журналов на корейском языке, создание корейского театра, подготовка национальных кадров, национальной интеллигенции, открытие корейских детских садов и школ, культурно-информационного коммерческого центра. Кроме того, подчеркивалось, что для национального возрождения важно компактное расселение корейцев, поэтому необходимо способствовать возвращению их из Средней Азии в Хабаровский край и в Приморье [Бугай, Сим Хон Ёнг].

После распада СССР происходила активная миграция корейцев внутри РФ и из государств Средней Азии, общая численность диаспоры российских корейцев в 1990-е гг. составляла около 200 тыс. чел. До распада СССР миграция корейцев в регионы нынешней Российской Федерации была продиктована стремлением

повысить уровень жизни и получить качественное образование. Миграция 1990-х гг. была вызвана опасениями корейцев по поводу возможных этнических конфликтов на территориях бывших союзных республик [Бугай; Сим Хон Ёнг].

До 1993 г. в Российской Федерации шла активная работа по восстановлению прав репрессированных корейцев, начатая еще в 1980-е гг. Их потомкам на территории нынешней Российской Федерации полагались социальные льготы, право на бесплатное приобретение жилья и получение земельных участков [Бугай, Пак].

В 1993 г. были предприняты попытки создать комплексную государственную программу национально-культурного возрождения российских корейцев, постановление Верховного Совета РФ «О реабилитации российских корейцев», изданное 1 апреля 1993 г., способствовало этому процессу. В 1993 г. Министерство культуры Российской Федерации в рамках федеральной программы оказало помощь 17 национально-культурным центрам. Началось активное изучение корейского языка, были созданы кружки прикладного искусства, национальной кухни, борьбы, танца, поддерживались связи с соотечественниками за рубежом. 130-летие переселения корейцев в Россию было широко отмечено на краевом и областном уровнях. Преподаванию корейского языка после 1990 г. активно способствовал Институт обучения зарубежных корейцев в Сеуле. В 1991 г. была создана Всероссийская (Всесоюзная) ассоциация преподавателей корейского языка [Энциклопедия корейцев России, с. 191–195].

В 1993–1994 гг. в Министерстве по делам национальностей и региональной политике (Миннац РФ) при участии Б. С. Цоя разрабатывался проект комплексной государственной программы национально-культурного возрождения корейцев. В этот период существовало более 40 корейских организаций с ориентацией и на Республику Корея, и на КНДР, что вызывало серьезные разногласия. Мероприятия по возрождению корейского языка и культу-

2.2. Развитие общественных организаций российских корейцев в 1990-е — начале 2000-х гг.

ры были затруднены фактом проживания корейцев небольшими группами, отдельными семьями, слабым их взаимодействием с корейцами ближнего зарубежья, многочисленностью общественных организаций [Бугай, с. 243–246].

В 1996 г. к разработке проектов возрождения и развития культуры российских корейцев подключился Н. Ф. Бугай, начальник департамента по делам депортированных и репрессированных народов Миннаца. В первой половине 1990-х гг. была создана Ассоциация корейцев России (АКР), которая в 1999 г. была преобразована в Общероссийское объединение корейцев (ООК). К 1999 г. завершился процесс формирования единой централизованной сети корейских общественных и национальных организаций [Бугай, с. 198–202].

Указанные выше процессы нашли свое отражение и на Урале. В 1990 г. возникло локальное объединение корейцев Екатеринбурга, а 27 июня 1991 г. в Свердловской области было создано Екатеринбургское корейское культурно-просветительское общество «Мунхва», которое возглавил профессор В. В. Ким; в 1991 г. появились Корейский культурный центр в Челябинске под руководством В. Ч. Пак и Тюменская областная организация корейцев России (ее возглавил В. О. Огай). 19 марта 1992 г. было основано Культурно-просветительское общество корейцев Пермской области «Ариран», его руководителем стал М. Д. Пак [Бугай, с. 179–182].

Ключевой организацией корейцев в Свердловской области стало корейское культурно-просветительское общество «Мунхва». Целями организации стали национально-культурное возрождение корейцев, изучение корейского языка, традиций и культуры, знакомство с корейской культурой представителей других этнических групп [ГАООСО. Ф. 23]. Руководителем организации являлся Владимир Васильевич Ким, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации. Он родился в 1932 г. в деревне Дубровка Свободненского района

Амурской области, в 1956 г. с отличием окончил философский факультет Ленинградского университета, затем работал в Ташкентском государственном медицинском институте, в 1963 г. поступил в заочную аспирантуру в Уральский университет к профессору М. Н. Руткевичу, в 1966 г. переехал в Свердловск, начал работать в Уральском государственном университете, в 1977 г. возглавил в нем кафедру философии и культурологии. В состав правления общества вошли ведущий научный сотрудник Института математики и механики РАН А. В. Ким, профессор кафедры общей химии УГМА В. Д. Тхай и другие, всего более тысячи человек [Личный архив В. В. Кима].

В 1990-е гг. организация наладила взаимодействие с государственными органами Свердловской области, такими как Департамент по работе с общественными и религиозными организациями губернатора Свердловской области, Администрация г. Екатеринбурга, с 1993 г. активно участвовала в формировании национальной политики в регионе. Екатеринбургское корейское культурно-просветительское общество укрепляло деловые и культурные связи с ассоциациями корейцев Уральского федерального округа [ГАСО. Ф. 88].

В 1990-е гг. благодаря помощи Екатеринбургского корейского культурно-просветительского общества в уральские учебные заведения впервые прибыли корейские студенты и аспиранты, были подписаны договоры с университетами Сонгюнгван, Сунгиль, KAIST и другими. В 1990-е гг. также началось изучение корейского языка в Уральском государственном университете, тогда был создан факультатив по корейскому языку для двух групп — начинающей и продолжающей. Занятия проводились на еженедельной основе. Представители корейской диаспоры Свердловской области регулярно начали праздновать Соллаль (лунный Новый год), годовщину Первомартовского восстания 1919 г. в Корее, День поминовения и почитания старших Хансик, День детей (Ырининаль), День освобождения и возрождения Кореи, праздник

2.2. Развитие общественных организаций российских корейцев в 1990-е — начале 2000-х гг.

урожая и благодарения Чхусок. Организация начала принимать регулярное участие в областном фестивале национальных культур народов Урала, начиная с 2002 г. было проведено большое количество концертов и выставок [Личный архив В. В. Кима].

В 1995 г. в Уральском государственном университете благодаря соглашению с посольством Республики Корея в России был создан Российско-корейский информационно-образовательный центр. Это стало важным этапом в налаживании сотрудничества между Свердловской областью и Республикой Корея.

Уральский регион является одним из важных территориально-хозяйственных комплексов РФ, он составляет 10 % территории России (включает Свердловскую, Тюменскую, Челябинскую области, Пермский край, Курганскую, Оренбургскую области, Башкирию), обладает серьезным научно-техническим потенциалом, богат природными ресурсами. Но долгое время (до начала 1990-х гг.) регион был закрытым, информация о его экономическом, культурном, научно-техническом и интеллектуальном потенциале была недоступна для большинства иностранных государств. После 1995 г. активное сотрудничество с представителями корейского бизнеса начали уральские компании (ООО Уральский электронный завод, ООО «Трейд Рут»), в Екатеринбурге были открыты подразделения корейских компаний *Samsung*, *LG* [ГАООСО. Ф. 23].

В декабре 2002 г. ученым советом Уральского государственного университета в целях развития взаимовыгодных отношений университета с образовательными учреждениями и фондами Республики Корея была открыта учебно-методическая лаборатория современного изучения языков (русского языка для иностранных учащихся и корейского — для русских).

В 1996 г. в Российской Федерации были приняты федеральный закон «О национально-культурной автономии» и «Концепция государственной национальной политики РФ», на основании этих документов была создана Федеральная национально-куль-

турная автономия корейцев (ФНКА), а 16 января 1999 г. — общественная организация «Общероссийское объединение корейцев» (кор. 러시아 고려인 연합회, ООК). Это ознаменовало новый этап в истории развития корейских общественных организаций. Были также основаны регионально-национально-культурные автономии в различных городах Российской Федерации, в том числе в Екатеринбурге. Таким образом, к концу 1990-х гг. была систематизирована деятельность национальных корейских организаций по всей России [Энциклопедия корейцев России, с. 193–195].

В 2002–2003 гг. организация «Свердловское корейское культурно-просветительское общество “Мунхва”» вошла в состав «Общероссийского объединения корейцев». В 2003 г. корейская община Среднего Урала учредила вместо общества «Мунхва» «Свердловскую региональную национально-культурную автономию российских корейцев». В организацию вступило новое молодое поколение корейцев, добившихся успехов в деловой сфере (например, С. В. Тхай). Ее члены ставили перед собой следующие цели: овладеть корейским языком, приобщиться к самобытной национальной корейской культуре, способствовать укреплению связей между Российской Федерацией и Кореей, эффективно взаимодействовать с государственными структурами, координировать деятельность с другими национальными объединениями на Среднем Урале, проводить различные мероприятия и т. д.

* * *

Таким образом, для Урала и Свердловской области в значительной степени были характерны те же процессы формирования корейских национальных общественных организаций, что и для всей Российской Федерации. В 1990-е гг. произошла миграция корейцев из стран СНГ на Урал и в Свердловскую область, значительную роль в этом сыграло постановление Верховного Совета РФ «О реабилитации российских корейцев» (1993). Кризис промышленного и сельскохозяйственного производства способст-

2.2. Развитие общественных организаций российских корейцев в 1990-е — начале 2000-х гг.

вовал активному присоединению корейского населения к сфере торговли и услуг, во второй половине 1990-х гг. представители корейской диаспоры в Свердловской области начали развивать малый бизнес, работать в сфере промышленности, строительства, образования, управления. В отличие от Ростовской или Волгоградской областей, представители корейской диаспоры в Свердловской области и на Урале были редко вовлечены в процесс сельскохозяйственного производства.

Первая корейская национальная культурная организация появилась в Свердловской области уже в 1990 г. под руководством профессора Уральского государственного университета В. В. Кима, что говорит об активности местных представителей диаспоры. В основном ключевые роли в указанной организации играли представители науки и образования, преподаватели вузов и сотрудники научно-исследовательских организаций. В 1990-е гг. были заложены основы для стабильного функционирования организации, налаживались контакты с Республикой Корея в научной, экономической, культурной сферах. В 1990-е гг. благодаря помощи Екатеринбургского корейского культурно-просветительского общества «Мунхва» в уральские учебные заведения впервые прибыли корейские студенты и аспиранты, были подписаны договоры с корейскими университетами, началось систематическое изучение корейского языка в Уральском государственном университете, представители корейской диаспоры Свердловской области начали проводить регулярные собрания, мероприятия по празднованию Лунного нового года, Дня поминовения и почитания старших Хансик, праздника урожая и благодарения Чхусок.

В 2003–2004 гг. начался новый этап в развитии корейских общественных организаций Свердловской области: была создана «Свердловская региональная национально-культурная автономия российских корейцев», началось активное сотрудничество с Республикой Корея.

Библиографические ссылки

Бугай Н. Ф. Корейцы в Союзе ССР — России: XX в. М. : ИНСАН, 2004. 304 с.

Бугай Н. Ф., Пак Б. Д. 140 лет в России : очерк истории российских корейцев. М. : ИВ РАН, 2004. 464 с.

Бугай Н. Ф., Сим Хон Ёнг. Общественные объединения корейцев России: конститутивность, эволюция, признание. М. : Новый хронограф, 2004. 374 с.

ГАООСО. Ф. 23.

ГАСО. Ф. 88.

Ким Сын Хва. Очерки по истории советских корейцев. Алма-Ата : Наука, 1965. 251 с.

Личный архив В. В. Кима.

Население СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. / Госкомстат СССР. М. : Финансы и статистика, 1990. 45 с.

Сим Хон Ёнг. К истории корейских общественных организаций в России в первой четверти XX века // Lib.Ru : Сервер «Заграница» : [интернет-портал]. URL: http://world.lib.ru/k/kim_o_i/a13-1.shtml (дата обращения: 21.09.2021).

Энциклопедия корейцев России : 140 лет в России / под ред. Цой Брони. М. : Рос. акад. естеств. наук, 2003. 1450 с.

2.3. Жизнь «здесь» и «там» в мигрантских историях среднеазиатских корейцев (случай Челябинска)¹

После распада СССР миграции из Среднеазиатского региона в РФ (вынужденные, трудовые, образовательные и др.) приобрели широкомасштабный характер. Заметной этнической группой, принимавшей участие в этих перемещениях, являлись корейцы. Сегодня по теме среднеазиатской миграции сложился значительный массив научной литературы. Много внимания уделено аспектам трудовой миграции, социальной инфраструктуре, создаваемой мигрантами в пространстве российского города, и т. д. [см. подробнее: Степанов; Thibault; Kashnitsky, Demintseva; Gerber, Zavisca; Libman, Obydenkova; Malakhov; Jitlina et al.]. Однако исследовательский фокус не так часто смещается на среднеазиатских корейцев, хотя их случай во многом уникален. Они прошли через целый ряд разноплановых перемещений, география которых действительно впечатляет, и сформировали сегодня развитое транснациональное сообщество не только в границах бывшего СССР, но и за его пределами.

Появление корейцев в России относится к середине XIX — началу XX в. В более чем полуторавековой истории *корё сарам* можно выделить три периода: 1) «дальневосточный» — с момента переселения в Россию и до 1937 г. [Ким Сын Хва; Hara; Wada; Fuchs]; 2) «среднеазиатский» (связан с депортацией и проживанием в Казахстане и Узбекистане вплоть до распада СССР [Djarylgasinoва, 1968; Djarylgasinoва, 1981a; Djarylgasinoва, 1981b; Huttenbach; Gelb]); 3) «постсоветский» (характеризуется высокой пространственной мобильностью, формированием корейских сообществ во многих частях бывшего СССР [Бугай, 2000; Бугай, 2007; Kim, 2003; Park]) (табл. 1).

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (государственное задание № FENU-2020-0021).

Таблица 1

Численность корейцев в СССР и РФ в 1926–2010 гг.

[Переписи населения Российской империи, СССР, 15 новых независимых государств]²

Государство	Год									
	1926	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2010		
СССР	86999	182 339	313 735	357 507	388 926	438 650	—	—		
РСФСР	86854	11 462	91 445	101 369	97 649	107 051	148 556	153 156		
Туркменская ССР	—	40	1 919	3 493	3 105	2 848	—	4 400		
Узбекская ССР	30	72 944	138 453	151 058	163 062	183 140	163 787	184 699		
Таджикская ССР	—	43	2 365	8 490	11 179	13 431	1 696 ² (2 000)	634		
Киргизская ССР	—	508	3 622	9 404	14 481	18 355	19 784 (1 999)	17 124 (2 020)		
Казахская ССР	—	96 453	74 019	78 078	91 984	103 315	99 665 (1 999)	108 551 (2 020)		

² Для государств Средней Азии год переписи указан в скобках.

2.3. Жизнь «здесь» и «там» в мигрантских историях среднеазиатских корейцев

Основной массив научной литературы посвящен первым двум этапам. Применительно к современной ситуации мы наблюдаем немало содержательных и территориальных лакун. Перспективным направлением исследований являются трансграничные связи и контакты мигрантов, их биографии, позволяющие увидеть опыт жизни «там» и «здесь», проследить пересечение граней локального и транснационального [Ни; Ahn]. Исследовательская проблема заключается в том, каким видят среднеазиатские корейцы свое будущее, намерены ли они остаться в Челябинске или планируют вернуться на историческую родину, готовы ли эмигрировать в Южную Корею или любую другую страну.

Источниковую базу исследования составили 23 глубоких интервью с выходцами из Средней Азии корейской национальности, которые проводились в 2014–2020 гг. Информанты представляют не только разные государства Средней Азии (Узбекистан и Казахстан), но и являются выходцами из городской и сельской местности, обладают различным уровнем образования и социальным статусом, представляют несколько поколений (возраст — от 18 до 55 лет). Некоторая часть информантов родилась уже в России, имела опыт посещения не только стран исхода родителей, но и Южной Кореи, США и др. Собранные материалы подвергались кодированию и расшифровке. Метод интервью позволяет выявлять и подвергать подробному анализу транснациональные жизненные практики, планы и стратегии информантов. В полученном массиве текстов вычленяются долгосрочные планы, связанные с нынешним местом проживания, в то время как реальная или символическая «родина» становится скорее предметом ностальгии [Brednikova]. Кроме того, проводилась серия включенных наблюдений в местах работы и учебы некоторых информантов (рынки, учебные заведения и др.).

Концепция транснационализма применяется автором главы как исследовательская оптика, способная показать структурирование мобильными субъектами новой реальности «там»

и «здесь». Так мы выходим за узкие рамки региона и оцениваем жизненный опыт мигрантов значительно шире. Это сохранение плотных связей со страной исхода. С развитием технологий, появлением смартфонов, различных приложений для общения и других средств коммуникации интенсивность контактов мигрантов с родственниками и земляками многократно возрастает (см. случай выходцев из Киргизии [Ruget, Usmanalieva]). Происходят регулярные переводы денежных средств семье, практикуются возвращения «домой» или «на родину родителей» кого-либо из членов семьи (например, летний отдых детей в Ташкенте). Тем самым мигрант сохраняет статус члена сообщества, к которому принадлежал до миграции, но не находится постоянно в стране исхода.

В рамках транснационального подхода пристальный интерес ученых вызывают контакты, связи, наконец, события, происходящие с мигрантом в моменты до передвижения и после. Иными словами, применение данного инструментария позволяет ответить на вопросы о том, какие каналы влекут в миграцию (то есть механизм принятия решений и источник сведений), какие из них сохраняются после нее и возникают вновь.

Корейцы в Южноуралье.

Связи среднеазиатских корейцев Челябинска с родиной

Челябинская область — регион, исторически сложившийся как переселенческий. Говоря о корейцах-«старожилах» советского времени, стоит отметить специфическое положение Челябинска относительно общегосударственных миграционных перемещений и прочную связь региона с республиками Средней Азии. Будучи крупным транзитным, промышленным и образовательным центром, Челябинск привлекал переселенцев из разных уголков СССР. На территорию Южноуралья и в постсоветский период приезжали внутрироссийские и международные мигранты (вынужденные, трудовые, образовательные и др.). Наиболее динамичные переме-

2.3. Жизнь «здесь» и «там» в мигрантских историях среднеазиатских корейцев

щения на разных этапах были связаны с государствами Средней Азии, Закавказья, а также КНР. Заметную роль в структуре миграций играли корейцы, их численность существенно возросла за постсоветские годы (в 1939 г. здесь проживал 291 чел., 1959 г. — 449 чел., в 1970 г. — 404 чел., в 1979 г. — 412 чел., в 1989 г. — 463 чел., в 2002 г. — 959 чел., в 2010 г. — 905 чел. [Переписи населения Российской империи, СССР, 15 новых независимых государств]). Большинство из них, даже несмотря на продолжительный опыт проживания на Южном Урале, сохраняют связи с исторической родиной, при этом у них возникают новые контакты в других регионах России и странах дальнего зарубежья.

Трансграничные мигранты, находясь продолжительное время в принимающем обществе, организовывали свои сообщества, формировали разветвленные социальные и экономические сети, вырабатывали механизмы взаимной поддержки и кооперации [Дятлов]. Корейцы, численность которых в России возросла примерно в 1,4 раза, не стали исключением [Мукомель, с. 63]. Во многих российских городах, в том числе в Челябинске, возникали корейские национально-культурные организации. Эти коммуникации и сети поддержки, как показано выше, стимулировали миграционные потоки в уральские города. Корейская община становилась не только посредником в адаптации и интеграции мигрантов, но также транслировала национальную культуру (через изучение языка, истории, организацию национальных праздников, социализацию детей и молодежи и т. д.).

Одновременно с этим корейские национально-культурные организации способствуют поддержанию социокультурных связей в рамках транснационального пространства, объединяющего как минимум Россию, Казахстан, Узбекистан, США и Южную Корею. Деятельность этих структур включает такие практики, как прием делегаций, поддержание культурных связей, организация выставок корейского искусства, праздников и др. В Челябинске при содействии представителей Корейского культурного центра

организовывались языковые курсы для детей и взрослых, создавались танцевальные коллективы, спортивные секции [Авдашкин, с. 112–113].

С экономической точки зрения «транснациональность» корейцев выражалась в рекрутировании новых мигрантов, накоплении капитала и его последующей конвертации в месте проживания, на исторической родине или на новом месте жительства детей (обычно это Москва, Санкт-Петербург, города США и т. д.) По обе стороны «границы» (или «границ») практикуются разнообразные обмены товарами, информацией и практическим опытом. Связь с «родиной» осуществляется в том числе за счет создания и использования ресурсов этнического предпринимательства [Kim, 2009], например, это торговля блюдами национальной кухни, открытие заведений среднеазиатской (в том числе корейской) кухни. Последние заняли прочные позиции в сфере общественного питания большинства российских городов [Варшавер, Рочева, с. 109].

Пространство среднеазиатских кафе мультикультурно: их владельцы, сотрудники и посетители не дифференцируются по этническому признаку. В большинстве малых и средних торговых комплексов, на многих рынках существуют заведения азиатской кухни и другие объекты «этнического бизнеса» (автор главы наблюдал тесную кооперацию узбеков, киргизов, корейцев и даже китайцев). В воспоминаниях информантов прослеживается смена поколений, когда представители первой или второй волны работников обзавелись собственным бизнесом, перебралась в другие регионы или страны. В Челябинске работает немало таких кафе и торговых точек. Одной из наиболее часто упоминаемых локаций является кафе «Брюки» на китайском рынке. Помимо этого, в разные периоды в повествованиях информантов фигурировали такие заведения, как «Базар», «Истаравшан» и др.

Среднеазиатские корейцы, находящиеся в Челябинске, поддерживают широкий спектр коммуникаций со странами исхода,

2.3. Жизнь «здесь» и «там» в мигрантских историях среднеазиатских корейцев

дальнего зарубежья и другими регионами России. Помимо личных контактов с родными и близкими, ощутимую роль в укреплении транснационального характера их связей играет корейский культурный центр. Все это в совокупности определяет транснациональную природу повседневных практик, связывает между собой локальное и транснациональное, «здесь» и «там» в изученных нами биографиях.

Мигрантские биографии корейцев Челябинска

Большинство корейцев, приехавших в Челябинскую область из стран Средней Азии в целях заработка и поиска постоянного места жительства, обладали определенной опорой на земляков или родственников. На начальном этапе это были старожилы советского времени, контакты с которыми рассматривались как важный фактор при выборе Челябинска в качестве места пребывания.

В Челябинске у меня были хорошие знакомые узбеки и родственники-корейцы со стороны отца. Они работали на «китайском рынке», торговали специями. Они позвали, и я, конечно, согласился (М., 26 лет, Кустанайская обл.).

Родственники и знакомые, которые имели удачный опыт пребывания в России, приглашали интервьюируемых в Челябинск на заработки. Они служили для вновь прибывших первичной социальной и информационной «базой» для поиска жилья, работы, оформления документов и др. Одновременно адаптированные мигранты показывали положительный пример трудовой миграции для новых мигрантов или тех, кто находился в состоянии выбора на родине.

Характеристиками успешной трудовой миграции являлись приобретение российского гражданства, стабильный доход, организация бизнеса — этнического кафе или торговой точки по ре-

лизации корейских и узбекских блюд, киоска по продаже овощей и фруктов, парикмахерской и др. Эти сферы малого и среднего бизнеса постоянно испытывают потребность в персонале, и, как правило, его набор происходил среди родственников, друзей или земляков. В качестве примера приведем историю семейной пары, которая приняла на работу племянника в строительную бригаду, ремонтировавшую квартиры в Челябинске. Родители настояли на том, что профессия плиточника предпочтительна, поэтому он должен отправиться в Россию и работать в бригаде у родственника. Такая практика набора объясняется с помощью транснациональной оптики, которая фокусируется на роли тех, кто остался дома, и тех, кто осваивает новые рынки труда за рубежом.

Мой дядя пригласил многих родственников со стороны жены. Он живет в России уже больше 20 лет, какое-то время жил в Москве, Екатеринбурге, а потом переехал в Челябинск... Мы на него работаем (М., 34 года, Ташкент).

Разумеется, успешная миграция сопровождалась ощутимым улучшением материального состояния и «там», и «здесь». В этих случаях определенные инвестиции направлялись в имущество, которое оставалось на «родине», обычно это Узбекистан. В Казахстане, как правило, все бросалось или продавалось за бесценок. В периодике мы можем встретить даже упоминание о «продаже всего по цене меховой шапки» [Южноуральская панорама, 2 дек.]. Среднеазиатские корейцы постепенно приобретали жилье, в том числе по ипотечному кредитованию в Челябинске. Покупали или строили дома в поселках, где осели. В одном из материалов медиа о поселке Мелькомбинат в Челябинске рассказана такая история:

Геннадий Юн рассказывает: в этом поселке [поселок Мелькомбинат в Челябинске] он не коренной житель, да и в Челябинске тоже. Приехал в город в 1996-м из Узбекистана, поближе к брату, а спустя

2.3. Жизнь «здесь» и «там» в мигрантских историях среднеазиатских корейцев

четыре года купил участок возле Мелькомбината. Построил два новых дома, оборудовал скважины [BMW на крыше].

Женщина из Казахстана, приехавшая в 2002 г. на заработки к сестре, встретила земляка в Челябинске и спустя три года вышла за него замуж. Благодаря тому, что ее супруг являлся гражданином России, она смогла быстро оформить российский паспорт. За это время в семье родились двое детей. На протяжении нескольких лет семья проживала с родственниками мужа в одной из комнат съемной квартиры. После увеличения доходов от бизнеса (приготовление и продажа корейской моркови) супругам удалось получить ипотеку. Первоначальным взносом являлся материнский капитал, полученный после рождения второго ребенка. Наличие в Челябинске жилья, за которое необходимо платить еще десять лет, не останавливает семью в планах возвращения на родину или переезда в другой регион России. Кроме того, у мужа на родине есть дом, оставшийся в наследство после смерти родителей.

Я в данное время не работаю, поскольку сижу дома с детьми. Скоро пойду работать. Это удобно, так как утром все успеваю приготовить и нарезать. Я хочу помогать мужу, мы хотим накопить на ремонт дома, который у нас есть в Узбекистане (Ж., Хорезмская обл., 29 лет).

Информанты описывают ветхое состояние частного дома. В нем практически отсутствуют мебель и нормальный водопровод. Однако трудные бытовые условия не останавливают их от выбора места жительства «там». Не исключено, что жилье в Челябинске будет сдаваться землякам или своим же родственникам, которые приедут на заработки. Продавать эту квартиру семья не планирует, поскольку нет ясности, как сложится жизнь в Узбекистане или где-либо еще. Планы на будущее обусловлены

идеями о возвращении «домой» или о переезде в крупный город (Москву, Санкт-Петербург, Краснодар). Есть случаи, когда планируется эмиграция к детям в США или Южную Корею. Однако даже в случае успеха этих планов никто прерывать связи с Челябинском в силу разных причин не станет. Практически все наши информанты осознанно занимаются множественным проектированием будущего, оставляя Челябинск как «запасной вариант». Так в быстро меняющихся условиях (особенно в 2020 г.) появляется возможность выбрать наиболее приемлемую версию развития событий.

Как мы увидели в материалах глубинных интервью корейцев из Средней Азии, в основе этих проектов лежит представление о будущем «и здесь, и там». Траектории перемещений и процесс интеграции в принимающее общество не только не исключали связи с родиной, но и во многом основывались на них. В целом долгосрочные планы на проживание, потенциальные возможности перемещений представляют сложный дискуссионный вопрос. Он часто обсуждается в транснациональном измерении, осуществляется сбор сведений, проводится калькуляция расходов, анализируются перспективы и др. Встречено немало примеров, когда родственники сообща принимали решение о том, куда отправить детей на учебу: в Москву, Екатеринбург или США. Все эти коммуникации становятся важной чертой транснационального пространства, скрепленного семейными, родственными, дружескими связями «поверх или вне границ» [Faist et al., p. 92].

Миграция в составе семьи, а для корейцев это наиболее часто практикуемая форма миграции в Россию еще с XIX в., требует от старшего поколения приложения усилий по интеграции в принимающее сообщество. Мигрантская семья — это базовая среда, где образуются, крепнут и развиваются транснациональные связи. Так в семейном быте доносятся смыслы таких понятий, как «дом», «родина», «возвращение», «переезд» куда-либо. Все это усложняет выбор будущего, делает его более многофакторным.

2.3. Жизнь «здесь» и «там» в мигрантских историях среднеазиатских корейцев

При этом дети мигрантов-корейцев воспринимают родину родителей как место проведения летних каникул. Пока мы не наблюдали случаев выбора вузов в Узбекистане и переезда туда. Скорее предпочтение отдается Южной Корее, США или крупным российским городам. Существование транснационального настоящего, в котором пребывают наши информанты, дает им основания для реализации сценариев будущего по обе стороны той или иной государственной границы [Абашин, с. 133]. Транснациональность состоит в том, что и «там», и «здесь» мигранты имеют родственников и друзей. С ними поддерживаются плотные связи. Успешность миграционного опыта также подпитывает двойственное положение мигранта и его семьи.

* * *

Проведенное исследование показало, что корейцы формируют различные сценарии своего транснационального будущего, не исключая вероятности возвращения в «прошлое», то есть в Узбекистан, Киргизию или Казахстан. Временные трудовые мигранты и корейцы с миграционным прошлым очень мобильны. На это оказывает влияние отсутствие в их сознании определенной картины будущего. Расширяя пределы свое транснационального пространства из Средней Азии сначала на Россию, а затем на другие страны, они более вариативны в выборе того, где в итоге останутся.

Увиденные миграционные сценарии корейцев «и здесь, и там» органично укладываются в восприятие современности в русле транснационального подхода. Они проявляют себя в поддержании связей не только с «домом», но и с новыми местами пребывания в семейной, социокультурной и экономической сферах повседневной жизни. Они продолжают оставаться действующими представителями тех сообществ, в которых находились до миграции, регулярно поддерживают широкий спектр контактов.

Мобильность субъектов в рамках транснациональных пространств обретает не только постоянный, но и самовоспроизво-

дящийся характер. Как мы увидели на примере среднеазиатских корейцев, отдельные участники транснациональных миграций могут навсегда остаться жить в Челябинске, другие — вернуться на родину в страны Средней Азии или курсировать между Челябинском и, к примеру, Ташкентом или Кустанаем. Однако эта миграция неизбежно предполагает регулярные поездки, ведение жизни и деловой активности одновременно в двух контекстах — «здесь» и «там». Такой режим мобильности вовлекает в это транснациональное пространство все новых акторов, и далеко не обязательно, что все они корейцы (родственники, друзья, соседи, земляки, деловые партнеры и др.).

На планирование транснационального будущего непосредственное влияние оказывает биографическая ситуация, в которой оказываются мигрант и его семья. Картина этого будущего связана с высокой степенью неопределенности. Как отметил один из информантов, он не ожидал пандемии коронавируса и не поехал из-за этого учиться в США. Нестабильность и непредсказуемость условий в стране исхода, в месте проживания и в предполагаемых новых центрах для построения будущего значительно влияют на повседневные практики мигрантов, определяют параметры их функционирования в рамках транснациональных пространств.

Библиографические ссылки

Авдашкин А. А. Корё сарам на Южном Урале в 1989–2002 гг. (на материалах Челябинской области) // Изв. Иркутск. гос. ун-та. Сер.: Геоархеология. Этнология. Антропология. Т. 24. 2018. С. 106–117.

Абашинов С. Н. Возвращение домой: семейные и миграционные сценарии в Узбекистане // Ab Imperio. 2015. № 3. С. 125–165.

Бугай Н. Ф. Российские корейцы: новый поворот истории. 90-е г. М. : Рус. слово, 2000. 112 с.

2.3. Жизнь «здесь» и «там» в мигрантских историях среднеазиатских корейцев

Бугай Н. Ф. Корейцы стран СНГ: общественно-«географический синтез» (начало XXI века). М. : Ин-т истории РАН, Общерос. объединение корейцев, 2007. 360 с.

Варшавер Е. А., Рочева А. Л. Сообщества в кафе как среда интеграции иноэтничных мигрантов в Москве // Мониторинг общественного мнения. 2014. № 3 (121). С. 104–114.

Дятлов В. И. Миграции, мигранты, «новые диаспоры»: фактор стабильности и конфликта в регионе // Demoscope Weekly : [website]. 2007. № 271–272. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0271/analit01.php> (дата обращения: 24.12.2020).

Ким Сын Хва. Очерки по истории советских корейцев. Алма-Ата : Наука, 1965. 251 с.

Мукомель В. И. Миграционная политика России : Постсоветские контексты. М. : Диполь & Т, 2005. 351 с.

Ни М. Л. Этническая идентификация и транснациональные практики российских корейцев в Санкт-Петербурге // Мониторинг общественного мнения. 2017. № 1. С. 209–224.

Степанов А. М. Переезд из Таджикистана в Россию: мифы и реальность // Мониторинг общественного мнения. 2019. № 2. С. 304–317.

Переписи населения Российской империи, СССР, 15 новых независимых государств // Demoscope Weekly : [website]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php> (дата обращения: 25.12.2020).

Южноуральская панорама. 2000. 2 дек.

BMW на крыше, пикники у реки и квартира за 19 миллионов: что скрывает поселок у мелькомбината // 74.ru : интернет-портал г. Челябинска. URL: <https://74.ru/text/gorod/2019/04/01/66020788/> (дата обращения: 25.12.2020).

Ahn E. S. Tracing the Language Roots and Migration Routes of Koreans from the Far East to Central Asia // J. of Language Identity & Education. 2019. Vol. 18. Iss. 4. P. 222–235.

Brednikova E. O. (Non-)Return: Can Migrants Become Former Migrants? // Anthropology & Archeology of Eurasia. 2017. Vol. 56. Iss. 3–4. P. 298–320.

Djarylgasinoва R. Sh. On the Question of Cultural Convergence of the Koreans of the Uzbek SSR with Neighboring Peoples // *Soviet Anthropology and Archeology*. 1968. Vol. 7. Iss. 1. P. 26–35.

Djarylgasinoва R. Sh. Basic Tendencies of Ethnic Processes Among the Koreans of Central Asia and Kazakhstan [Part I] // *Soviet Anthropology and Archeology*. 1981a. Vol. 20. Iss. 2. P. 56–71.

Djarylgasinoва R. Sh. Basic Tendencies of Ethnic Processes Among the Koreans of Central Asia and Kazakhstan [Part II] // *Soviet Anthropology and Archeology*. 1981b. Vol. 20. Iss. 3. P. 3–30.

Faist T., Fauser M., Reisenauer E. Transnational migration. Cambridge : Polity Press, 2013. 210 p.

Fuchs M. The Soviet Far East as a strategic outpost and the regional authorities' nationality policy: the Korean question, 1920–1929 // *Sibirica*. 2004. Vol. 4. No. 2. P. 201–227.

Gelb M. An Early Soviet Ethnic Deportation: The Far-Eastern Koreans // *The Russian Rev.* 1995. Vol. 54. No. 3. P. 389–412.

Gerber T. P., Zavisca J. Experiences in Russia of Kyrgyz and Ukrainian labor migrants: ethnic hierarchies, geopolitical remittances, and the relevance of migration theory // *Post-Soviet Affairs*. 2020. Vol. 36. Iss. 1. P. 61–82.

Hara T. The Korean movement in the Russian Maritime Province, 1905–1922 // *Koreans in the Soviet Union*. Honolulu, HI : Center for Korean Studies, 1987. P. 1–23.

Huttenbach H. R. The Soviet Koreans: Products of Russo-Japanese imperial rivalry // *Central Asian Survey*. 1993. Vol. 12. Iss. 1. P. 59–69.

Jitlina O., Kangas A., Krivonos D. et al. Escaping a migrant metropolis Post-Soviet urbanization through the art project Nasreddin in Russia // *City*. 2020. Vol. 24. Iss. 3–4. P. 431–451.

Kashnitsky D., Demintseva E. 'Kyrgyz Clinics' in Moscow: Medical Centers for Central Asian Migrants // *Medical Anthropology*. 2018. Vol. 37. Iss. 5. P. 401–411.

Kim G. N. Koryo saram, or Koreans of the former Soviet Union: In the past and present // *Amerasia J.* 2003. Vol. 29. Iss. 2. P. 1–7.

2.4. «Я советско-российский человек»: интервью И. Б. Фан с В. Д. Тхаем

Kim G. N. Ethnic entrepreneurship of Koreans in the USSR and post-Soviet Central Asia. V. R. F. Series, 445 (Febr.). Chiba, Japan : Inst. of Developing Economies, 2009. 95 p.

Libman A., Obydenkova A. V. Proletarian Internationalism in Action? Communist Legacies and Attitudes Towards Migrants in Russia // Problems of Post-Communism. 2020. Vol. 67. Iss. 4–5. P. 402–416.

Malakhov V. Why Tajiks Are (Not) Like Arabs: Central Asian Migration into Russia Against the Background of Maghreb Migration into France // Nationalities Papers. 2019. Vol. 47. Iss. 2. P. 310–324.

Park H. A House of Our Own: Diaspora Politics Among Koreans in the Russian Far East // The Asia Pacific J. of Anthropology. 2015. Vol. 16. Iss. 5. P. 431–447.

Ruget V., Usmanalieva B. Can smartphones empower labour migrants? The case of Kyrgyzstani migrants in Russia // Central Asian Survey. 2019. Vol. 38. Iss. 2. P. 165–180.

Thibault H. Labour migration, sex, and polygyny: negotiating patriarchy in Tajikistan // Ethnic and Racial Studies. 2018. Vol. 41. Iss. 15. P. 2809–2826.

Wada H. Koreans in the Soviet Far East, 1917–1937 // Koreans in the Soviet Union. Honolulu, HI : Center for Korean Studies, 1987. P. 24–59.

2.4. «Я советско-российский человек»: интервью И. Б. Фан с В. Д. Тхаем³

Валерий Дмитриевич Тхай (род. 12.11.1942) — известный специалист в сфере электрохимии расплавленных сред, доктор химических наук, профессор кафедры «Фармация и химия» Уральского государ-

³ Глава подготовлена при поддержке программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности», 2020–2022 гг. (проект «Общественное согласие в России и конструирование гражданской идентичности как способ его достижения», рук. акад. РАН В. Н. Руденко).

ственного медицинского университета. Дважды избирался членом Консультативного совета по мирному демократическому объединению Кореи, участвовал в работе Всемирного форума в Сеуле (Республика Корея). В настоящее время — заместитель председателя правления екатеринбургской городской общественной организации «Национально-культурная автономия российских корейцев».

— *Валерий Дмитриевич, расскажите, пожалуйста, об истории Вашей семьи, о том, как она пережила депортацию, Великую Отечественную войну, другие события советской истории.*

— Мои родители были простыми крестьянами, жили они в Приморском крае.. Мама Анна Ким родилась 23 ноября 1914 г. в Северной Корее, а отец Ден (Чен) Хим Тхай родился в 1904 г. в одной из провинций Китая, где жили корейцы. В 1937 г. они подверглись депортации и были переселены в Средне-Черчикский район Ташкентской области Узбекской ССР. Там был создан небольшой колхоз, который часто переименовывали, в последнее время он назывался колхозом им. В. И. Ленина. Там родились мы, их дети. Я родился 12 ноября 1942 г. Тема депортации в нашей семье не поднималась, поскольку она была запретная. В приказе Совнаркома излагалась официальная версия добровольного переселения в целях безопасности на границе. Но, по сути, эта мера скрыто относилась корейцев к категории потенциальной «пятой колонны». Давали субсидии на переезд, но позже их нужно было возвращать государству. Отношение к депортации у всех было одно: старшее поколение сорвали с обжитых мест в Приморье. Мы принадлежали к следующему поколению, родившемуся уже в Средней Азии, поэтому все случившееся ранее и все, что окружало нас, воспринимали как должное.

Мама немного рассказывала, как они на первых порах поселились в овчарне. Позже появились фильмы о переселении, где показаны детали этого события. Но я не помню такого, чтобы кто-то подробно обсуждал депортацию или критически высказывался о ней. Моя старшая сестра (1935 г. р.) лично пережила переселе-

ние маленьким ребенком. Поколение, пережившее депортацию взрослыми людьми, сейчас уже ушло, а следующее поколение вспоминает, что в советское время в корейских колхозах под Ташкентом была относительно благополучная жизнь. По истечении времени тема депортации стала восприниматься иначе. Моя теща размышляла, где же было лучше? С одной стороны, ехали в неизвестное, но, с другой стороны, в колхозах в Узбекской ССР со временем стали жить лучше, зажиточнее, чем в Приморье. Молодое поколение об этом вообще мало знает.

Великая Отечественная война прошла мимо нас стороной, серьезно не коснулась. В 1945 г., когда мне было три года, мы жили не богато, но не голодали и от холода не мучились. Отец принадлежал к среднему звену, был зоотехником, потом стал заведующим скотоводческой фермой. Мама оставалась домохозяйкой до смерти отца в 1953 г. В армию корейцев как репрессированный народ не призывали. Некоторые корейцы, как оказалось в 1990-е гг., меняли свои фамилии, выдавали себя кто за якута, кто еще за кого-то, и уходили на фронт. Не так давно вышла книга о корейцах — участниках войны. Во время войны жили под строгим контролем государства, действовал запрет на перемещение. Чтобы куда-то ехать, нужно было получить разрешение милиции. Паспортов у колхозников не было. Людей, достигших 18 лет, призывали в трудовую армию. Мой старший брат работал в Коми ССР. В 1990-е гг. трудармейцев приравнивали к участникам Великой Отечественной войны, даже вручали им ордена Отечественной войны II степени.

В 1950–1951 гг., еще до смерти И. Сталина, корейцев начали призывать в армию. Наверное, не хватало мужского населения для призыва. День 5 марта 1953 г. я хорошо помню, поскольку мне уже было 11 лет. Когда объявили, что умер Сталин и вводится траур, все плакали. Мы побежали к школе. Это событие совпало со смертью моего отца, он до этого серьезно болел и лежал в больнице. Поэтому семье было трудно вдвойне. Мама не знала, как оценивать

советский строй, роль Сталина, запреты в отношении корейцев и роль XX съезда, ни в это время, ни позже.

Некоторые корейцы как-то обходили запреты и поступали в вузы начиная с 1948 г. Мой дядя, например, окончил вуз в 1953 г. Это были единичные случаи, конечно. Однако для этого нужны были и желание, и какие-то возможности, в том числе материальные. Но, безусловно, существовали запреты для корейцев поступать в вузы на конкретные специальности. Так, В. В. Ким (1932 г. р.) в 1949 г., закончив школу, поехал в Москву поступать в авиационный институт на факультет самолетостроения, пытался подать документы, но ему отказали под каким-то предлогом. Это, безусловно, последствия депортации корейцев, одно из которых — не допускать корейцев к тем сферам образования, науки, техники и производства, которые представляют собой государственную тайну или так или иначе связаны с ней. Тогда он поехал в Ленинград и поступил в государственный университет на философский факультет. На гуманитарные специальности корейцев принимали.

Также существовал запрет выдвигать корейцев на руководящие должности. Даже те, кто состояли в коммунистической партии, подверглись политическим репрессиям. Однако имелись и исключения: мамина старшая сестра тетя Роза занимала какую-то должность в системе ВКП(б) — КПСС, ее из партии в 1937 г. не исключили. Были и другие отдельные знакомые, сохранившие свои посты в партии.

— *Как корейцы восприняли разоблачения культа Сталина на XX съезде КПСС в 1956 г.?*

— Мне в то время было 14 лет. О докладе Хрущева было всенародно известно, шум был большой. К осуждению культа личности Сталина люди относились по-разному: одни понимали критику, другие сохраняли веру в политику и личность Сталина. Молодежь сейчас в основном и не знает о том, кто подписал постановление о депортации корейцев. Но думаю, что и в России раскулаченные и репрессированные люди или те, кто знали об этом, молчали, по-

этому и в настоящее время о репрессиях большинство населения имеет слабые представления.

— *Как проходили Ваши школьные годы?*

— В Узбекистане все дети школьного возраста работали как проклятые: весной — на прополке и борьбе с сорняками, на прореживании посевов, летом и осенью — на чеканке и других работах. Я со второго класса собирал хлопок. 15 сентября школа закрывалась, а 15 декабря снова открывалась — в это время дети собирали хлопок. Хлопок составляет национальную гордость, достояние Узбекистана. А дети по полгода не учились. Но недовольства этим не было, поскольку воспринимали это все как положенное. Из Москвы шли приказы: «Давай план!» — и правительство Узбекской ССР выпустило постановление о привлечении детей к сезонным работам.

В корейских колхозах, как правило, обучение в школах осуществлялось только до седьмого класса. С восьмого многие дети ходили в другие поселки, где работала средняя школа, десятилетка. Наш колхоз примыкал к такому поселку, и нас автоматически переводили в среднюю школу. Но затем и у нас в колхозе открыли новую среднюю школу, и нас определили туда. Причем дети колхозников были обязаны ходить только в эту школу. Председатель колхоза, самодур, заявил: «Если дети не пойдут в эту школу, родителей уволят!» Пришлось переходить и учиться в новой школе в своем колхозе. Она была открыта в 1958 г., но просуществовала всего пять лет, потом ее закрыли.

— *Случались ли какие-либо конфликты в отношениях корейцев с местным населением в Узбекистане?*

— Мы жили и работали в отдельных корейских колхозах. Узбеки и казахи в этих районах встречались, но составляли меньшинство, преобладали корейцы. Никаких конфликтов с узбеками или казахами у нас не было. Мы, дети, даже учились языкам друг у друга. У взрослых тоже не было никаких противоречий с представителями

других национальностей. В этом смысле можно сказать, что у нас был коммунизм, правда, в рамках одного колхоза.

— *Как Вы выбрали свою будущую профессию?*

— По окончании школы в 1959 г. нужно было решить, куда ехать и в какой вуз поступать. Сначала я мечтал поехать в Москву поступать в МФТИ. Тогда физика находилась на волне популярности. Но не смог поехать, поскольку нам задержали выдачу аттестатов из-за привлечения детей к срочным сезонным сельскохозяйственным работам. Аттестаты выдали лишь 10 июля. Почему не поехал в Москву? Потому что не смог купить билет на поезд. Тогда же трудно было с билетами в летний период! Стал дальше размышлять, что делать. Два человека постарше меня уже учились в Свердловске. Один из них приехал на каникулы и стал агитировать меня поступать в горный институт. В Узбекской ССР, как и в других союзных республиках, при поступлении в вузы приоритет давался представителям титульного этноса. 80 % мест выделялось для узбекской молодежи, а 20 % — остальным. Шансов было мало. Поэтому старшие советовали детям ехать учиться в Россию. Вот корейская молодежь и разъехалась. В российские вузы поступили три человека из 12 учеников нашего класса, те, кто хорошо учились. Остальные либо остались в Узбекистане, либо пошли в российские техникумы, двое выпускников по возрасту были призваны в армию. Причем одного одноклассника отправили служить на Сахалин, а другого — на Кубу.

Перед отъездом в Свердловск мама заколола свинью, продала мясо, дала мне 1 450 руб. старыми деньгами с собой и сказала: «Купи часы». Тогда ни у кого часов не было.

— *Поступление в вуз для всех является ярким воспоминанием. Расскажите об этом, пожалуйста.*

— Молодой человек из колхоза, я и не понимал, куда идти. Тогда считалось, что профессия инженера — высокое звание,

технические специальности были популярны! Ехал в горный институт на специальность «Разработка месторождений полезных ископаемых». Фактически это профессия шахтера. Но случайно уже в Свердловске я встретил знакомого парня из соседнего колхоза, он сагитировал меня пойти в УПИ — Уральский политехнический институт. Еще в поезде, шедшем на Урал, со мной ехали два парня из Казахстана, один хотел поступать в УПИ, другой — в техникум. Первый парень сказал: «Давай сначала подадим документы в УПИ». Я согласился, и мы поехали. Это было 14 июля. Вышли из транспорта на проспекте Ленина, видим огромное здание института. Оно произвело на меня сильное впечатление. Я — простой колхозник, а здание на горе солидное, фундаментальное, красивое! Пошли сдавать документы, а на входе и внутри здания — огромный поток абитуриентов. Муравейник! Мы растерялись...

В этот же день мы поехали в горный институт. Идем втроем по улицам Куйбышева и 8 Марта, а навстречу нам со стороны дендропарка идут двое корейцев. Они нас увидели, перешли на нашу сторону, и мы разговорились. Они спрашивают: «Вы где остановились?» А мы сразу с вокзала ходили по вузам. Я таскал с собой два чемодана: один, маленький, с одеждой, второй, большой, с учебниками. Они предложили нам переночевать у них. Пришли мы в горный институт, а там совсем другая картина, народу почти не было, чтобы сдавать документы. Видно, вуз не сильно котиrowался тогда. В приемной комиссии нам сказали, что сегодня документы сдавать уже поздно, но можно успеть пройти медосмотр. Его нужно было проходить два дня, поскольку это был полный осмотр по форме 286.

И тут вмешалась случайность, судьба! Пришли в общежитие на Большакова, оказалось, что медосмотр в этот день уже тоже невозможно пройти — время приема окончено. Нам сказали, чтобы мы приходили завтра. Тогда мы с ребятами, которых встретили у дендропарка, поехали на Вторчермет ночевать. Эти ребята учились

в техникуме и жили в общежитии. Вечером к ним заглянул Виталий Цой, это был парень из соседнего колхоза. Он не поступил в прошлом году и остался работать в Свердловске. Виталий нас убедил, что нужно идти только в УПИ. На следующий день 15 июля мы подали туда документы и узнали, что вступительные экзамены начинаются 1 августа. Предстояло сдать русский язык, иностранный язык, математику устно, математику письменно и физику устно. Оставалось 15 дней на подготовку. Нам дали места в общежитии механического факультета. Мы начали готовиться к экзаменам. Смотрю — все решают задачи по сборнику Антонова — Выготского, в котором содержались подробные описания решений. И я стал готовиться.

Начались экзамены. На мое счастье, русский язык я знал неплохо, сочинение написал на «хорошо». А в отношении иностранного языка такое правило было, в соответствии с которым лица, владеющие одним из восточных языков, освобождались от его сдачи. Я этот экзамен сначала не хотел сдавать, так как у меня в аттестате была запись об изучении корейского языка. Дело в том, что в нашей школе учительница по немецкому языку Валентина Васильевна Пак занималась с нами пару месяцев, но быстро ушла в декрет, и на этом закончилось изучение этого языка. Но в аттестате вывели среднюю оценку. Я решился и все же сдал немецкий язык на «отлично», хотя целых два года не изучал его. У меня была хорошая память, к тому же экзамен был несложным. Остальные экзамены по математике я успешно сдал и поступил на металлургический факультет УПИ на специальность «Металлургия благородных металлов». Хотел золото добывать, так как за Ташкентом есть месторождение полезных ископаемых. У всех первоначально была мысль после окончания вуза вернуться в родные места.

— *Почему после окончания института Вы решили остаться в Свердловской области?*

— Еще до окончания вуза по распоряжению Н. С. Хрущева нас направили на производство. Мы работали на заводе на ра-

бочих специальностях по сменам, а учились по вечерам четыре раза в неделю с 19.00 до 23.00. Так мы приобретали практический опыт. Декан уговорил меня остаться на Урале. После окончания института меня распределили на Ключевской завод ферросплавов, который находится в поселке Двуреченск Сысертского района Свердловской области. Там я отработал три года сначала помощником мастера, потом мастером и закончил начальником смены. Через три года пришел учиться в аспирантуру в Институт электрохимии в Уральский научный центр (УНЦ), сейчас это Уральское отделение Российской академии наук (РАН). Председателем президиума Уральского отделения РАН был академик С. В. Вонсовский, Герой социалистического труда. Директором Института электрохимии тогда был С. В. Карпачев, дважды лауреат Сталинской премии. После трех лет обучения в аспирантуре в мае 1971 г. я защитил кандидатскую диссертацию, потом год проработал.

— *Как относились к корейцам в России в советское время?*

— Встречали нас по знаниям. Еще родители советовали нам идти учиться в Россию, так как считали, что здесь так оценивают людей. Одеты были все одинаково бедно. Равноправие было. Я считал, что жил при коммунизме, никакой дискриминации я не встречал. Возможно, кто-то с ней сталкивался, но осознания того, что чьи-то права нарушаются, у нас не было. Я всегда хорошо учился и работал.

— *Как складывались Ваша дальнейшая жизнь и профессиональная карьера?*

— В 1963 г. я женился, в первое время жили раздельно, пока жена доучивалась в институте, потом объединились, появились дети. Затем мы переехали в Новокузнецк Кемеровской области, бывший Сталинск. Меня как кандидата наук пригласили работать в Сибирский металлургический институт Министерства высшего

и среднего специального образования СССР на должность доцента. Проректор института был душевным человеком, он помог мне оформить звание доцента и взял на должность доцента для того, чтобы обеспечить нормальную зарплату, поскольку у старших преподавателей зарплата была гораздо меньше. Через год меня в ВАК утвердили в звании доцента. Новокузнецк — это же город, к десятилетию которого В. Маяковский написал стихи: «Я знаю, город будет, я знаю, саду цвеств!»

Позже, в 1978 г., я стал заведующим кафедрой общей и аналитической химии. Процедура выборов на должность была демократичной, у меня уже был авторитет среди коллег, меня там сразу хорошо приняли. На кафедре у нас было 22 человека, в основном женский коллектив. В 1999 г. я защитил докторскую диссертацию по электрохимии. Это было исследование прикладного характера. Нужно было доказать, что научные результаты имеют не только теоретический характер, но и практическую значимость. Сначала, подготавливая работу, я собирал справочный материал, потом его обобщал. По ходу работы получил авторское свидетельство на изобретение «расплав для силицирования металлов», поскольку результаты диссертации нашли реальное практическое применение. Справки о внедрении результатов исследования на практике это подтверждали.

— *Как Вы воспринимали специальность и науку, которой посвятили жизнь? Чем была для Вас химия?*

— Химия для меня — не романтическое увлечение, а специальность, которая позволяет иметь хлеб насущный. Наука широкая, интересная, много разветвлений. Просто химиков не бывает. Сказать «химик» — все равно, что сказать «ученый». Направление в науке, которым я занимался, это электрохимия расплавленных сред, в том числе коррозия металлов. Это тема моей докторской диссертации. Мы осуществляли систематические исследования, которые позволили сделать выводы практического характера.

Для меня важна была не наука ради науки, а изучение определенного процесса для того, чтобы затем этот результат можно было использовать на практике, найти ему конкретное применение.

— *Когда Вы переехали в Екатеринбург?*

— В Новокузнецке я прожил 20 лет. Переезд в Екатеринбург состоялся по настоянию сына Станислава (1966 г. р.), который в 1988 г. закончил УПИ, год там проработал на бывшей моей кафедре. Но он оставил аспирантуру и ушел в бизнес. Сначала он занимался туристическим бизнесом, открыл фирму «Малахит». Это был период перестройки и распада СССР. Станислав какое-то время пробовал заниматься политикой вместе с друзьями по УПИ. Второй раз я женился в 1989 г., сын Виталий родился в 1990 г. Переехали в Екатеринбург мы в 2001 г. Работать я устроился на кафедру химии фармацевтического факультета медицинской академии, сначала на должность профессора. В 2006 г. я участвовал в создании новой кафедры, позже стал ее заведующим. Так что я много лет заведовал кафедрами — и в Новокузнецке, и здесь. Последние два года я просто профессор. В медицинском университете была образована новая кафедра фармации и химии путем объединения двух прежде разных кафедр. Состав кафедры обновился, стал более молодым.

— *Как Вы оцениваете последствия распада СССР?*

— Это плохое событие, массовое отношение к нему негативное, и мое тоже. Конечно, в поздние советские времена мы не вполне знали, что происходит в экономике или политике. Как бюджетники мы работали, нам выдавали зарплату. Накануне распада СССР мы отчасти видели, что в промышленности нет роста, что в экономике происходит большой крен в сторону военно-промышленного комплекса и не все в порядке. Взять Новокузнецкий металлургический комбинат (НМК): там стояло французское оборудование XVIII века. Гнали вал продукции, о ее качестве

не задумывались. Не зря потом ввели знак качества. Властные органы должны были заниматься обновлением оборудования, повышением качества продукции. Но рядовые работники не могли на это влиять.

— *А как распад СССР повлиял на межэтнические отношения?*

— Я могу что-то говорить, судя по ситуации в Узбекистане. Много изменилось после крушения СССР. У местного населения стали преобладать националистические настроения. По отношению к корейцам негативное отношение явно не проявлялось. Но о турках-месхетинцах можно точно сказать, что узбеки выживали их из своей страны. Серьезные гонения были и в отношении крымских татар. Их вынуждали за бесценок продавать дома. Не знаю, как было в других республиках. В Узбекистане в советское время жило много переселенцев после войны — чеченцы, ингуши. Я постоянно бываю в Узбекистане под Ташкентом и в самом Ташкенте, там живут мои родственники. Старшая сестра живет в поселке, где когда-то существовал наш родной колхоз. Там остались в основном пенсионеры. Но особых трудностей, связанных с тем, что они не принадлежат к титульной нации Узбекистана, они не испытывают. Люди другого поколения в возрасте 40–50 лет уже не удовлетворены порядками, установившимися там, они начали переезжать в Россию в 2000-е гг. В основе этого процесса лежат экономические причины — не выплачивали зарплату на ряде предприятий. Многие, в том числе и мои родные, окончили институты, работали, но потеряли работу из-за закрытия заводов.

Кадры в органы государственной власти набирают исключительно из узбеков. Во время СССР национальная политика была сходной. Много ли корейцев занимали посты министров? В правительстве федерального уровня не было. На уровне республик в Казахской и Узбекской ССР корейцы иногда занимали должности министров или их заместителей. Но это все единичные случаи. Наталья Георгиевна Ким в настоящее время является послом

Узбекистана в Республике Корея. Но представителей титульных национальностей в органах власти существенно больше. Конечно, мы и не можем претендовать на большое количество мест в органах власти, поскольку количество корейцев невелико.

— *Вы много лет активно занимаетесь общественной деятельностью, являясь заместителем председателя правления общественной организации «Национально-культурная автономия корейцев Екатеринбурга» (НКА). При этом Вы выступаете в роли не только организатора национальных праздников, воскресной школы для детей, но и поете, играете на барабанах, а иногда даже исполняете роль корейского Деда Мороза! Структура вашей общественной организации отражает структуру корейской диаспоры в нашем городе?*

— Состав правления НКА — юридическая сторона вопроса. Что касается структуры самой общественной организации НКА, то ее создают учредители. На демократической основе формируются руководящие органы, есть актив — люди, которые участвуют во всех мероприятиях и сферах деятельности организации, и есть пассивные члены организации, которые участвуют в некоторых мероприятиях время от времени. Членами НКА являются 300–400 человек (рис. 3). Но формального членства у нас нет. Это добровольное сообщество по интересам. Конечно, в Свердловской области и Екатеринбурге есть корейцы, которые вообще не ходят ни на какие мероприятия НКА. По последней переписи населения, корейцев в Свердловской области насчитывается около двух тысяч человек. В корейской диаспоре в Екатеринбурге есть индивидуальные предприниматели. Корейцы, работающие на Шарташском рынке, не объединяются в какую-то организацию. Есть и другие неорганизованные группы корейцев. НКА корейцев Свердловской области — это юридическое лицо, у нас есть устав, печать. Мы успешно взаимодействуем с органами власти региона и города. Я вхожу в Консультативный совет по делам национальностей Свердловской области.

3. Собрание членов национально-культурной автономии корейцев Екатеринбург.

Фото В. Д. Тхая. 2018

* * *

Валерий Дмитриевич Тхай принадлежит к поколению детей депортированных корейцев, которые переехали в Россию в 1950–1960-е гг. в целях получения высшего образования. Его семья пережила несколько крупных переселений: первое — из Кореи и корейской провинции в Китае в Приморье еще во времена Российской империи, затем сталинскую депортацию из Приморья в Узбекскую ССР в 1937 г., потом он сам переехал в Свердловск (Екатеринбург), чтобы получить высшее образование в УПИ. На протяжении 20 лет В. Д. Тхай работал в Новокузнецке, потом вернулся в Екатеринбург. Его родственники, а также дети и внуки живут и в Узбекистане, и в ряде городов России, в том числе в Москве. Валерий Дмитриевич поддерживает теплые отношения со всеми родными, по возможности путешествует. Он переживал в жизни и утраты, и достижения, и успехи, обладает серьезным профессиональным и жизненным опытом. Важнейшим делом его жизни является сохранение национальных культурных обычаев и традиций корейцев, их этнической идентичности. Он охотно транслирует молодежи коллективный опыт советских и российских корейцев и собственный. В этом деле он всегда легок на подъем — делится воспоминаниями и опытом на национальных праздниках, отмечаемых НКА, делает доклады на российских и международных научных конференциях, поет корейские песни о нелегкой судьбе своего народа, сохраняя чувство юмора и оптимизм при обращении к будущему.

Часть 3

РУССКИЕ В КОРЕЕ

3.1. Особенности социальной адаптации младшего поколения российских эмигрантов в Корее в 1920–1930-е гг.

Проблема приспособления и интеграции мигрантов в новую социально-культурную среду является одной из важнейших при изучении истории миграционных движений в общем и истории беспрецедентной по своим масштабам и направлениям российской эмиграции XX в. в частности. Важность этой проблемы подчеркивает большое количество научных публикаций, посвященных социальной адаптации российских эмигрантов, прежде всего так называемой первой послереволюционной волны [Бочарова; Волошина; Галас; Наземцева; Смирнов; Ставров; Сумская; У Яньцю, Цю Сюэпин; Хисамутдинов; Щупленков; и др.]. Вместе с тем основное внимание исследователи уделяют крупным эмигрантским колониям, оставившим большое документальное наследие. Российская эмигрантская колония в Корее к таковым не относилась, едва насчитывая в 1920–1930-е гг. 300 чел., большей частью проживавших в Сеуле. На сегодняшний день нет ни одного крупного исследования, посвященного истории российской

3.1. Адаптация младшего поколения российских эмигрантов в Корею в 1920–1930-е гг.

эмиграции в Корею, а тема социальной адаптации эмигрантов в этой стране практически не получила никакого освещения [Волков; Капран; Симбирцева, 2000; Шкаровский; Clark]. Не претендуя на широкие обобщения, мы лишь обозначим контуры изучаемой проблемы.

Под социальной адаптацией мы вслед за авторами коллективного труда «Судьбы людей: Россия XX век. Биографии семей как объект социологического исследования» понимаем процесс внутренней и внешней трансформации индивида (социальной группы), оказавшегося в новом социально-культурном окружении, в направлении растущего соответствия и совместимости с новым обществом. Адаптация являет собой динамичный, длящийся во времени процесс, своего рода континуум, на одном конце которого — дезадаптация или отторжение новых социальных условий, на другом — ассимиляция, предполагающая полный отказ индивида от старой культуры и включение его в новую социальную систему. Адаптацию не стоит путать с используемой в отдельных исследованиях моделью интеграции, предполагающей взаимное приспособление индивида и нового общества, то есть с процессом двусторонним. Адаптация выступает односторонним действием, где изменения ожидаются только со стороны индивида [Судьбы людей; Нитобург].

Процесс социальной адаптации первого (старшего) и второго (младшего) поколений российских эмигрантов первой волны имел существенные отличия. Дело в том, что дети, в отличие от взрослых эмигрантов, не испытали столь резкого разрыва с прежней социально-культурной реальностью, поскольку еще не были столь прочно и многоканально интегрированы в нее. К тому же процесс социальной адаптации детей к новой среде был тесно связан с процессом их социализации, становления личности, и главные институты социализации (семья и система образования) во многом определяли то, какие образцы поведения, ценностные установки, способы адаптации приобретали дети-эмигранты.

В качестве объекта анализа мы обратились к наиболее известной и часто упоминаемой исследователями российской эмигрантской семье в Корее — семье Янковских [Петров; Симбирцева, 2007; Clark; Price; Simbirtseva]. Выбор был обусловлен двумя основными причинами. Во-первых, это наличие достаточно обширных документальных свидетельств о жизни Янковских в эмиграции, принадлежащих как самим членам семьи, так и людям, их хорошо знавшим [Гинце; Ильина-Лаиль; Шорохи прошлого; Янковский]. Во-вторых, уникальность случая успешного приспособления эмигрантов к новой социально-культурной среде, определяемого нами в качестве клановой модели социальной адаптации.

Еще в дореволюционный период слава о семье Янковских, основателем которой являлся сосланный в Сибирь за участие в восстании 1863–1864 гг. польский шляхтич Михаил (Михай) Иванович Янковский, гремела по всему Дальнему Востоку. Семья, обосновавшаяся в конце 1870-х гг. в бухте Сидеми на полуострове в Амурском заливе (сейчас полуостров Янковского), успешно и на широкую ногу развивала в Приморье коневодство и оленеводство, занималась выращиванием женьшеня, лесоводством и промысловой охотой, а также книготорговлей, немалый вклад внесла в научные изыскания в области дальневосточной географии, энтомологии, орнитологии и археологии. И только Гражданская война прервала плодотворную деятельность Янковских в России. В сентябре 1922 г. почти вся большая семья, возглавлявшаяся в это время вторым сыном Михаила Ивановича Юрием Михайловичем, вместе с частью их служащих, всего около 70 чел., переехала на собственных судах в Корею, в портовый город Сейсин (современный Чхонджин).

Янковские смогли вывезти в Корею лишь небольшую часть хозяйства семьи, главным образом породистых лошадей. Однако развернуть коневодство в Сейсине не удалось. Служащих пришлось отпустить, часть членов семьи начали самостоятельную жизнь. После краха коневодческого хозяйства Янковские содер-

3.1. Адаптация младшего поколения российских эмигрантов в Корею в 1920–1930-е гг.

жали пекарню и лавку скобяных товаров от немецкой фирмы из Тяньцзина, работали на стройке, выступали в качестве жокеев на скачках, занимались рыболовством и засолкой рыбы [Янковский, с. 201, 202, 312, 313], но из-за давления местных рыбаков были вынуждены оставить это занятие [Clark, с. 48]. Важным подспорьем в обеспечении семьи были промысловая охота и организация сафари для состоятельных иностранцев [Янковский, с. 202].

В 1925 г. Ю. М. Янковский арендовал, а позднее выкупил в собственность большой участок земли в 40 верстах к югу от Сейсина, недалеко от японского курорта Омпо. В последующие годы здесь было построено поместье семьи, получившее название Новина (от польского наименования короткого меча, который был изображен на шляхетском фамильном гербе). В начале 1930-х гг. Янковские приобрели еще один большой участок земли на побережье Японского моря в 18 км от Новины в районе железнодорожной станции Рюкен, ставший основой дачного поселка Лукоморье. В Новине и Лукоморье Янковские продали небольшими участками часть своей земли в основном русским эмигрантам под строительство дач и сами организовали курортный комплекс. Но главный доход семье приносили созданное в начале 1930-х гг. оленеводческое хозяйство и промысловая охота [Там же, с. 322, 323]. Материальное положение семьи настолько укрепилось, что даже значительные потери, вызванные мощным наводнением 1938 г., уничтожившим часть построек Новины, не смогли его подорвать. Уже через год Новина была отстроена и заметно улучшена [Там же, с. 369, 370].

За исключением старшей дочери Юрия Михайловича Ливии (Музы), которая уехала в Шанхай, все остальные дети (Виктория, Валерий, Арсений и Юрий), а также часть других родственников жили в Новине и активно участвовали в создании материального благополучия семьи. Только после второго брака в 1941 г. Юрия Михайловича (его жена Маргарита Михайловна скончалась

в 1936 г.) семья стала распадаться. Старший сын Валерий переехал в соседнюю Маньчжурию, где организовал собственное хозяйство — Тигровый хутор. В дальнейшем к нему присоединился младший брат Юрий, позднее — сестра Виктория. Конец семье Янковских положил 1945 год. Несмотря на то, что все три сына Юрия Михайловича служили в период Советско-японской войны и после ее окончания переводчиками в частях Красной армии, двое из них были арестованы (Арсений с женой сумел бежать в Южную Корею). В Новине были арестованы сам глава семьи и его племянница Татьяна, а имущество Янковских было разграблено.

Не считая приемной дочери, кореянки Златы, вышедшей замуж еще в Приморье и скончавшейся вскоре после эмиграции, у Юрия Михайловича и Маргариты Михайловны Янковских было две дочери и три сына. На момент эмиграции самой старшей из детей Янковских Ливии (Музе) было 15 лет, Виктории — 13, Валерию — 11, Арсению — восемь, самому младшему, Юрию, два года. Только Ливия, стремясь стать самостоятельной, в 18 лет оставила семью и уехала в Шанхай, где устроилась на работу, а позднее вышла замуж. Однако и она никогда не разрывала семейных связей, регулярно навещая Новину и проводя там с сыном часть лета. И главное, по своему духу Ливия оставалась частью семьи Янковских, в отличие от ее мужа, так и не сумевшего с этой семьей сродниться [Шорохи прошлого, с. 307].

Важнейшим институтом социализации детей Ю. М. Янковского, во многом определившим характер и стратегии их социальной адаптации, была семья. Другие важные институты, такие как школа или детско-молодежные организации и объединения, либо отсутствовали вообще, либо имели фрагментарный характер.

Семейство Янковских в целом соответствовало дореволюционному укладу российской семьи, относимой обычно к патриархальному типу, основной формой которой являлась расширенная семья из трех поколений. Система воспитания в раннем детстве

3.1. Адаптация младшего поколения российских эмигрантов в Корею в 1920–1930-е гг.

(до десяти лет) носила внутрисемейный характер. Семейная поддержка, семейственность, была одним из факторов становления жизненной карьеры отпрысков на протяжении их взрослой жизни [Судьбы людей, с. 327, 328]. В то же время семья Янковских являлась более крупным образованием, напоминавшим клан, который сложился еще в России, в Сидеми, а потом достаточно успешно функционировал в Корее. В первые годы эмиграции в состав клана Янковских, помимо семьи самого Юрия Михайловича, входили его сводный брат Александр, младший брат Павел с семьей, семья умершего брата Яна Михайловича, мать Юрия Михайловича (умерла в 1933 г.), племянник Василий Пауэрс, ряд родственников из семейства Шевелевых (к этой семье принадлежали жены Юрия и Яна), а также некоторые служащие из бывшего интернационального контингента в Сидеми. Так, в семье до самой своей смерти (в 1936 г.) жила няня японка Осада, работали православные корейцы Иван Чхон, Тимофей Магай и члены его семьи, забайкальский казак Хамин, Н. И. Соколов и др. В дальнейшем часть родственников отделилась и стала жить самостоятельно, перебравшись в Китай, но сохранила связи с семейством Юрия Михайловича.

Анализируя процесс социализации младших Янковских, нужно отметить, что он характеризовался системой семейного воспитания и образования и имел преимущественную ориентацию на семейные ценности, которые в условиях эмиграции стали в том числе выражением ценностей национальных.

Все дети Юрия Михайловича получили семейное воспитание и большей частью обучались дома. Обучение за пределами семьи было краткосрочным. Так, Виктория еще до эмиграции некоторое время жила и училась в католическом монастыре в Кобе (Япония), а позднее в первый год жизни в Корее вместе с братьями Валерием и Арсением — в японской школе [Янковский, с. 313]. В дальнейшем Арсений некоторое время учился в Шанхае во французской школе [Шорохи прошлого, с. 148]. Основная же часть обучения прохо-

дила в семье, ответственной за это была жена Юрия Михайловича Маргарита Михайловна, которая, привлекая профессиональных русских преподавателей, дала детям образование в объеме классической гимназии (только Юрию не удалось завершить обучение из-за болезни и смерти матери). По словам О. Ильиной-Лаиль, «дети [Янковских] обожали свою мать, она была душой семьи» [Ильина-Лаиль, с. 69].

Для развития младших детей клана Маргарита Михайловна и жена Павла Михайловича Татьяна издавали в середине 1920-х гг. домашние художественно-литературные журналы «Звонница» и «Терем-теремок». Задачей этих журналов являлось не только развитие интеллектуальных способностей детей, но и культивирование у них национальной принадлежности и внутрисемейного единства:

Великая Россия стала страной страха и ужаса! <...> А в это время в Сейсине русская сплоченная семья дружными усилиями свободной и разумно призывает к жизни молодые литературные побеги... Много труда и стойкой энергии нужно для этой работы — под силу она не каждому, и не всем она понятна во всей широте ее огромного значения, тем более что результаты этой святой работы в полной мере будут осознаны нами много лет спустя [Шорохи прошлого, с. 415, 416].

Несмотря на значительную степень интеграции Янковских в местную инокультурную среду, их семейные ценности сохранили в основном национальный характер, выражавшийся в образе жизни, обычаях [Янковский, с. 448], в том числе в приверженности православию. При этом нужно отметить, что практически все члены семьи, особенно Виктория Янковская, не были его ортодоксальными последователями. Янковские выступили организаторами своеобразного церковного прихода в Новине, где своими руками построили церковь-часовню, штатным священни-

3.1. Адаптация младшего поколения российских эмигрантов в Корею в 1920–1930-е гг.

ком которой стал постоянно проживавший в поселке отец Иоанн Тростянский [Гинце, с. 425]. «Домашняя» церковь обеспечивала духовные потребности клана Янковских и их многочисленных курортников. Другим важным элементом национальной культурной жизни Новины выступал созданный усилиями Маргариты Михайловны домашний театр (для него было построено специальное помещение), в постановках которого участвовали большинство Янковских, некоторые их родственники и друзья, а также приезжавшие из Харбина на отдых в Новину и Лукоморье профессиональные артисты [Янковский, с. 345].

Одним из важнейших условий успешности социальной адаптации Янковских было устойчивое экономическое положение семьи, основу которого создавало семейное предприятие, семейный бизнес. Обучение детей в семье Янковских всемерно совмещалось с посильной работой. Все дети оказались рано вовлечены в укрепление материального положения семьи, приобретая навыки в семейной профессиональной сфере. Младшие Янковские (не только сыновья, но и дочери) были наездниками и прекрасными охотниками, слава о которых гремела по всему Дальнему Востоку [Убежище русских «белых»; Bergman; Ossendovski; Price], оленеводами, и вообще не гнушались никакой работы в большом семейном хозяйстве. При этом существовало определенное разделение мужских и женских сфер хозяйства. Мужчины были непосредственно заняты промысловой охотой, оленеводством, снабжением всем необходимым курортных поселков, а женщины обеспечивали хозяйственную и культурную жизнь курортов — Маргарита Михайловна возглавляла хозяйство Новины, Виктория — Лукоморья.

Таким образом, старшие члены семьи Янковских в отсутствие в регионе, где они проживали, эмигрантской диаспоры с ее институтами, ответственными за сохранение и поддержание национальной идентичности, сами создавали элементы национального социально-культурного контекста, способствовавшие

облегчению трансляции молодому поколению как семейных, так и национальных ценностей. В то же время потребности организации успешного семейного бизнеса требовали известного уровня включения в местную этнокультурную среду, что давалось младшему поколению Янковских значительно проще, чем старшему.

По воспоминаниям М. М. Гинце (воспитывавшегося в Харбине с его крупной и достаточно замкнутой русской колонией), одной из поразивших его черт Янковских было их «отношение к корейцам как к совершенно своим»:

Трудно это объяснить, но молодые Янковские были одновременно корейцами и русскими и не имели ни малейшего понятия [ни] о расовой исключительности, ни, тем более, [о] превосходстве [Гинце, с. 443].

Причину этого стоит искать в том числе в принадлежности Янковских к культуре фронта.

Подобного рода культура формируется в зоне пограничья (порубежья), особой культурной контактной зоне с ее особыми социальными условиями, смешением нравов и обычаев и менее жесткой ориентацией на нормативную национально-культурную модель [Басалаева; Замятина]. Такой зоной на рубеже XIX–XX вв. являлся российский Дальний Восток. Еще живя в Сидеми, Янковские контактировали с корейцами, японцами и китайцами. Но если отношение к китайцам в силу постоянного противостояния китайскому бандитизму (хунхузничеству) было достаточно неприязненным, то к японцам и особенно корейцам семья относилась очень доброжелательно. Как уже отмечалось, долгие годы вплоть до своей смерти в семье Янковских жила няня, японка Осада. В качестве приемной дочери Юрий Михайлович и Маргарита Михайловна воспитали кореянку Злату, судьба которой после выхода замуж в 1922 г. за сербского офицера З. М. Цара оказалась трагичной [Шорохи прошлого, с. 227; Янковский, с. 227].

3.1. Адаптация младшего поколения российских эмигрантов в Корею в 1920–1930-е гг.

Несколько семей православных корейцев состояли служащими в хозяйстве Сидеми, а позднее в Новине (прежде всего семейство Магай).

Все Янковские владели местными языками, но если не все представители старшего поколения знали азиатские языки хорошо, то молодежь владела корейским и японским в совершенстве. Косвенным подтверждением тому является отношение советского командования к братьям Янковским в период их службы в качестве переводчиков в подразделениях РККА (1945) как к очень ценным кадрам. Так же быстро молодое поколение освоило традиции азиатского населения и их этикет, чему В. Ю. Янковский уделяет в своих воспоминаниях немало страниц [Янковский, с. 448–457]. Все это вкупе с хорошими отношениями, которые сложились у Янковских с японскими колониальными властями, также способствовало успешной социальной адаптации семьи.

* * *

В качестве вывода хотелось бы подчеркнуть, что случай семьи Янковских в эмиграции демонстрирует интересный, во многом уникальный вариант социальной адаптации русских эмигрантов на Дальнем Востоке, который может быть обозначен в качестве клановой модели адаптации. Вероятно, в условиях дальневосточного фронта и неразвитости инфраструктуры клановая организация хозяйства еще в российских условиях была наиболее успешной. Высокий уровень консолидации, концентрация основных финансовых средств в руках главы клана, ориентация детей на семейные ценности и семейную профессиональную сферу, наличие существенного капитала связей и невероятная предприимчивость обеспечили высокий уровень выживаемости и приспособляемости в условиях эмиграции. Дети Янковских, восприняв эту модель, в дальнейшем сами успешно использовали ее, что показывает случай Валерия Янковского. И только изменение внешних условий в период войны 1941–1945 гг.,

и особенно приход в Северную Корею и Маньчжурию советских войск, прервали процесс социальной адаптации эмигрантов в его прежней форме.

Библиографические ссылки

Басалаева И. П. Категории фронта: к постановке проблемы // Теория и практика общественного развития. 2012. № 2. С. 46–49.

Бочарова З. С. «...Не принявшие иного подданства»: Проблема социально-правовой адаптации российской эмиграции в 1920–1930-е годы. СПб. : Нестор, 2005. 251 с.

Волков С. В. К вопросу о русской эмиграции в Корее в начале 20-х годов // Российское корееведение : альманах. Вып. 2. М., 2001. С. 149–157.

Волошина В. Ю. Вырванные из родной почвы: социальная адаптация российских ученых-эмигрантов в 1920–1930-е гг. М. : Форум, 2013. 439 с.

Галас М. Л. Россия, которая «самой себе была Лигой Наций»: правовой статус, политическая, социально-экономическая, идеологическая адаптация российских мигрантов, беженцев, реэмигрантов в 1920–1940-х гг. М. : Фин. ун-т при Правительстве РФ, 2011. 586 с.

Гинце М. М. Новина и Лукоморье, поместья семьи Янковских в Корее (воспоминания юного дачника) // Российское корееведение : альманах. Вып. 5. М., 2007. С. 420–448.

Замятина Н. Ю. Зона освоения (фронт) и ее образ в американской и русской культурах // Общественные науки и современность. 1998. № 5. С. 75–89.

Ильина-Лаиль О. Восточная ветвь. СПб. : Звезда, 2003. 288 с.

Капран И. К. Условия жизни российских беженцев из Владивостока в Корее (1922–1923 гг.) // Россия и АТР. 2017. № 1. С. 97–105.

Наземцева Е. Н. На дипломатическом уровне: проблемы правового статуса русских эмигрантов в Китае в советско-китайских отношениях (1920–1940-е гг.). СПб. : Алетей, 2016. 446 с.

Нитобург Э. Л. Русские в Америке — интеграция или ассимиляция? // Этнографическое обозрение. 2001. № 6. С. 82–104.

3.1. Адаптация младшего поколения российских эмигрантов в Корею в 1920–1930-е гг.

Петров В. Шанхай на Вампу. Вашингтон : Рус.-амер. ист. о-во, 1985. 272 с.

Симбирцева Т. М. К 100-летию православия в Корею // Этнографическое обозрение. 2000. № 5. С. 42–56.

Симбирцева Т. М. Семья Янковских в истории Приморья и русско-корейских отношений // Российское корееведение : альманах. Вып. 5. М., 2007. С. 407–412.

Смирнов С. В. Российские эмигранты в Северной Маньчжурии в 1920–1945 гг. (проблема социальной адаптации). Екатеринбург : Изд-во УрГПУ, 2007. 229 с.

Ставров И. В. Некоторые вопросы адаптации россиян в Маньчжурии в первой половине XX века // Ойкумена. 2010. № 4. С. 58–64.

Судьбы людей: Россия. XX век : Биография семей как объект социологического исследования / отв. ред. В. Семенова, Е. Фотеева. М. : Ин-т социологии, 1996. 426 с.

Сумская М. Ю. Русская эмиграция в 20–30-х годах XX века: социальная, правовая и экономическая адаптация. Пятигорск : Рекламно-информ. аг-во на Кавминводах, 2011. 199 с.

У Яньцзю, Цю Сюэпин. К вопросу культурно-лингвистической и профессиональной адаптации историков-эмигрантов «первой волны» // Политическая лингвистика. 2018. № 2 (68). С. 123–129.

Убежище русских «белых» Новина : Газета «Чосон ильбо» о Янковских (1938 год) // Корё Сарам : [сайт]. URL: <https://koryo-saram.ru/ubezhishhe-russkih-belyh-novina-gazeta-choson-ilbo-o-yankovskih-1938-god/> (дата обращения: 11.01.20).

Хисамутдинов А. А. Русские в Америке: проблема адаптации // Ойкумена. 2010. № 4. С. 9–15.

Шкаровский М. В. Русская православная духовная миссия в Корею // Христианское чтение. 2010. № 2 (33). С. 86–119.

Шорохи прошлого : Дневники, письма и раннее литературное творчество семьи Янковских, 1907–1954. Владивосток : Рубеж, 2017. 631 с.

Шупленков Н. О. К вопросу изучения адаптационных возможностей российской эмиграции 1920–1930 годов // История государства и права. Отечественная история. 2014. № 4 (8). С. 1–9.

Янковский В. Ю. От Сидеми до Новины : Дальневосточная сага. Владивосток : Рубеж, 2017. 608 с.

Bergman S. In Korean Wilds and Villages / transl. by F. Whyte. London : J. Gifford, 1938. 232 p.

Clark D. N. Vanished Exiles : The Prewar Russian Community in Korea // Korean Studies: New Pacific Currents. Honolulu : Center for Korean Studies, Univ. of Hawaii, 1994. P. 41–55.

Ossendovski F. Man and Mystery in Asia. N. Y. : E. P. Dutton & Co, Inc., 1930. 295 p.

Price W. Jap Rule in the Hermit Nation // The National Geographic Magazine. 1945. Oct. P. 429–437.

Simbirtseva T. In Memory of Valery Yankovsky // Acta Koreana. 2010. Vol. 13. No. 1. P. 203–207.

3.2. По обе стороны фронта: советские военные и русские эмигранты в годы Корейской войны (1950–1953)

Русская диаспора в Корее

К концу 1940-х гг. в Корее находились всего несколько десятков русских эмигрантов. В большинстве своем это были люди гражданских профессий, за исключением разве что военного советника от армии США в южнокорейских войсках Андрея Степановича Мерзлицкого [Andre Merzlitsky]. Основная часть эмигрантов проживала на территории Русской духовной миссии в Сеуле [Хисамутдинов, с. 36]. После того как северокорейские войска стали приближаться к Сеулу, часть эмигрантов бежала вместе с южнокорейской армией в Пусан. В Сеуле остались несколько эмигрантов во главе с руководителем Русской духовной

3.2. Советские военные и русские эмигранты в годы Корейской войны (1950–1953)

миссии в Корею отцом Алексием Ким Ли Ханом [Шкаровский, с. 111, 112].

Об их дальнейшей судьбе говорят американские документы, согласно которым северокорейские власти арестовали русских эмигрантов и этапировали их в концентрационный лагерь недалеко от Пхеньяна. Во время этапирования охранники расстреливали отстававших, так погибла Наталья Алексеевна Фундриат. Не пережили содержания в лагере Михаил Лукич Леонов и Илья Антонович Кичиков. Уже упомянутый А. С. Мерзлицкий неоднократно допрашивался северокорейскими спецслужбами, и его дальнейшая судьба неизвестна, как и судьба о. Алексия Кима [U.S. National Archive and Records Administration. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1950–1954. Box 4293. 795.00/3–1054]. Фактически русская диаспора в Корею перестала существовать. Побывавший в Корею в 1961 г. Глеб Александрович Пар встретил только двоих сотрудников русской службы Радио Кореи русского происхождения — Рудольфа Парккали и Юрия Волкова, которые работали с так называемыми русскими корейцами [Пар, с. 400–403].

Советские военные советники и специалисты

Одновременно с созданием в Северной Корее Корейской народной армии (КНА) был учрежден институт военных советников. Официальной датой учреждения стало 8 февраля 1948 г. В состав первой группы военных советников вошли генералы и офицеры 25-й советской армии. К концу 1948 г. общая численность военных советников составила 209 чел. [Попов, с. 220]. Возглавляли группу советников генерал-майор Иван Иванович Смирнов и генерал-лейтенант Николай Алексеевич Васильев. Ими руководил посол СССР в Северной Корее генерал-полковник Терентий Фомич Штыков [Окороков, 2008, с. 469, 470]. Кроме военных советников, в КНДР работали военные специалисты, на 19 февраля 1949 г. их насчитывалось 4 293 чел. [Попов, с. 224].

В период 1945–1949 гг. советская сторона неофициально передала Северной Корее более 250 танков Т-34, а после подписания 4 июня 1949 г. между СССР и КНДР соглашения о военной помощи из Советского Союза начались масштабные поставки огнестрельного оружия, самолетов и других видов вооружения. Советские военные советники еще до начала войны подготовили более 6 тыс. корейских военных специалистов [Окороков, 2008, с. 469–470]. Все это отразилось на первых успехах северокорейской армии на начальном этапе войны. Но успех продолжался недолго.

После того как Южная Корея заручилась поддержкой ООН, американские части высадились в Инчхоне и начали масштабное наступление на север. Северокорейским частям пришлось отступать. В ноябре 1950 г. Штыков и Васильев были сняты со своих должностей за просчеты [Попов, с. 222]. Главным военным советником и одновременно послом СССР в КНДР был назначен генерал-лейтенант Владимир Николаевич Разуваев. К тому моменту разбитые части КНА продолжали отступать, а войска ООН перешли 38-ю параллель.

После вступления в войну добровольцев из КНР в китайских частях также начали работать советники и военные специалисты из Советского Союза. Северокорейские власти в своей официальной пропаганде указывали на помощь со стороны Советского Союза, о чем должны были знать все жители Северной Кореи. Так, в официальном радиообращении от 11 октября 1950 г. к народу премьер-министр Ким Ир Сен заявил:

Каждый боец и командир Народной армии, каждый партизан и партизанка, каждый кореец должен знать, что в нашей великой борьбе мы пользуемся поддержкой Советского Союза, Китайской Народной Республики и всех стран народной демократии, имеем поддержку всего прогрессивного человечества [Обращение, с. 108].

Советские военные летчики

После начала военных действий в Корею советское военное командование направило в КНР, в город Шеньян, 151-ю авиадивизию под командованием полковника И. В. Белова. Дивизия состояла из трех полков и имела реактивные самолеты МиГ-15. Личный состав дивизии по прибытии приступил к обучению китайских военных летчиков.

После вступления в войну частей 13-й армейской группировки Народно-освободительной армии Китая под командованием Пэн Дэхуая встал вопрос прикрытия китайских частей с воздуха. В срочном порядке в район Мукдена были переброшены советские авиачасти. 1 ноября 1950 г. советские летчики 151-й авиадивизии впервые вступили в бой с американцами [Сейдов, с. 11–13]. Сформированным в итоге 64-м советским авиакорпусом в разное время командовали генерал-майор И. В. Белов (4.11.1950–17.09.1951), генерал-майор Г. А. Лобов (18.09.1951–26.08.1952), генерал-лейтенант С. В. Слюсарев (28.08.1952–27.07.1953) [Окороков, 2008, с. 523]. Основной задачей корпуса было прикрытие от американских авианалетов стратегических мостов через Ялуцзян, Супхунскую ГЭС, коммуникаций и аэродромов КНДР [Сейдов, Сутягин, с. 108].

За годы войны советские летчики приняли участие в 1 790 воздушных боях, сбили 1 309 самолетов противника, захватили в плен 262 американских летчика [Окороков, 2008, с. 523–533]. Всего же в военных действиях в Корею приняли участие около 50 тыс. советских военнослужащих. Многие были награждены орденами и медалями, 22 военнослужащих были удостоены звания Героя Советского Союза [Сейдов, с. 431]. Потери советской стороны за годы войны составили 129 летчиков и 355 самолетов [Окороков, 2008, с. 534].

Здесь стоит также отметить, что само участие советских летчиков в войне было засекречено. На советские самолеты были нанесены опознавательные знаки ВВС КНДР [Сейдов, Сутягин, с. 111].

Один из лучших советских асов полковник Евгений Георгиевич Пепеляев вспоминал:

Посылали авиаполки на войну, а в документах писали — «в правительственную командировку». В наградных листах писали кратко: «за образцовое выполнение служебного долга». В похоронках писали не «погиб в воздушном бою», а «погиб при выполнении служебного долга». Получалось очень интересно, когда везде все знали, что в воздухе с американцами воюют русские, а официальная информация в России, в Советском Союзе везде об этом отсутствовала [Пепеляев, с. 260].

В годы войны к советским летчикам обращался лидер КНР Мао Цзэдун, который высоко оценил действия советской авиации в небе Кореи и Китая. Так, в телеграмме от 16 сентября 1951 г. главному военному советнику ВВС КНР генерал-полковнику Степану Акимовичу Красовскому вождь китайских коммунистов писал:

Я очень радуюсь блестящим победам, одержанным советской авиацией и зенитной артиллерией, которые в течение восьми дней с 6-го по 13 сентября с. г. в боях сбили 49 вражеских самолетов и подбили 8 самолетов противника. Разрешите мне поздравить Вас и передать поздравления в Вашем лице всему личному составу советской авиации и ЗА, принимающим участие в героических операциях по выполнению задачи прикрытия объектов [цит. по: Сейдов, Сутягин, с. 260].

Русские эмигранты в армии войск ООН

Русская эмиграция с началом войны выступила на стороне Республики Корея. Самая политически активная часть эмиграции решила принять участие в боевых действиях. В основном путь в Корею лежал через службу в армии США. Кто-то из русских

3.2. Советские военные и русские эмигранты в годы Корейской войны (1950–1953)

эмигрантов и так уже служил там, другие вступили в ряды американской армии уже в годы Корейской войны. Например, о наборе в армию США публиковалось объявление в русском эмигрантском журнале «Посев». Набор проходил в Западной Германии (в Гармише, Обервизелнфельде, Бад Гольце, Берхтенсгадене, Дегернсдорфе, Ландсхуте, Мурнау, Штраубинге и Регенсбурге). В армию США требовались молодые лица мужского пола от 18 до 35 лет, здоровые и неженатые, обладающие знанием английского языка [Набор иностранцев, с. 15]. Некоторые эмигрантские публицисты писали, что события в Корее являются исходным фронтом коммунистического наступления на демократический мир [Артемов, с. 1]. Вскоре на страницах газет появилась информация о службе власовцев в армии США в Корее [Голос народа, 1952, с. 2].

Подробной информации об участии русских эмигрантов первой и второй волны в войне в Корее не так много. Известно, что участниками войны были полковник разведки Леонид Барат-Баранов [Окороков, 2011, с. 118], лейтенант морской пехоты Павел Дмитриевич Ильинский-Романов [Стеффан, с. 292], рядовой пулеметчик Григорий Зорин (погиб в 1952 г.) [Александров, с. 44], рядовой Владимир Сергеевич Болдырев, который был призван в армию США и погиб в бою 18 октября 1952 г. [Казачий словарь-справочник, с. 83], военные медики Евгений Николаевич Аксенов (1924–2014) [Куланов, с. 111] и Юрий Илиодорович Шидловский (1927–2010) [Зубова].

Участие русских эмигрантов в боевых действиях на стороне Южной Кореи носило скорее символический характер, и целью было показать, что «верные сыны национальной России» продолжают бороться с коммунистами за демократические ценности. Больше всего участие русской эмиграции в деле поддержки Южной Кореи проявилось в информационном плане, оно выражалось в проведении митингов и других политических акций.

Российская эмиграция, поддерживавшая Южную Корею

Вскоре после начала войны публицист солидаристского еженедельника «Посев» (Франкфурт-на-Майне) В. Самарин решительно поддержал Южную Корею, обвинив северных корейцев и советских коммунистов в развязывании войны. Он писал:

Следя примеру Гитлера и повторяя свой прежний опыт, коммунистический агрессор рассчитывал быстрым ударом захватить Южную Корею и поставить демократии перед свершившимся фактом. Захват без сопротивления, без борьбы не удался. В ответ на призыв Совета Безопасности ООН США послали в Корею свой воздушный флот, а затем сухопутные части: 45 государств, членов ООН, выразили согласие оказать Южной Корее помощь [Посев, 1950, 9 июля, № 28 (215), с. 1].

В другой своей статье Самарин заявлял:

Корейские антикоммунистические дивизии, поддержанные вооруженными силами Организации Объединенных Наций, борются против коммунизма, который несет корейскому народу, как и всякому другому народу, не только экономическое, но и духовное рабство [Посев, 1950, 29 окт., № 44 (231), с. 1].

О необходимости поддержать Республику Корея заявил Комитет объединенных власовцев во главе с генерал-майором А. В. Туркулом. Кроме того, отдельные русские эмигранты (в частности, бывшие генерал-майор ВС КОНР И. Н. Кононов и генерал-майор 1-й Русской национальной армии Б. А. Хольмстон-Смысловский) выдвигали идеи создания русской национальной армии в Корее для борьбы с коммунистами [Новые документы, с. 259–271; Хольмстон-Смысловский, с. 167, 168].

Русская военная эмиграция пристально следила за событиями в Корее. На этом поприще отметились несколько бывших русских

3.2. Советские военные и русские эмигранты в годы Корейской войны (1950–1953)

офицеров. Так, в эмигрантском журнале «Русский в Австралии» публиковался генерал-майор Михаил Георгиевич, который анализировал действия войск ООН в Корее [Георгиевич, с. 16–20]. Об ошибках войск ООН по отношению к мирному населению писали в газете «Голос народа» бывшие офицеры ВС КОНР полковник В. В. Поздняков и поручик Д. П. Каров [Волжанин, Каров, с. 3]. Стоит упомянуть и таких видных деятелей русской военной зарубежной мысли, как генерал-майор В. А. Замбржицкий, который публиковал свои статьи в журнале «Часовой», и полковник Е. Э. Месснер, печатавшийся в журнале «Суворовец». Оба военных поддерживали действия американского генерала Дугласа Макарута [Антошин, с. 547].

Русские эмигрантские газеты подробно сообщали о действиях генерала Макарута в Корее. Например, нью-йоркская газета «Россия» писала:

Уже в девятый раз с начала войны в Корее в июне 1950 года ген.[ерал] Макарут прибыл на фронт. В своем джипе он посещает свои войска, совершая поездки в одной миле от линии фронта, на котором происходит бой [Генерал Мак Артур, с. 1].

Во многом с негодованием отнеслась русская эмигрантская печать к известию об отставке генерала [Увольнение генерала Мак Артура, с. 3]. Русские эмигранты считали, что отставка Макарута принесла большой вред престижу США в Азии. Тем не менее, она не ослабила интерес эмиграции к корейским событиям [Серафимов, с. 3, 4].

Большое внимание русская эмиграция уделила судьбе северо-корейских и китайских военнопленных. После окончания боевых действий между Северной и Южной Кореей планировалось осуществить обмен военнопленными всех на всех без учета согласия последних. Это вызвало волнения в лагерях военнопленных, о чем практически сразу стало известно мировой общественности. От возвращения в коммунистический Китай

и Северную Корею отказались 22 604 чел. [Попов, с. 448–451]. Русская эмиграция от монархистов до социалистов единодушно выступила с осуждением насильственных выдач северокорейских и китайских военнопленных. Их судьбы сравнивались с судьбами русских военнопленных антикоммунистических формирований времен Второй мировой войны, которые были выданы Советскому Союзу. Впервые этот вопрос был поднят в газете «Социалистический вестник» в апреле 1952 г., позднее его обсуждали в газете «Народная воля» осенью 1953 г. в разгар обмена военнопленными [Человечность или государственные интересы, с. 1–3; Корейский Платлинг, с. 1]. 14 октября 1952 г. в Нью-Йорке в зале «Палм Гарден» состоялся митинг против насильственной выдачи китайских и северокорейских солдат в руки коммунистов, проведенный эмиграцией. В митинге приняли участие такие организации, как Власовское объединение, Национально-трудовой союз, Российское народное движение, Союз борьбы за свободу России, Союз воинов освободительного движения и другие. Среди присутствовавших на митинге был отмечен министр иностранных дел Республики Корея Пён Ёнтхэ [Митинг протеста, с. 5].

После окончания войны и начала процедуры обмена в лагерях военнопленных начались столкновения между теми, кто не хотел возвращаться в Северную Корею и Китай, и лагерной охраной. В связи с этим русские эмигранты составили протест, который отправили на имя делегаций Индии и Швеции в ООН, кроме того, копии протеста передали Генеральному секретарю ООН. В протесте говорилось:

С большой тревогой и негодованием следим мы за событиями в Корее, где корейские и китайские военнопленные, отказавшиеся возвращаться под власть коммунистов, посажены в лагеря и принуждаются так называемой «нейтральной» комиссией к репатриации. <...> Мы поднимаем свой голос протеста. Во имя свободы и справед-

3.2. Советские военные и русские эмигранты в годы Корейской войны (1950–1953)

ливости, во имя прав человека должно быть прекращено то преступление, которое совершается в Корее под флагом Объединенных Наций. Дайте военнопленным самим решить свою судьбу. Их решение уже есть: остаться в свободном мире. Не препятствуйте им, освободите их!

Протест был составлен от имени Власовского объединения, мусульманской организации «Инсаф», Национально-трудового союза, Союза украинцев-федералистов-демократов, Российского народного движения, Российского антикоммунистического союза, Союза борьбы за освобождение народов России, Союза борьбы за свободу России, Союза воинов освободительного движения [Свободу — жаждающим свободы, с. 1].

Руководство Республики Корея было хорошо осведомлено о действиях русской эмиграции, о чем, в частности, говорит участие министра иностранных дел республики в одном из митингов. После окончания войны к президенту Республики Корея со стороны Народно-трудового союза (НТС) была направлена просьба обратиться к русскому народу, что последний и сделал. Обращение Ли Сын Мана было распространено в печати. Приведем это обращение в версии еженедельника «Посев»:

Корейский народ, по-прежнему находящийся в бедственном положении из-за предательской и кровавой коммунистической агрессии, подготовленной и вдохновленной московскими тиранами, разделившей и залившей кровью его страну, полностью отдает себе отчет в том, что огромные массы русского народа не симпатизируют коммунизму и не любят его. Мы знаем, что сам русский народ является первой жертвой коммунистического чудовища, поставившего себе коварную цель захватить все человечество. От имени Корейской Республики я шлю горячий привет нашим братьям по несчастью как за железным занавесом, так и в эмиграции и выражаю надежду, что тридцать семь долгих лет борьбы за свободу их родины закончатся полной победой над темными силами коммунистической агрессии.

Я твердо верю, что час освобождения близок. Да поможет нам Всевышний в нашей общей борьбе за свободу и лучший мир! [Президент Кореической Республики, с. 1].

* * *

Таким образом, события Корейской войны вовлекли в себя как советских граждан, так и русских эмигрантов. Во многом это было вызвано тем, что данный вооруженный конфликт, начавшись как гражданская война в Корее, стал одной из арен холодной войны. Советские военные в Корее выполняли свой «интернациональный долг», сражаясь против американского империализма. Для немногих русских эмигрантов, обосновавшихся в Корее, война обернулась трагедией, часть из тех, кто жили в Сеуле, погибли. Для русской антикоммунистической эмиграции война стала новым этапом прямого противостояния советскому коммунистическому режиму как на боевом фронте, так и в рамках пропагандистских акций и кампании в поддержку Южной Кореи.

Библиографические ссылки

Александров К. М. Русская военная эмиграция в 1930–1955 гг.: достигнутые результаты и перспективы изучения // *Нансеновские чтения*. 2010. СПб. : Изд-во СПб Ин-та истории РАН ; Рус. традиция, 2012. С. 27–52.

Антошин А. В. Российские эмигранты в условиях «холодной воны» (середина 1940-х — середина 1960-х гг.). Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2008. 659 с.

Артемов А. Параллель и параллели // *Посев*. 1951. № 40 (279). 7 окт. С. 1.

Волжанин В., Каров Д. Партизанская война в Корее // *Голос народа*. Мюнхен, 1950. № 3. 10 дек. С. 2, 3.

Генерал Мак Артур прибыл на фронт // *Россия*. Нью Йорк, 1951. 30 янв. № 4554. С. 1.

Георгиевич М. Военные действия в Корее // *Русский в Австралии*. Сидней, 1950. № 2. С. 16–20.

3.2. Советские военные и русские эмигранты в годы Корейской войны (1950–1953)

Голос народа. Мюнхен, 1952. № 7 (57). 17 февр. С. 2.

Зубова В. Р. 10 лет со дня кончины Ю. И. Шидловского // Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына : [сайт]. URL: https://www.domrz.ru/press/memo_dates/19_sentyabrya_2019_goda_10_let_so_dnya_konchiny_yu_i_shidlovskogo_/ (дата обращения: 17.08.2020).

Казачий словарь-справочник : в 2 т. / изд. А. И. Скрылов, Г. В. Губарев. Кливленд : [Б. и.], 1966. Т. 1. 267 с.

Корейский Платлинг // Народная воля. Мюнхен, 1953. № 14. 30 окт. С. 1.

Куланов А. Обратная сторона Японии. М. : АСТ : Астрель, 2008. 350 с.

Митинг протеста против насильственной выдачи военнопленных антикоммунистов // Наша страна. Буэнос-Айрес, 1953. № 156. 10 янв. С. 5.

Набор иностранцев в американскую армию // Посев. 1951. № 21 (260). 27 мая. С. 15.

Новые документы к биографии генерал-майора И. Н. Кононова / вступ. ст., публ. и коммент. К. М. Александрова и О. И. Нуждина // Русское прошлое : ист.-док. альм. СПб. : Филол. ф-т СПбГУ, 2012. Кн. 12. С. 259–279.

Обращение премьер-министра КНДР Ким Ир Сена по радио к корейскому народу, армии и партизанам 11 октября 1950 года // Ким Ир Сен. Великая освободительная война корейского народа за свободу и независимость. Пхеньян : Изд-во лит. на иностр. яз., 1951. С. 108.

Окроков А. В. Секретные войны Советского Союза : первая полная энциклопедия. М. : Яуза : ЭКСМО, 2008. 736 с.

Окроков А. В. СССР против США : Психологическая война. М. : Вече, 2011. 320 с.

Пепеляев Е. Лучший ас советско-американской войны : 23 победы в небе Кореи. М. : Яуза : ЭКСМО, 2013. 320 с.

Потов И. М., Лаврентьев С. Я., Богданов В. Н. Корея в огне войны. Жуковский ; М. : Кучково поле, 2005. 544 с.

Президент Корейской Республики — русскому народу // Посев. 1954. № 38 (437). 26 сент. С. 1.

Рар Г. А. «...И будет наше поколение давать истории отчет» : воспоминания. М. : Рус. путь, 2011. 728 с.

Часть 3. Русские в Корее

Самарин В. 38-я параллель // *Посев*. 1950. № 28 (215). 9 июля. С. 1.

Самарин В. Война и политика // *Посев*. 1950. № 44 (231). 29 окт. С. 1.

Серафимов Б. В корейском тупике // *Посев*. 1951. № 19 (258). 13 мая. С. 3, 4.

Свободу — жаждущим свободы! Дайте военнопленным в Корее самим решать свою судьбу : обращение российской и национальной эмиграции к делегациям демократических стран в ООН // *Голос народа*. Мюнхен, 1953. № 31 (132). 15 нояб. С. 1.

Сейдов И. Советские асы корейской войны. М. : Фонд «Рус. витязи», 2010. 452 с.

Сейдов И., Сулягин Ю. Гроза «Сейбров». Лучший ас Корейской войны. М. : Яуза : ЭКСМО, 2006. 576 с.

Стеффан С. Романовы: царская династия. Кто они были? М. : Ларин, 1993. 348 с.

Увольнение генерала Мак Артура // *Часовой*. 1951. № 5 (308). С. 3.

Хисамутдинов А. А. Петр Петрович Балакшин : биограф. очерк // Балакшин П. Финал в Китае: возникновение, развитие и исчезновение русской белой эмиграции на Дальнем Востоке : в 2 т. М. : Гос. публ. б-ка России, 2013. Т. 1. 526 с.

Хольмстон-Смысловский Б. А. Избранные статьи и речи. Буэнос Айрес : Рос. воен.-нац. освободит. движение им. генерала А. В. Суворова, 1953. 224 с.

Человечность или государственные интересы // *Социалистический вестник*. Нью-Йорк, 1952. № 4. Апр. С. 1–3.

Шкаровский М. В. Русская православная миссия в Корее // *Христианское чтение*. СПб., 2010. № 2 (33). С. 86–119.

Andre Merzlitsky. Approved for release 1999/09/10. Coll.: General CIA Records. Doc. Number (FOIA) / ESDN (CREST): CIA-RDP83-00423R000800120003-7 // CIA FOIA : [website]. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP83-00423R000800120003-7.pdf> (accessed: 14.08.2020).

U. S. National Archive and Records Administration. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1950–1954. Box 4293. 795.00/3–1054.

3.3. В рядах Антикоммунистической лиги народов Азии: деятельность русских эмигрантов в Южной Корее в 1950-е гг.

История российской диаспоры в Корее относится к числу достаточно слабо изученных в исторической литературе тем. Безусловно, ее отдельные аспекты уже привлекали внимание исследователей. Значительный вклад в открытие данной страницы истории русского зарубежья для российского читателя внесла известный отечественный кореевед Т. М. Симбирцева. В ее трудах представлены основные вехи истории русской эмиграции на Корейском полуострове [Симбирцева]. Наряду с видным историком архитектуры русского зарубежья С. С. Леошко, Т. М. Симбирцева много сделала для сохранения исторической памяти о российском архитекторе А. И. Середине-Сабатине (1860–1921). Его деятельность в Корее в конце XIX — начале XX в., результатом которой стали шедевры дворца Кенунгун, послужила предметом выставки, проведенной в Музее русского искусства в Москве в 2018 г. [Русский зодчий].

Этот сюжет относится к эпохе конца XIX — начала XX в., когда российское культурное и политическое присутствие в Корее было выражено достаточно отчетливо (не случайно именно к этому времени относится и возникновение Российской духовной миссии в Корее). Однако после крушения Российской империи Корея не стала крупным центром Русского зарубежья. Находясь с 1910 г. под протекторатом Японии, Корея была бедной и малопривлекательной для русских эмигрантов территорией. Характерно, что в основательном каталоге собрания Библиотеки имени Гамильтона Университета Гавайев (Гонолулу, США), составленном П. Полански и А. А. Хисамутдиновым, присутствует только одна изданная в Корее книга. Это сборник произведений поэтессы В. Ю. Янковской (1909–1996), жившей вместе со своей семьей в Корее [Полански, с. 185]. Именно Янковские долгое время во многом являлись

символом немногочисленной российской диаспоры на Корейском полуострове периода японского господства.

Переломной вехой в истории Кореи явилась Вторая мировая война. Разгром Японии в 1945 г. кардинально изменил судьбы корейского народа. Однако мир на корейскую землю так и не пришел. На территорию Корейского полуострова вошли американские и советские войска, благодаря усилиям которых сформировались два правительства — в Сеуле и Пхеньяне. Фактически это закладывало основу для будущего военного конфликта, поскольку оба правительства недвусмысленно претендовали на власть над всем полуостровом. Начавшаяся холодная война сделала Корею еще одной точкой, где сталкивались интересы сверхдержав. Все это привело к Корейской войне 1950–1953 гг., которая привлекла внимание всего мирового сообщества. В те годы многим наблюдателям казалось, что в Корее уже начинается Третья мировая война. Однако, к счастью, этого не произошло. Летом 1953 г. было подписано перемирие, которое разделило страну по 38-й параллели. На политической карте мира окончательно утвердились два государства — Республика Корея и КНДР.

Именно Республика Корея (Южная Корея, как предпочитали именовать ее в советских СМИ) стала одним из важнейших антикоммунистических центров в Восточной Азии. Первый президент Республики Корея Ли Сын Ман стал одним из символов антикоммунизма в регионе, поддерживая соответствующую деятельность политиков из других стран. Все это обусловило тот факт, что деятели российской антикоммунистической эмиграции проявили серьезный интерес к этой стране.

Наиболее заметной антикоммунистической организацией русской эмиграции эпохи холодной войны был Народно-трудовой союз (НТС, до 1957 г. эта структура именовалась Национально-трудовым союзом). Возникнув в 1920–1930-е гг. как объединение национал-патриотических групп русской эмигрантской молодежи, в годы Второй мировой войны НТС пополнился некоторыми пред-

3.3. Деятельность русских эмигрантов в Южной Корее в 1950-е гг.

ставителями так называемой второй волны эмиграции из СССР. После окончания войны центр НТС оказался в Западной Германии. Исполнительное бюро совета Союза базировалось во Франкфурте-на-Майне, здесь же выходил и еженедельник (впоследствии журнал) «Посев», нелегально переправлявшийся в СССР и принеший НТС достаточно широкую известность среди советской инакомыслящей интеллигенции. Все это было возможно во многом благодаря связям с ЦРУ, которое финансировало многие акции НТС. По мнению известного американского историка Б. Тромли, миф о всемогущем НТС во многом стал одним из результатов противостояния спецслужб в условиях холодной войны [Tromley, 2016; Tromley, 2019].

Значительные комплексы документов по истории НТС хранятся в Архиве Центра восточноевропейских исследований Университета Бремена (Германия). Здесь имеются фонд издательства «Посев» (Ф. 98), а также личный архивный фонд известного деятеля НТС Г. А. Рара¹ (Ф. 106). Видовой состав документов, представленных в этих фондах, весьма разнообразен: это протоколы заседаний съездов совета НТС, циркулярные письма руководства союза местным организациям, личная переписка деятелей НТС и т. д.

Анализ этих исторических источников показывает, что НТС, как и другие эмигрантские антикоммунистические группы, проявил интерес к ситуации на Корейском полуострове еще в условиях войны 1950–1953 гг. Как уже отмечалось, противники Советского

¹ Рар Глеб Александрович (1922–2006). Родился в Москве в семье офицера Русской императорской армии. В 1924 г. семья была выселена в Эстонию, затем переселилась в Латвию. Вырос в Лиепае (Либаве). В 1941 г. как балтийский немец переселился в Германию. Член НТС с 1942 г., в 1944–1945 гг. находился в заключении в концлагерях Заксенхаузен, Бухенвальд, Дахау и др., освобожден в апреле 1945 г. После войны работал в издательстве «Посев», в отделе иностранных дел НТС во Франкфурте, на радиовещании НТС на Тайване и в Японии. С середины 1970-х гг. — сотрудник радио «Свобода», ведущий религиозно-исторических передач. Председатель Свято-Князь-Владимирского братства в Германии. Член Совета НТС в 1967–1990 гг.

Союза надеялись на то, что события в Корее станут катализатором глобального военного конфликта между сверхдержавами. Если во второй половине 1940-х гг. основное внимание было приковано к ситуации в Германии (которая в переписке деятелей НТС обычно именовалась «фронтом», в отличие от «тыла» — других регионов мира), то в начале 1950-х гг. «вторым фронтом» холодной войны стали называть Корею.

Эта ситуация во многом меняла и положение тех деятелей НТС, которые после Второй мировой войны переместились из Европы в Азиатско-Тихоокеанский регион. В организации их часто обвиняли в том, что их шаг был продиктован желанием «спрятаться» от опасностей холодной войны. Теперь ситуация изменилась. Как отмечал на съезде Совета НТС в декабре 1950 г. один из лидеров союза А. Н. Артемов², Корейская война «встряхнула» этих людей, и у них появилось «стремление включиться в борьбу на Дальнем Востоке» [Forschungsstelle Osteuropa an der Universität Bremen. Historisches Archiv (FSO UB. HA). F. 98 (Протоколы съезда совета НТС в декабре 1950 г.)].

Однако здесь возникал вопрос о том, насколько адекватно эмигранты-антикоммунисты оценивали ситуацию в Корее. Практически никто из них ранее не бывал на полуострове, в их сознании часто господствовали стереотипы, сформированные силами западных СМИ. Поэтому А. Н. Артемов полагал, что необходимо развенчать эти представления, чтобы быть готовыми включиться в антикоммунистическую деятельность в регионе. В частности, он заявлял, что неверно мнение, согласно которому в Корее существовала «ненависть к белым». Он подчеркивал:

² Артемов Александр Николаевич (настоящая фамилия Зайцев, 1910–2002). Родился в Рязанской губ. Окончил биологический факультет МГУ, поступил в аспирантуру. В 1939 г. был призван в армию, в 1941 г. попал в плен в Эстонии. Член НТС с февраля 1943 г. Преподаватель на курсах пропагандистов РОА в Дабендорфе. Избежал выдачи в СССР, после войны жил в ФРГ. Член совета НТС в 1946–1998 гг. Один из главных идеологов НТС.

3.3. Деятельность русских эмигрантов в Южной Корее в 1950-е гг.

Белые в Корее не играли такой роли, как в Китае, и поэтому ненависти к белым там нет. Скорее в Корее ненавидят китайцев и японцев, которые были постоянными поработителями Кореи [Там же].

Заметим, что в данном случае налицо было стремление дифференцированного подхода к странам и народам Восточной Азии, которое часто отсутствовало у многих эмигрантов, проживавших в Европе и США.

Как свидетельствуют источники, в ходе Корейской войны деятели НТС начали устанавливать контакты с отдельными корейскими антикоммунистами, служившими в американских частях сил ООН. Так, например, в августе 1952 г. представитель «Посева» в Сан-Франциско А. А. Цвикеви³ сообщал в одном из личных писем:

Появился у меня подписчик из Кореи, который просит меня не только снабжать его литературой (о чем уже сообщил Горачеку⁴, и тот уже ему выслал). Этому дяде я посылаю «Посев» воздушной почтой... Этот дядя сам кореец, работает в отделении психологической войны и состоит главным переводчиком при командовании [FSO UB. HA. F. 98 (А. А. Цвикеви³ — Н. И. Беваду). 19.08.1952].

Интересно, что, по словам А. А. Цвикеви³, кроме литературы, этот человек просил НТС прислать ему «новую русскую пишущую машинку» [Там же]. Возможно, речь шла о возможности осуществ-

³ Цвикеви³ Анатолий Александрови³ — член калифорнийского подотдела НТС, представитель «Посева» в Сан-Франциско.

⁴ Горачек Владимир Яромирови⁴ (1916–1981). Родился в г. Кемь в семье чешского инженера, участника строительства Мурманской железной дороги. В 1920–1940-е гг. — в Праге: окончил гимназию, Высшее техническое училище, Высшие военно-научные курсы генерала Головина. Инженер-строитель. Активист молодежных эмигрантских организаций. С 1934 г. — член НТС, с 1942 г. — представитель НТС в Чехословакии. Арестовывался гестапо. После войны много лет руководил издательством «Посев».

вления пропагандистских акций, ориентированных на воевавших в Корее советских солдат.

Очевидно, подобные связи могли пригодиться НТС после окончания Корейской войны, когда русские эмигранты приняли участие в попытках объединить антикоммунистические силы Азиатско-Тихоокеанского региона. Особые надежды в этом деле русские эмигранты возлагали на Ли Сын Мана. В Бахметевском архиве Колумбийского университета (Нью-Йорк, США) нам удалось обнаружить письмо члена Русского национального объединения А. П. Воробчука-Загорского, написанное в 1954 г. Ли Сын Ману (Сингману Ри). Проживавший в тот момент в Сан-Франциско, А. П. Воробчук-Загорский хорошо знал страны Восточной Азии: межвоенные годы он провел в Китае, являясь там известным деятелем русской политической эмиграции. В данном письме он одобрил идею Ли Сын Мана об объединении народов в борьбе против коммунизма, призвав южнокорейского президента возглавить этот «крестовый поход» [Bakhmeteff Archive Research (BAR). Anastasii P. Vorobchuk collection. Box 1. Folder “Rhee Syngman” (А. Воробчук (Загорский) — Сингману Ри (Ли Сын Ману)). 02.04.1954].

Именно возглавлявшаяся Ли Сын Маном Республика Корея стала одним из инициаторов создания Антикоммунистической лиги народов Азии. Эта структура была основана в 1954 г. в результате состоявшейся в Южной Корее встречи Ли Сын Мана и руководителя Тайваня Чан Кайши. К концу 1950-х гг. в составе лиги, кроме Южной Кореи и Тайваня, были также представители Вьетнама, Филиппин, Гонконга, Макао, островов Риу-Киу, Малайи, Сингапура, Бирмы, Таиланда, Австралии, Новой Зеландии. Более того: к лиге присоединились даже антикоммунисты Пакистана, Ирана и Турции, чьи страны находились довольно далеко от государств — основателей организации. В качестве наблюдателей в Лиге участвовали и деятели НТС, выступавшие от имени антикоммунистической России. На конференциях лиги они имели совещательный голос.

3.3. Деятельность русских эмигрантов в Южной Корее в 1950-е гг.

Тем не менее, ведущими силами в Антикоммунистической лиге народов Азии были Тайвань и Южная Корея. Это объяснялось тем, что здесь антикоммунисты — члены лиги находились у власти, а потому располагали определенными ресурсами для проведения различных акций. Особенно важно то, что они могли предоставить территории своих стран для проведения конференций лиги: именно поэтому данные форумы проходили в Сеуле или Тайбэе.

Очевидно, именно участие в работе этих конференций, установление контактов с южнокорейскими политиками и позволило НТС в 1959 г. основать в Сеуле представительство «Посева». Фактически, как и в ряде других стран, эта структура выполняла функции ведущего в стране русского эмигрантского антикоммунистического центра, связанного с НТС. Особенности деятельности НТС, его участие в операциях спецслужб, перемещения деятелей союза по миру влияли на организационные аспекты работы представительства. Так, первоначально в январе — начале октября 1959 г. на страницах еженедельника «Посев» были указаны как адрес представительства (Сеул, Dong-A House, Sesoumun Dong), так и личность его руководителя (Рудольф Парккали) [Посев, 1959, № 4, 25 янв., с. 10]. Однако с середины октября 1959 г. данные о представительстве становятся гораздо более скудными: в «Посеве» стали указывать в качестве адреса этой структуры лишь № 59 абонентского ящика международной почты в Сеуле [Посев, 1959, № 41, 11 окт., с. 10].

Это может быть связано с различными обстоятельствами. Во-первых, как уже отмечалось, специфика деятельности НТС могла заставить его руководство скрывать адрес представительства. Во-вторых, возможно, Р. Парккали осенью 1959 г. уже не было в Сеуле. Источники свидетельствуют о том, что он относился к числу оперативников НТС, которые перемещались из одной страны в другую. Один из лидеров НТС Г. А. Рар в своих мемуарах вспоминал, что встречался с Р. Парккали на конспиративной квартире последнего в марте 1960 г. в Токио. Отмечая, что, скорее

всего, Парккали — ненастоящая фамилия этого человека, Г. А. Рар так описывает его судьбу:

Чуть ли не из беспризорников, рос без семьи. Ленинградский паренек, о котором некому было заботиться. Человек по природе порядочный и здравомыслящий. В финскую войну был призван, попал в плен. Сумел доказать свое «ингерманландское происхождение». Благодаря этому избежал послевоенной судьбы советских пленных остальных национальностей — выдачи их советской стороне и отправки в сталинские лагеря за «измену родине» [Рар, с. 371].

Таким образом, Р. Парккали был довольно типичным эмигрантом второй волны. Эпоха сталинской модернизации 1930-х гг. привела к разрушению многих социальных связей, часть людей оказались выброшены на обочину жизни советского общества. Именно такие люди, не пустившие корней в СССР, не имевшие семьи, чаще, чем другие, принимали решение остаться на Западе. Очевидно, что именно Япония (более крупный, чем Южная Корея, центр НТС) была его основной базой: известно, что летом 1960 г. он уже направлял в «Посев» свои корреспонденции из Токио [Парккали].

Возможно, Р. Парккали на посту резидента НТС в Южной Корее сменил Юрий Волков. Его переместили в Сеул из Японии, причем известно, что в декабре 1960 г. Ю. Волков только что прибыл в Токио. Г. А. Рар характеризовал его как «сердечного и толкового русского парня из Харбина, выросшего в Австралии» [Рар, с. 387]. Но уже в начале 1961 г., после сокращения финансирования Японского оперативного участка НТС, Ю. Волков вынужден был уехать, пользуясь выражением Г. А. Рара, «на подножный корм» (радиовещание и преподавание русского языка) в Республику Корея» [Там же]. Известно, что с 1959 г. из Сеула южнокорейское радио осуществляло вещание передач подконтрольной НТС радиостанции «Свободная Россия». Объем вещания был невелик

3.3. Деятельность русских эмигрантов в Южной Корее в 1950-е гг.

(всего 20 минут в сутки), оно было ориентировано на население советского Дальнего Востока [НТС: мысль и дело, с. 37]. «Свободная Россия» вещала из Сеула на волне 31,12 м с 8.30 до 8.45 и с 23.30 до 23.45 по хабаровскому времени [Романов, с. 309]. Очевидно, именно на «Свободной России» и стал работать после приезда в Республику Корея Ю. Волков.

Видимо, именно приезд Ю. Волкова стал импульсом и к организационному оформлению русской службы Международного радио Кореи. Согласно официальной версии, ее первая передача вышла в эфир 13 февраля 1961 г. [Сеульский вестник]. Вопрос о том, как деятельность русской службы Международного радио Кореи соотносилась с вещанием «Свободной России», остается открытым и, очевидно, требует обращения к новым источникам из архивов Республики Корея. Большую роль в деятельности Международного радио Кореи всегда играли «русские корейцы» (вернувшиеся из СССР корейцы и их потомки) [Там же].

На наш взгляд, само решение о создании представительства «Посева» в Южной Корее в 1959 г. можно связать с двумя важными событиями, которые произошли в этом году. Во-первых, это упомянутое выше начало вещания радиостанции «Свободная Россия» из Сеула. Следует учесть, что так называемые Лорские решения совета НТС, принятые в 1958 г., ориентировали НТС на активизацию антикоммунистической пропаганды внутри СССР [Поремский, с. 35]. В этих условиях наличие вблизи Дальнего Востока СССР русскоязычной антисоветской радиостанции становилось особенно важным. Во-вторых, важную роль сыграла подготовка к 5-й конференции Антикоммунистической лиги народов Азии, состоявшейся в Сеуле в июне 1959 г. Известно, что Россию на ней представлял один из лидеров НТС Р.Н. Редлих⁵.

⁵ Редлих Роман Николаевич (1911–2005). Родился в Москве. В 1933 г. как этнический немец вместе с семьей смог перебраться в Германию. Окончил Берлинский университет. Член НТС с 1941 г., играл видную роль в так называемой Локотской республике, возникшей на оккупированной немцами территории

Заседания конференции широко освещались «Посевом». Корреспонденции подписывались «Р.Р.»⁶, а также «Р. Райкин», «А. Райкин». Что касается Райкина, то интересно, что в № «Посева» от 28 июня 1959 г. этот человек фигурирует на фотографии вместе с Р. Н. Редлихом, президентом Ли Сын Маном с супругой, а также ректором Сеульского университета и одним из индонезийских антикоммунистов. Очевидно, что Райкин — это псевдоним, однако кто под ним скрывался, выяснить на данный момент не удалось. Это мог быть и Р. Парккали, однако подтвердить эту догадку возможности пока нет.

Конечно, встреча русских антикоммунистов с Ли Сын Маном была большим событием для НТС, на которое «Посев» не мог не обратить особого внимания. НТС претендовал на то, чтобы выступать от имени антикоммунистической России, пытался проводить даже некое подобие «дипломатической деятельности» (отсюда и участие в работе Антикоммунистической лиги народов Азии). Ныне деятели НТС обосновывают это тем, что прежде всего так налаживались связи с государствами, «разделенными на коммунистическую и свободную части»: это Китай, Корея, Вьетнам. «Подразумевалось, — указывает известный деятель НТС Б. С. Пушкарев⁷, — что Россия тоже разделена на подвластный коммунистам СССР и свободное зарубежье, и интересы освободительной борьбы у всех общие» [Пушкарев, с. 41]. Поэтому такие встречи, как общение с президентом Ли Сын Маном, как бы

СССР. В 1945–1956 гг. — глава Института по изучению СССР в Бад-Хомбурге (ФРГ). В 1956–1966 гг. вел радиопередачи, которые транслировались из Тайбэя и Сеула на Дальний Восток СССР. Философ, идеолог НТС. В 1990-е гг. преподавал в Новом гуманитарном университете (Москва).

⁶ Скорее всего, так обозначил себя в данном случае Р. Н. Редлих.

⁷ Пушкарев Борис Сергеевич (1929 г. р.). Родился в Праге в семье известного русского историка-эмигранта С. Г. Пушкарева. В 1944 г. познакомился с НТС. После войны находился в лагерях для «перемещенных лиц» в Германии, затем в США. Многолетний член НТС, с 1992 г. — председатель исполнительного бюро НТС.

3.3. Деятельность русских эмигрантов в Южной Корее в 1950-е гг.

подтверждали статус деятелей НТС в качестве представителей альтернативной России, усиливали их значимость в глазах читателей «Посева».

Во многом копировавший КПСС НТС подходил к освещению конференций лиги примерно так же, как «Правда» — к репортажам со съездов партии. Стиль корреспонденций еженедельника был восторженно-официальным: «Конференция проходила под знаком углубленного понимания коммунизма как мирового зла...» Указывалось, что по предложению делегаций НТС и Тайваня была принята резолюция о необходимости содействовать переброске антикоммунистической литературы через «железный занавес», организации радиопередач для «порабощенных народов», развитие и укреплению сотрудничества среди антикоммунистов [Р. Р.]. Конечно, для НТС было исключительно важно подчеркнуть, что именно его делегату удалось предложить конференции лиги текст резолюции, который в итоге был принят. Параллельно данным форумом была вынесена и резолюция о борьбе за «освобождение Северной Кореи» [Там же].

НТС часто обвинял западную общественность в том, что она не проводила различий между понятиями «коммунизм» и «Россия», что усиливало русофобские настроения в различных странах. По мнению деятелей НТС, такого рода эксцессы случались и на конференциях Антикоммунистической лиги народов Азии. Однако в 1959 г. антикоммунистов Азии, по мнению «Посева», в этом упрекнуть было нельзя. Корреспондент еженедельника подчеркивал:

На этот раз ни в одном выступлении, не говоря уже о резолюциях, не было и намека на смешение России и коммунизма... Везде заботливо проводилось различие между коммунистической диктатурой и порабощенными ею народами, и никто не сказал ни разу «русские» или «китайцы», имея в виду КПСС и КПК [Там же].

Такие похвальные оценки в адрес организаторов конференции лиги в Сеуле были, на наш взгляд, не случайны. Как показывают источники, НТС в Республике Корея, как и в других странах Азии, вынужден был действовать крайне осторожно, с оглядкой на местные власти. Специфика деятельности НТС, его тесная связь со спецслужбами вели к тому, что присутствие этой организации в какой-либо стране внимательно отслеживалось Советским Союзом. Последний использовал любую возможность, чтобы заявить протест местным властям в связи с присутствием в данной стране НТС. Характерно, что летом 1959 г. СССР заявил такой протест правительству Японии [Р.]. Естественно, для НТС это было серьезным сигналом: подобное могло произойти и в соседней Южной Корее.

В связи с этим любопытно еще одно обстоятельство. 30 сентября 1959 г. во Франкфурте-на-Майне открылась XI политическая конференция «Посева». Среди иностранных гостей, участвовавших в этом мероприятии, был и второй секретарь посольства Республики Корея в Бонне Чун Су Ли [XI политическая конференция «Посева»]. Очевидно, в ходе конференции произошел некий контакт между южнокорейским дипломатом и лидерами НТС. Обращает на себя внимание то, что именно после этого адрес представительства «Посева» в Сеуле, который публиковался на страницах еженедельника, был заменен на номер абонентского ящика. Безусловно, это могло быть случайным совпадением, однако уверенности в этом у автора данной главы нет.

Нельзя не отметить еще один фактор, который существенно осложнял работу деятелей НТС в данном регионе. Как уже отмечалось, оперативники НТС курсировали между Японией и Республикой Корея, фактически нередко работая как бы на две страны. Однако отношения между данными государствами в указанный период были сложными. Воспоминания о временах японской оккупации в Южной Корее были еще недавними, сама эта оккупация породила немало проблем, которые не были ре-

3.3. Деятельность русских эмигрантов в Южной Корее в 1950-е гг.

шенны. Ситуация дополнительно осложнялась фактором раскола Корейского полуострова на два государства. В таких условиях деятелям НТС было крайне трудно сориентироваться и занять правильную позицию.

Эти обстоятельства следует учитывать при анализе публикаций «Посева» тех лет. Так, в конце 1950-х гг. остроту приобрел вопрос о судьбе корейского населения, проживавшего в Японии. Складывается ощущение, что в данном вопросе деятели НТС, хотя и осторожно, но давали скорее южнокорейскую интерпретацию событий. Так, в марте 1959 г. «Посев» писал о протесте Южной Кореи против репатриации проживавших в Японии корейцев в КНДР [Посев, 1959, № 9, 1 марта, с. 12].

Уже в июне 1959 г. еженедельник сообщал, что в связи с этим Республика Корея порвала торговые отношения с Японией [Посев, 1959, № 25, 21 июня, с. 12]. Очевидно, взгляд на события с позиций Южной Кореи был связан с антикоммунизмом деятелей НТС: сами являясь теми, кто совершили бегство из-за «железного занавеса», эти люди были принципиально против возвращения в коммунистические страны таких же, как они, эмигрантов. Впрочем, осенью 1959 г. «Посев» сообщал уже о новом конфликте по этому вопросу — между КНДР и Японией: после того, как Япония предоставила корейцам право выбора (уехать в КНДР, Республику Корея или остаться в стране), лишь небольшое число желающих записалось на отъезд в КНДР [Посев, 1959, № 43, 25 окт., с. 12].

С данной проблемой был связан и вопрос о судьбе бывших солдат и офицеров Народной армии КНДР, попавших в плен в условиях Корейской войны. Как известно, КНДР требовала их репатриации, однако Республика Корея добилась того, что эти люди получили возможность остаться на юге. Деятели НТС, среди которых были и бывшие военнопленные Красной армии и власовцы, отказавшиеся вернуться в СССР, ощущали свою сопричастность судьбам этих людей. Характерно, что в январе

1960 г. в «Посеве» появилась статья Р. Николаева⁸, посвященная этому вопросу. Р. Николаев встречался с некоторыми из бывших военнопленных, которые остались в Республике Корея и перешли на службу в ее вооруженные силы. Вспоминая об этих людях, публицист «Посева» решительно заявлял:

Это враги коммунизма, враги убежденные и непримиримые, все понимающие и на все готовые, выдержавшие нелегкие испытания и способные, если придется, выдержать еще большие испытания во имя борьбы за свободу [Николаев].

Думается, что в данную характеристику автор статьи внес и чувства многих эмигрантов второй волны из СССР, которых отличали именно такие психологические установки. Сам выход статьи Р. Николаева был приурочен к 23 января — празднику в Республике Корея и на Тайване, известному как День свободы. Он связан с прибытием в 1954 г. военнопленных Корейской войны на Тайвань. Конечно, для советских эмигрантов второй волны этот праздник нес в себе огромный психологический и символический смысл. «Сеул украшается флагами и торжественно заявляет, — писал публицист “Посева”, — что он помнит своих поработанных соотечественников и борется за освобождение родины» [Там же].

Это обстоятельство, бесспорно, необходимо учитывать при анализе деятельности НТС в Республике Корея в 1950-е гг. Работая там, русские антикоммунисты постоянно невольно проводили параллели с тем положением, в котором находились они сами. У антикоммунистических сил Кореи были своя территория, вооруженные силы, ресурсы, они стремились добиться признания своего государства субъектом международного права. У их российских единомышленников всего этого не было. Именно

⁸ Скорее всего, под этим псевдонимом скрывался Роман Николаевич Редлих.

3.3. Деятельность русских эмигрантов в Южной Корее в 1950-е гг.

поэтому НТС вынужден был рассчитывать на помощь правительства и спецслужб Южной Кореи, поэтому ему приходилось вести себя в этой стране крайне осторожно. Сказанное актуально и для характеристики деятельности НТС в Южной Корее в 1960-е гг., после падения режима Ли Сын Мана. Однако это отдельный сюжет, который должен быть предметом специального изучения.

* * *

Таким образом, подводя итоги данной главы, следует указать на то, что именно представительство «Посева» являлось ключевой структурой русской политической эмиграции, которая функционировала в Республике Корея в 1950-е гг. Русская политическая эмиграция проявляла себя прежде всего участием в конференциях Антикоммунистической лиги народов Азии, которые проводились в Сеуле. Однако деятелям НТС в этот период не удалось установить прочные контакты с политической элитой Южной Кореи.

Библиографические ссылки

XI политическая конференция «Посева» // Посев. 1959. № 41. 11 окт. С. 1.

Николаев Р. [Редлих Р.]. Право убежища // Посев. 1960. № 4. 24 янв. С. 11.

НТС: мысль и дело. 1930–2000. М. : Посев, 2000. 128 с.

Парккали Р. «Белая книга» о японской компартии // Посев. 1960. № 24. 12 июня. С. 11.

Полански П. Русская печать в Китае, Японии и Корее. М. : Пашков дом, 2002. 204 с.

Поремский В.Д. Стратегия антибольшевицкой эмиграции : избр. ст., 1934–1997. М. : Посев, 1998. 286 с.

Пушкарев Б. НТС в истории российского Сопротивления // От За-рубежья до Москвы : Народно-Трудовой Союз (НТС) в воспоминаниях и документах. 1924–2014. М. : Посев, 2014. С. 5–60.

Часть 3. Русские в Корее

Р. «Не разбери — поймешь...» // Посев. 1959. № 32. 9 авг. С. 11.

Р.Р. Солидарность антикоммунистов // Посев. 1959. № 26. 28 июня. С. 11.

Рар Г.А. «...И будет наше поколение давать истории отчет» : воспоминания. М. : Рус. путь, 2011. 728 с.

Романов Е. В Борьбе за Россию : Воспоминания руководителя НТС. М. : Голос, 1999. 320 с.

Русский зодчий Афанасий Середин-Сабатин: у истоков современной архитектуры в Корее / сост. С. Лешошко, Т. Симбирцева, М. Федина. М. : Музей рус. искусства, 2018. 8 с.

Сеульский вестник. Сеул, 1998. № 1.

Симбирцева Т.М. История русской общины в Корее: проблемы изучения и новые факты // Корейский полуостров: мифы, ожидания и реальность : в 2 ч. М. : ИДВ РАН, 2001. Ч. 2. С. 45–61.

Bakhmeteff Archive Research (BAR). Anastasii P. Vorobchuk coll.

Forschungsstelle Osteuropa an der Universitat Bremen. Historisches Archiv (FSO UB. HA). F. 98.

Tromley B. Cold War Exiles and the CIA. Oxford Univ. Press, 2019. 352 p.

Tromley B. The Making of a Myth : The National Labor Alliance, Russian Emigres, and Cold War Intelligence Activities // J. of Cold War Studies. 2016. Vol. 18. Iss. 1. P. 80–111.

3.4. Россия и русские в Корее во второй половине XIX — начале XXI в.

Русские в Корее в период с конца эпохи династии Чосон до провозглашения Великой Корейской империи (대한제국)

Говоря о первых визитах русских в Корею, стоит прежде всего обратиться к двум основным из них, так как именно тогда участники российских экспедиций впервые посетили Корейский полуостров и представили два совершенно разных взгляда на Корею.

Первый визит связан непосредственно с экспедицией адмирала Российской империи Евфимия Васильевича Путятина на фрегате «Паллада». 14 апреля 1854 г. он высадился на Филиппинах в Маниле, а на обратном пути посетил остров Комундо, где пробыл в течение 11 дней. Это был первый непосредственный контакт корейцев и россиян на территории Корейского полуострова. В это время на борту корабля находился русский писатель Иван Гончаров. В дневнике путевых заметок «Фрегат Паллада» он описал увиденное и дал свою оценку реальному облику Чосона.

Информация о государстве Чосон середины XIX в. содержится всего на 50 страницах в последних восьми главах его путевых заметок «От Манилы до берегов Сибири», и, по сравнению с описаниями других стран, Чосону в них уделяется не так много внимания. Кроме того, в этих заметках Чосон выступал в роли географической и социальной периферии. Так, например, И. А. Гончаров отрицательно оценивал внешний вид и поведение корейцев в сравнении с китайцами и японцами, а также негативно высказывался о традиционных домах и деревнях, которые увидел в государстве Чосон. Когда автор прибыл в залив Ёнхын, побывав на Комундо, он был довольно критично настроен по отношению к корейцам и Корейскому полуострову, исключение составили лишь некоторые описания природы [김현택 (От Сабатина до Пушкина), p. 21–42]⁹.

Противоположную точку зрения представил русский инженер, писатель и путешественник Н. Г. Гарин-Михайловский. 13 сентября 1898 г. он прибыл в Чосон с целью исследовать приграничные районы вдоль реки Туманган, окрестности горы Пэктусан и берега реки Амноккан (Ялуцзян). Все результаты экспедиции Гарин-Михайловский зафиксировал в своих путевых заметках. В отличие от И. А. Гончарова, он выказал гораздо более

⁹ Более подробная характеристика российско-корейским отношениям и взаимным представлениям государств друг о друге была дана исследователями Центра российских исследований университета Ханьян, позже эта информация вошла в состав монографии «Россия и Корея: история взаимоотношений» (Сеул, 2013).

теплое отношение к корейскому народу, проявил глубокий интерес к его истории и даже записал несколько корейских народных сказок. В итоге в его описании не прослеживалось какое-либо чувство превосходства по отношению к своеобразному укладу жизни корейцев и их поведению [김현택 (От Сабатина до Пушкина), р. 21–42].

После установления официальных дипломатических отношений между Чосоном и Российской империей в 1884 г. (Русско-корейский договор о дружбе и торговле) русские начали активно проникать на территорию Корейского полуострова и в дальнейшем оказали на Корею большое влияние. Самой важной фигурой этого периода стал Карл Иванович Вебер (1841–1910). Он окончил факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета в 1865 г. и уже глубоко разбирался в географии и культуре Чосона до приезда туда в 1884 г. В 1884 г. он впервые посетил Сеул в качестве официального представителя России, а в 1885 г. был назначен первым российским заместителем и генеральным консулом при династии Чосон. Он работал в Корее вплоть до 1897 г., пользуясь особым доверием вана Коджона (1863–1897). Это сыграло ключевую роль в расширении влияния России на Корейском полуострове и в претворении в жизнь многих пунктов договора о дружбе и торговле, а также в дальнейшем в бегстве вана Коджона в дипломатическую миссию Российской империи, когда возникла угроза его жизни и безопасности со стороны японцев.

Не менее важной фигурой для развития корейско-российских отношений, чем К. И. Вебер, по праву можно считать и другого россиянина — Николая Николаевича Бирюкова (1861–1916). В 1895 г. отставной капитан Бирюков получил должность преподавателя русского языка в русскоязычной школе Хансона (на тот момент столицы Чосона). Основываясь на своем военном опыте в качестве инструктора Сибирской артиллерийской бригады на востоке России, он также отвечал за обучение студентов военному делу. В 1907 г. после Русско-японской войны Бирюков

был назначен заместителем консула России в городе Вонсане и активно помогал корейским антияпонским активистам бежать во Владивосток через Вонсан. Корейцы, обучавшиеся у него военному делу, впоследствии окончили российское военное училище и вошли в состав антияпонского медицинского подразделения. Продолжая тесно контактировать с российской армией, они вели разведывательную работу, отслеживая все передвижения японских военных. Таким образом, обширный опыт Николая Бирюкова оказал значительную помощь в военном сотрудничестве России и Чосона [김현택 (От Сабатина до Пушкина), р. 58–60].

В то время как К. И. Вебер и Н. Н. Бирюков оказали влияние на российско-корейское сотрудничество в политической и военной сферах, Афанасий Иванович Середин-Сабатин (1860–1921) внес значительный вклад в развитие архитектуры Чосона. Середин прибыл в Чосон в 1883 г. и около 20 лет проектировал там современные здания в западном стиле, прежде чем вернуться в Россию по причине начала Русско-японской войны в 1904 г. Объекты, которые он спроектировал и строительство которых довел до конца, включают в себя возведенное в соответствии с заключенным в 1884 г. в Чемульпо соглашением об открытии страны для торговли и создании иностранных дипломатических представительств (제물포각국조계장정) здание для пребывания иностранных дипломатических миссий Гуракбу (구락부 건물, в настоящее время здание культурного центра в г. Инчхон), а также здания таможенного офиса в г. Инчхон (не сохранилось), немецкой торговой компании «Сечан Янхэн» (не сохранилось), первый построенный в западном стиле корейский парк Мангук (сейчас Парк Свободы), здание российского консульства в г. Инчхон (не сохранилось), Сеульские ворота независимости (сохранились по сей день), здания Чонгванхон во дворце Токсугун, Чынмёнчон во дворце Токсугун (сохранились по сей день), российского консульства в Сеуле в районе Чондон (отреставрировано), Кванмунгак во дворце Кёнбоккун (не сохранилось), отеля «Сонтак»

(не сохранился) и многие другие постройки. Кроме того, есть здания, построенные другими российскими архитекторами. Это российское консульство в Масане (не сохранилось), почтовое отделение Чинхэ (сохранилось по сей день), дом для приема гостей «Ёльхвадан» в Каннине и другие.

Русские в Корее в период после установления дипломатических отношений между Республикой Корея и Российской Федерацией

После освобождения Кореи от японского колониального правления в 1945 г. она была разделена на две части: Южную и Северную. С началом холодной войны СССР долгое время был негативно настроен по отношению к Республике Корея (Южной Корее), а потому россияне крайне редко появлялись на ее территории. Однако, когда Советский Союз распался, а Корея и Россия вступили в новую фазу сотрудничества, русские впервые за долгое время вновь стали посещать южную часть Корейского полуострова.

Согласно исследованиям, русские, которые надолго поселяются в Корее (за исключением бизнесменов, занимающихся торговлей), это прежде всего исследователи и инженеры, приглашенные для работы в корейских компаниях. В частности, работники исследовательской сферы нередко проживают в ближайшем к предприятиям *Samsung Electronics* городе Сувон или в научно-исследовательском центре в городе Дедок. Их жены, а также русские женщины, вышедшие замуж за корейцев, составляют еще одну крупную группу русских, проживающих в Корее. Для этой группы населения самой серьезной проблемой становится образование детей. Если русские дети по каким-то причинам не могут посещать иностранные школы или школу при посольстве Российской Федерации, то во многих случаях они отправляются в общеобразовательные корейские школы. Тем самым возникла острая потребность в дополнительной русскоязычной программе обучения. В результате в Сеуле в районе Кванджингу,

Пусане и других местах были созданы русские культурные центры и связанные с ними учебные заведения, в какой-то мере решающие проблему образования для российских граждан на русском языке в Республике Корея [김현택, р. 265–267; 쪽 참조 (От Сабатина до Пушкина), р. 265–267].

По данным Национального статистического портала Республики Корея, по состоянию на конец 2019 г. количество иностранцев, пребывающих в Республике Корея длительный или короткий срок, составляет около 2 млн 520 тыс. чел. Доля иностранцев от общей численности населения Республики Корея уже составляет около 5 %. Среди них русских насчитывается около 60 тыс. чел. (включая этнических корейцев) [국가통계포털 (Государственный статистический портал Республики Корея)].

С другой стороны, духовным воплощением связи с родиной для русских, проживающих в Корее, стала Русская православная церковь. По мере роста числа постоянно проживающих в Корее россиян все чаще звучат просьбы о строительстве русского православного храма. Но в связи с проблемой покупки земли под его постройку храм по-прежнему построить не удалось. Таким образом, Корейская православная церковь, находящаяся под юрисдикцией Российской православной церкви, не имеет своего храма и потому для богослужений арендует помещение Греческой православной церкви. В Сеуле это Свято-Никольский кафедральный собор, а в Пусане — храм Благовещения Пресвятой Богородицы.

Хотя корейское общество демонстрирует быстрый переход к мультикультурному обществу, доля русских в нем по-прежнему невысока. Однако, если добавить сюда около 110 тыс. мигрантов из центральноазиатских республик бывшего Советского Союза, количество русскоязычных будет выше [국가통계포털 (Государственный статистический портал Республики Корея)]. В ближайшие годы ожидается стабильный рост количества россиян, посещающих Корею с целями, связанными с медицинским туризмом, или с целью постоянного проживания, поэтому усилия

по укреплению корейско-российского сотрудничества в будущем будут продолжены.

Отношение корейцев к России сквозь призму местных СМИ

Отношение корейцев к иностранцам, проживающим в стране, во многом зависит от отношения к стране их происхождения. В этом ключе важно взглянуть на отношение корейцев к России после давнего разрыва этих отношений и недавно вновь установленных дипломатических связей между Россией и Республикой Корея. Косвенно об этом можно судить по статьям в СМИ.

Первое десятилетие после установления дипломатических отношений. Политический имидж России в статьях корейских газет делится на положительный и отрицательный. С одной стороны, положительный имидж страны был связан с такими явлениями, как перестройка и гласность, получившими распространение во внутренней политике СССР во второй половине 1980-х гг. Благодаря этому СССР (Россия) описывалась как страна, которая «восстанавливает человечность» и «берет курс на либерализацию в культурной, социальной и политической сферах» [강봉구 (Кан Бонгу), р. 299–301].

С другой стороны, существовало немало статей, демонстрировавших негативный образ России. При этом образ страны с нестабильной системой проявлял себя не только в самом заголовке, но и был ярко виден в содержании публикаций. «Русские массовые антиправительственные протесты» оказали влияние на возникновение имиджа страны с «нестабильной политической системой», также описывались «противостояние политических сил», «состояние борьбы за власть» и прочее. Россия в южнокорейских СМИ 1990-х гг. была представлена как страна со сложной политической ситуацией, экономически бедная, использующая грубые методы в дипломатии, могущественная и сильная в военном отношении и социально нестабильная. Судя по таким

3.4. Россия и русские в Корее во второй половине XIX — начале XXI в.

заголовкам, как «“Дипломатический абсурд” Ельцина и ответ правительства» (엘친의 ‘외교 몰상식’과 정부의대응) [한겨레 (Хангёре), 1992, 15 сент.], «Русская грубость» (러시아의 무례) [조선 (Чосон), 1994, 21 мая], можно отметить, что российских дипломатов описывали как действующих нелогично и грубо. Таким образом, по мнению южнокорейских СМИ, Россия в 1990-е гг. переживала политические потрясения и стояла на пороге экономического краха, демонстрируя свой постепенный упадок, однако с точки зрения военного потенциала все же сохраняла наименование великой державы.

Образ России среди корейской молодежи на рубеже веков. Ли Гю Ван сравнил и проанализировал национальный имидж и имидж продукции четырех стран-соседей Корейского полуострова, включая Россию. По результатам опроса, проведенного среди 202 студентов корейских университетов, национальный имидж России сильно проигрывал по сравнению с США и Японией. В национальном имидже России положительную оценку получили параметры «сильная страна» и «экономная страна», а вот пункт «технологическое развитие» получил лишь среднюю оценку. Объединяя положительные моменты оценки национального имиджа России, можно резюмировать, что «Россия — это сильная и скромно живущая страна». К негативной оценке национального имиджа России можно отнести следующие обозначенные опрошенными позиции: «нельзя доверять», «плохая страна», «несправедливая», «подражающая» и «формальная». На основе обобщения негативных оценок можно увидеть, что Россия предстает «несправедливой страной, которой нельзя верить, и поэтому она мне не нравится» [이규완 (Ли Гюван), с. 111–114] (табл. 2).

Период стабилизации дипломатических отношений (2000–2019). В этот период из позитивных материалов, связанных с Россией, можно выделить статьи «Конструктивно дополняющие

Таблица 2

**Среднее значение сравнения особенностей национального имиджа
четырёх стран-соседей с точки зрения корейцев**

Пункты		Россия	Америка	Япония	Китай
Эмоциональ- ная оценка	Можно доверять / нельзя доверять	2.99	3.61	2.90	3.22
	Хороший / плохой	3.88	3.87	3.39	3.53
	Справедливый / несправедливый	3.60	3.92	3.66	3.28
Когнитивная оценка	Действительный / формальный	3.78	6.03	5.40	3.17
	Экономный / большие траты	4.42	4.01	5.50	4.36
Оценка способностей	Креативный / подражающий	3.75	5.15	4.12	3.19
	Могущественный / слабый	5.02	6.69	5.79	5.36
	Развитые технологии / отсталые технологии	4.07	6.03	6.35	2.86
Среднее значение		3.88	4.91	4.64	3.62

* Оценено по 7-балльной шкале.

друг друга отношения между Кореей и Россией» (「한-러 건설적 보완관계」) [조선 (Чосон). 2001. 28 февр.], «Лидеры России и Кореи подчеркивают важность мира на Корейском полуострове» (「한반도 평화 강조한 한-러 정상」) [한겨레 (Хангёре). 2001. 1 марта], «Путин шагает по Корейскому полуострову» (「푸틴 한반도에 성큼」) [조선 (Чосон). 2002. 26 авг.]. Все они так или иначе касались дипломатических отношений с Кореей. Отношения с Северной Кореей, Китаем и Соединенными Штатами также были восприняты очень поло-

3.4. Россия и русские в Корее во второй половине XIX — начале XXI в.

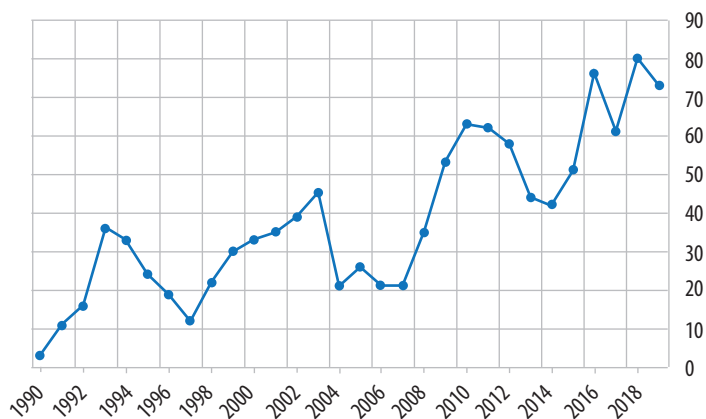
жительно. Другими словами, саммит между Россией и Китаем описывается как «хорошая новость», «обнадеживающие наблюдения» и «прорывной прогресс». Также, по мнению СМИ, в России эпохи путинского правления начиная со второго срока президентства В. В. Путина наблюдаются экономический рост и политическая стабильность. Кроме того, с точки зрения корейской общественности вполне логично, что Россия занимает позицию ключевой страны в БРИКС, является крупной державой, которая увеличивает свое влияние на мировой арене и имеет большой потенциал для будущего роста. Таким образом, в целом национальный имидж России в Корее улучшается, но на самом деле Россия меняется намного быстрее, чем ее образ в сознании корейцев.

В совместном исследовании «Хангук Ильбо» (*Hankook Ilbo*) и газеты «Ёмиури» (*Yomiuri*), проведенном в августе 2006 г., на вопрос «К какой из пяти соседних стран вы испытываете симпатию?» наибольшее количество корейцев выразили благосклонное отношение к Китаю (56,4 %), на втором месте оказались США (51,1 %), на третьем — Россия с 47,1 %, и на четвертом — Северная Корея с 30,9 %. При этом Япония находится в самом низу рейтинга, всего 17,1 % респондентов указали на то, что благосклонно относятся к ней. А вот уровень симпатии к России вырос примерно на 12 % по сравнению с 1993 г. [한국일보-요미우리신문 공동여론조사 (Корея: совместный опрос агентств «Хангук-Ильбо» и «Ёмиури»)].

Несмотря на повышение общего международного статуса России во время президентства В. В. Путина, в Корее не подчеркивается ее мощный имидж как страны, с которой хочется брать пример. Причина — в проблемах российского общества, на которые обращает внимание Запад. Это понятные процессы в экономике, степень демократизации общества, уровень защиты прав человека, а также проблемы общественного спокойствия и безопасности.

Если посмотреть в целом, то уровень симпатии корейцев к русским, а также эмоциональная оценка национального имиджа

страны в сравнении с советским периодом и периодом правления Б. Н. Ельцина значительно выросли. Также удалось выяснить, что национальный имидж России на когнитивном и поведенческом уровне медленнее отражает изменение текущего международного статуса. Тем не менее, если оценить количество упоминаний России в корейских СМИ в последние годы, то виден явный интерес к стране, что является важным отражением повышения уровня заинтересованности корейцев в России и русских [빅카인즈 (Big-kinds)] (рис. 4).

4. Количество упоминаний о России в корейских СМИ

Русские, проживающие в Корее, в исследованиях корейских ученых

Теперь рассмотрим некоторые исследования, касающиеся проживающих в Корее русских. Эти исследования были проведены начиная с периода установления дипломатических отношений между Россией и Кореей. И здесь возникают сложности с объектом исследования. В целом Корейское славянское евразийское общество, Корейское общество русского языка и литературы, Рус-

3.4. Россия и русские в Корее во второй половине XIX — начале XXI в.

ское литературное общество Кореи и Русский исследовательский центр в Сеульском национальном университете входят в число академических организаций, в которых российские исследователи проводят академическую деятельность и публикуют научные исследования. Среди них Корейское славянское евразийское общество, которое имеет самую долгую историю в Корее, наиболее активно публикует исследовательские работы в области социальных, а также гуманитарных наук. С 2002 г. по настоящее время в «Славянском журнале» опубликована в общей сложности 721 исследовательская статья. Среди них следующие четыре исследования посвящены русским, проживающим в Корее [정막래; 김혜진; 서승현; 우평균].

Причина того, что южнокорейские академические круги, связанные с Россией, не уделяют большого внимания русским, проживающим в Корее, заключается не только в том, что количество русских в Корее составляет очень небольшой процент, но и в том, что большее внимание уделяется русским корейцам, навсегда вернувшимся в Корею, а также российским ученым, участвующим в разовых проектах (например, строительство ракет на космодроме Наро), и россиянам, работающим по определенным специальностям (ученые в исследовательском центре *Samsung*, русские профессора, работающие в корейских университетах). Однако на самом деле общее положение русских, проживающих в Корее, еще не стало предметом надлежащего исследования. Конечно, в настоящее время русские не оказывают такого динамичного влияния на Корею, как это было в конце эпохи династии Чосон, но изучение того, как русские, живущие в Корее, поддерживают свои сообщества и взаимодействуют с корейцами, будет иметь важнейшие последствия для реального развития корейско-российских отношений.

Таким образом, пребывание россиян в Корее имеет уже длительную историю. Современная русская община в стране начала формироваться в конце XX в., после распада Советского Союза. Как показывает проведенный в данной главе анализ результатов социологических опросов и материалов СМИ, отношение корейского общества как к самой стране, так и к русской общине остается неоднозначным.

Библиографические ссылки

강봉구. 한국에서 러시아의 국가이미지 // 대한정치학회보 16집 3호, 2009년 2월. Pp. 299–326 [*Кан Бонгу*. Имидж Российской Федерации в Республике Корея] // Вестник корейской политологии. 2009. Вып. 16. № 3. P. 299–326].

국가통계포털 [Государственный статистический портал Республики Корея] : [website]. URL: <https://kosis.kr/index/index.do> (accessed: 17.09.2021).

김현택 외. [사바틴에서 푸시킨까지](한국외국어대학교 러시아연구소, 2015. [От Сабатина до Пушкина / под ред. Кима Хёнтэка. Центр российских исследований Университета иностранных языков Ханкук, 2015].

빅카인즈 [Bigkinds] : [web-portal]. URL: <https://www.bigkinds.or.kr/> (accessed: 15.06.2021).

이규완. 한국과 한반도 주변 4개국의 국가이미지와 상품이미지의 비교연구// 광고연구 제55호, 2002. P. 111–134. [*Ли Гюван*. Сравнительный анализ национального имиджа и продукции Республики Корея и четырех соседних стран // Маркетинг и практические маркетинговые исследования. 2002. № 55. P. 111–134].

엘친의 ‘외교 몰상식’과 정부의대응 [한겨레 (Хангёрэ), 1992, 15 сент.].

러시아의 무례 [조선 (Чосон), 1994, 21 мая].

「한-러 건설적 보완관계」 [조선 (Чосон). 2001. 28 февр.].

「한반도 평화 강조한 한-러 정상」 [한겨레 (Хангёрэ). 2001. 1 марта].

「푸틴 한반도에 성큼」 [조선 (Чосон). 2002. 26 авг.].

3.4. Россия и русские в Корее во второй половине XIX — начале XXI в.

빅카인즈 [Bigkinds : портал, предоставляющий услуги по анализу Big data и новостных порталов]. URL: (accessed: 17.09.2021).

정막래, [광주고려인마을의 발전을 위한 위키백과 구축 연구] (슬라브학보, 2017, 32권 3호, P. 149–172) [Чон Маннэ. Развитие этнической группы корейцев из России и стран СНГ (корёин) в г. Гванджу // Славян. вестн. 2017. Вып. 32. № 3. С. 149–172).

김혜진. 한국 거주 고려인 청년층의 민족정체성 변화 // 슬라브학보, 2016, 31권 2호, P. 31–70) [Ким Хеджин. Проблема изменения этнической идентичности среди представителей корейской молодёжи из стран СНГ (корёин) // Славян. вестн. 2016. Вып. 31. № 2. С. 31–70].

서승현. 성인지적 관점에서 본 러시아 이주여성의 문제와 정책과제. (슬라브학보, 2015. 30권. 2호, P. 157–204.) [Со Сынгхён. Российские мигранты-женщины в Республике Корея с точки зрения когнитивной перспективы исследования гендера // Славян. вестн. 2015. Вып. 30. № 2. С. 157–204].

우평균. 러시아의 재외동포 정책 현황과 한국에의 시사점 // 슬라브학보, 2009, 24권 1호, pp. 243–267 [У Пхёнгюн. Политика Российской Федерации в отношении зарубежных соотечественников и ее реализация в отношении граждан, проживающих в Республике Корея // Славян. вестн. 2009. Вып. 24. № 1. С. 243–267].

한국일보-요미우리신문 공동여론조사. 2021년 9월 29일 수요일 [The Korean Times] // 포커스 취재 : [website]. URL: <https://www.hankook-ilbo.com/Series/S-PLANNING-PL-2-383> (accessed: 17.29.2021). [Корея: совместный опрос агентств «Хангук-Ильбо» и «Ёмиури»].

СОКРАЩЕНИЯ

ГААОСО	— Государственный архив административных органов Свердловской области
ГАПК	— Государственный архив Пермского края
ГАРФ	— Государственный архив Российской Федерации
ГАСО	— Государственный архив Свердловской области
ПермГАСПИ	— Пермский государственный архив социально-политической истории
ЦДООСО	— Центр документации общественных организаций Свердловской области
BAR	— Bakhmeteff Archive Research
FSO UB. HA	— Forschungsstelle Osteuropa an der Universität Bremen. Historisches Archiv

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

Корейская диаспора — одна из самых крупных в Приморье // PrimaMedia.ru : [сайт]. URL: <https://primamedia.ru/news/388109/> (дата обращения: 13.10.2020).

Обращение премьер-министра КНДР Ким Ир Сена по радио к корейскому народу, армии и партизанам 11 октября 1950 года // Ким Ир Сен. Великая освободительная война корейского народа за свободу и независимость. Пхеньян : Изд-во лит. на иностр. яз, 1951. С. 108.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года / изд. Центр. стат. комитетом МВД ; под ред. Н. А. Тройницкого. [СПб.] : [Б. и.], 1897–1905 // Электронная библиотека ГПИБ : [сайт]. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/15159-vyp-5-okonchatelno-ustanovlennoe-pri-razrabotke-perepisi-nalichnoe-naselenie-gorodov-spb-1905#mode/inspect/page/18/zoom/6> (дата обращения: 25.10.2020).

Переписи населения Российской империи, СССР, 15 новых независимых государств // Демоскоп Weekly : [сайт]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php> (дата обращения: 25.12.2020).

Чемезова Л. А. Материалы Государственного архива Свердловской области о корейцах на Урале в период Первой мировой войны / Л. А. Чемезова // Уральское востоковедение : междунар. альм. Екатеринбург, 2005. Вып. 1. С. 190–198.

Список литературы

Шорохи прошлого : Дневники, письма и раннее литературное творчество семьи Янковских, 1907–1954. Владивосток : Рубеж, 2017. 631 с.

Янковский В. Ю. От Сидеми до Новины : Дальневосточная сага / В. Ю. Янковский. Владивосток : Рубеж, 2017. 608 с.

국가통계포털 (Государственный статистический портал Республики Корея) : [website]. URL: <https://kosis.kr/index/index.do> (accessed: 21.09.2021).

Исследования

Авдашкин А. А. Корё сарам на Южном Урале в 1989–2002 гг. (на материалах Челябинской области) / А. А. Авдашкин // Изв. Иркутск. гос. ун-та. Сер.: Геоархеология. Этнология. Антропология. Т. 24. 2018. С. 106–117.

Бугай Н. Ф. «Корейский вопрос» на Дальнем Востоке и депортация 1937 г. / Н. Ф. Бугай // Проблемы Дальнего Востока. 1992. № 4. С. 152–161.

Бугай Н. Ф. О выселении корейцев из Дальневосточного края / Н. Ф. Бугай // Отечественная история. 1992. № 6. С. 141–168.

Бугай Н. Ф., Сим Хон Ёнг. Общественные объединения корейцев России: конститутивность, эволюция, признание / Н. Ф. Бугай, Сим Хон Ёнг. Москва : Новый хронограф, 2004. 374 с.

Волков С. В. Русские офицеры-исследователи Кореи / // Вестник Центра корейского языка и культуры. Вып. 5. Санкт-Петербург, 2003. С. 193–202.

Волков С. В. К вопросу о русской эмиграции в Корею в начале 20-х годов // Российское корееведение : альманах. Вып. 2. Москва, 2001. С. 149–157.

Гинце М. М. Новина и Лукоморье, поместья семьи Янковских в Корею (воспоминания юного дачника) / М. М. Гинце // Российское корееведение : альманах. Вып. 5. Москва, 2007. С. 420–448.

Каменских М. С. Китайцы, японцы и корейцы, водворенные в Пермскую губернию в годы Русско-японской войны / М. С. Каменских // Уральский исторический вестник. 2009. № 3 (24). С. 49–53.

Каменских М. С. Корейцы в Пермском крае: очерки истории и этнографии / М. С. Каменских. Пермь : Маматов, 2014. 192 с.

Список литературы

Ким Сын Хва. Очерки по истории советских корейцев / Ким Сын Хва. Алма-Ата : Наука, 1965. 251 с.

Ни М. Л. Этническая идентификация и транснациональные практики российских корейцев в Санкт-Петербурге / М. Л. Ни // Мониторинг общественного мнения. 2017. № 1. С. 209–224.

Пак Б. Д. Россия и Корея / Б. Д. Пак. Москва : ИВ РАН, 2004. 520 с.

Пискулова Ю. Е. Российско-корейские отношения в середине XIX — начале XX в. / Ю. Е. Пискулова. Москва : Вост. лит., 2004. 234 с.

Русский зодчий Афанасий Середин-Сабатин: у истоков современной архитектуры в Корею / сост. С. Левашко, Т. Симбирцева, М. Федина. Москва : Музей рус. искусства, 2018. 8 с.

Симбирцева Т. М. Семья Янковских в истории Приморья и русско-корейских отношений / Т. М. Симбирцева // Российское корееведение : альманах. Вып. 5. Москва, 2007. С. 407–412.

Симбирцева Т. М. История русской общины в Корею: проблемы изучения и новые факты / Т. М. Симбирцева // Корейский полуостров: мифы, ожидания и реальность : в 2 ч. Москва : ИДВ РАН, 2001. Ч. 2. С. 45–61.

Сим Хон Ёнг. К истории корейских общественных организаций в России в первой четверти XX века / Сим Хон Ёнг // Lib.Ru : Сервер «Заграница» : [интернет-портал]. URL: http://world.lib.ru/k/kim_o_i/a13-1.shtml (дата обращения: 21.09.2021).

Смирнов С. В. Российские эмигранты в Северной Маньчжурии в 1920–1945 гг. (проблема социальной адаптации) / С. В. Смирнов. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2007. 229 с.

Хисамутдинов А. А. Русские волны на Тихоокеане: из России через Китай, Корею и Японию в Новый Свет / А. А. Хисамутдинов. Пекин ; Владивосток, 2013. 640 с.

Хохлов А. Н. П. А. Дмитриевский — российский дипломат и востоковед / А. Н. Хохлов // Корея : сб. ст. к 80-летию со дня рождения проф. М. Н. Пака / Москва : Муравей, 1998. С. 284–296.

Шкаровский М. В. Русская православная духовная миссия в Корею / М. В. Шкаровский // Христианское чтение. 2010. № 2 (33). С. 86–119.

Список литературы

Энциклопедия корейцев России : 140 лет в России / под ред. Цой Брони. Москва : Рос. акад. естеств. наук, 2003. 1450 с.

Ahn E. S. Tracing the Language Roots and Migration Routes of Koreans from the Far East to Central Asia / E. S. Ahn // *Journal of Language Identity & Education*. 2019. Vol. 18. Iss. 4. P. 222–235.

Clark D. N. Vanished Exiles: The Prewar Russian Community in Korea / D. N. Clark // *Korean Studies: New Pacific Currents*. Honolulu : Center for Korean Studies, Univ. of Hawaii, 1994. P. 41–55.

Djarylgasinoва R. Sh. On the Question of Cultural Convergence of the Koreans of the Uzbek SSR with Neighboring Peoples / R. Sh. Djarylgasinoва // *Soviet Anthropology and Archeology*. 1968. Vol. 7. Iss. 1. P. 26–35.

Fuchs M. The Soviet Far East as a strategic outpost and the regional authorities' nationality policy: the Korean question, 1920–1929 / M. Fuchs // *Sibirica*. 2004. Vol. 4. No. 2. P. 201–227.

Gelb M. An Early Soviet Ethnic Deportation: The Far-Eastern Koreans / M. Gelb // *The Russian Review*. 1995. Vol. 54. No. 3. P. 389–412.

Kim G. N. Koryo saram, or Koreans of the former Soviet Union: In the past and present / G. N. Kim // *Amerasia J.* 2003. Vol. 29. Iss. 2. P. 1–7.

Park H. A House of Our Own: Diaspora Politics Among Koreans in the Russian Far East / H. Park // *The Asia Pacific Journal of Anthropology*. 2015. Vol. 16. Iss. 5. P. 431–447.

Simbirtseva T. In Memory of Valery Yankovsky / T. Simbirtseva // *Acta Koreana*. 2010. Vol. 13. № 1. P. 203–207.

Wada H. Koreans in the Soviet Far East, 1917–1937 / H. Wada // *Koreans in the Soviet Union*. Honolulu, HI : Center for Korean Studies, 1987. P. 24–59.

박환. 러시아 한인 유적 답사기. 서울, 국학자료원, 2007. [*Пак Хван*. По следам корейских революционеров в России. Сеул : Гукхакчарёвон, 2007.]

ОБ АВТОРАХ

Авдашкин Андрей Александрович

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, лаборатория миграционных исследований, Южно-Уральский государственный университет; доцент кафедры политических наук и международных отношений, Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия.

Сфера научных интересов: миграция, диаспора, этничность, образ «другого», межкультурные коммуникации.

adrianmaricka@mail.ru

Антошин Алексей Валерьевич

Доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия.

Сфера научных интересов: политическая история эмиграции из России и Советского Союза, Россия и Африка, Россия и страны Южно-Тихоокеанского региона.

alex_antoshin@mail.ru

Каменских Михаил Сергеевич

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории, археологии и этнографии, Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения РАН, Пермь, Россия.

Сфера научных интересов: история народов Урала, реализация государственной национальной политики, традиционная духовная и материальная культура, миграция.

pomidorrr@mail.ru

Лим Сунгжае

Магистр регионоведения России, преподаватель кафедры востоковедения, Уральский федеральный университет им. Первого президента РФ Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия.

Сфера научных интересов: методика преподавания корейского языка как иностранного, миграционные процессы, корейская диаспора за рубежом, корейская диаспора в Российской Федерации (на Урале).

aluminary@gmail.com

Мусинова Ирина Александровна

Магистр истории, старший преподаватель кафедры востоковедения, Уральский федеральный университет им. Первого президента РФ Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия.

Сфера научных интересов: новая и новейшая история Кореи, корейская диаспора за рубежом, корейская диаспора на Урале, российская диаспора в Республике Корея.

irina.musinova@gmail.com

Смирнов Сергей Викторович

Доктор исторических наук, профессор кафедры новой и новейшей истории, профессор кафедры востоковедения, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия.

Сфера научных интересов: история русской эмиграции в странах Дальнего Востока, проблемы модернизации афро-азиатских стран в период Нового и Новейшего времени, история Китая.

s.v.smirnov@urfu.ru

Со Санбом

Профессор, департамент русского языка (Институт изучения Европы и США), Пусанский университет иностранных языков, Пусан, Республика Корея.

Сфера научных интересов: русский язык, русская литература, языкознание, методика преподавания иностранных языков, тандемное обучение, российская диаспора в Республике Корея.

rusist@pufs.ac.kr

Тхай Валерий Дмитриевич

Доктор химических наук, профессор кафедры «Фармация и химия» ФГБОУ ВО «Уральский государственный медицинский университет»; заместитель председателя правления Екатеринбургской городской общественной организации «Национально-культурная автономия российских корейцев», Екатеринбург, Россия.

Сфера научных интересов: химия металлургических процессов, электрохимия расплавленных сред, в том числе коррозия металлов.

vthay@mail.ru

Фан Ирина Борисовна

Доктор политических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела философии Института философии и права, Уральское отделение РАН, Екатеринбург, Россия.

Сфера научных интересов: теория и философия политики, истории и методологии политической науки; проблемы человеческой индивидуальности; отечественный политический дискурс; национальное гражданство, гражданственность, политическая и этническая идентичность.

irina-fan@yandex.ru

Об авторах

Яковкин Евгений Васильевич

Аспирант кафедры междисциплинарных исторических исследований, Пермский государственный национальный исследовательский университет; преподаватель, колледж олимпийского резерва Пермского края, Пермь, Россия. Сфера научных интересов: русская эмиграция, Маньчжоу-Го, коллаборационизм в Юго-Восточной Азии, советский коллаборационизм.

yakowkin.evgenij@yandex.ru

ON THE AUTHORS

Avdashkin Andrey

Candidate of History, Senior Researcher, Laboratory of Migration Research, South Ural State University; Chelyabinsk State University, Associate Professor of the Department of Political Science and International Relations, Chelyabinsk, Russia.

Research interests: migration, diaspora, ethnicity, the image of the “other”, intercultural communication.

adrianmaricka@mail.ru

Antoshin Alexey

Doctor of History, Professor of the Department of Oriental Studies, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin; Yekaterinburg, Russia.

Research interests: political history of emigration from Russia and the Soviet Union, Russia and Africa, Russia and the countries of the South Pacific region.

alex_antoshin@mail.ru

Fan Irina

Doctor of Political Science, Associate Professor, Leading Researcher, Department of Philosophy, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia.

On the Authors

Research interests: theory and philosophy of politics, history and methodology of political science; problems of human personality; domestic political discourse; national citizenship, citizenship, political and ethnic identity.

irina-fan@yandex.ru

Kamenskikh Mikhail

Candidate of History, Senior Researcher of the Department of History, Archeology and Ethnography, Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Perm, Russia.

Research interests: history of the peoples of the Urals, implementation of state national policy, traditional spiritual and material culture, migration.

pomidorrr@mail.ru

Lim Sungjae

Master of Regional Studies of Russia, Lecturer of the Department of Oriental Studies, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia.

Research interests: methods of teaching Korean as a foreign language, migration processes, the Korean diaspora abroad, the Korean diaspora in the Russian Federation (particularly in the Urals).

aluminary@gmail.com

Musinova Irina

Master of History, Senior Lecturer, Department of Oriental Studies, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia.

Research interests: modern and recent history of Korea, the Korean diaspora abroad, the Korean diaspora in the Urals, the Russian diaspora in the Republic of Korea.

irina.musinova@gmail.com

On the Authors

Smirnov Sergey

Doctor of History, Professor of the Department of Modern and Contemporary History, Professor of the Department of Oriental Studies, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia.

Research interests: history of Russian emigration in the Far East, problems of modernization of Afro-Asian countries in the modern and modern times, history of China.

s.v.smirnov@urfu.ru

So Sanbom

Professor, Department of Russian Language (Institute for European and US Studies), Busan University of Foreign Languages, Busan, Republic of Korea.

Research interests: Russian language, Russian literature, linguistics, methods of teaching foreign languages, tandem education, the Russian diaspora in the Republic of Korea.

rusist@pufs.ac.kr

Tkhay Valery

Doctor of Chemistry, Professor of the Department “Pharmacy and Chemistry” of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Ural State

Medical University (Yekaterinburg); Deputy Chairman of the Board of the Yekaterinburg City Public Organization “National and Cultural Autonomy of Russian Koreans”, Yekaterinburg, Russia.

Research interests: chemistry of metallurgical processes, electrochemistry of molten media, including metal corrosion.

vtхай@mail.ru

On the Authors

Yakovkin Evgeny

Postgraduate student of the Department of Interdisciplinary Historical Research, Perm State National Research University; Lecturer, College of the Olympic Reserve of the Perm Territory, Perm, Russia.

Research interests: Russian emigration, Manchuria, collaborationism in Southeast Asia, Soviet collaborationism.

yakowkin.evgenij@yandex.ru

SUMMARY

This monograph is devoted to the main stages in the history of the Korean community in the Urals and the Russian emigration in Korea in the 20th century. The authors focus on the analysis of sources of personal origin, reconstruction of the fate of Koreans and Russian emigrants, the specifics of their integration into host societies. The main theoretical and methodological aspects of this problem are thoroughly analyzed in the foreword.

The chapters written by *Mikhail Kamenskikh* present the main stages in the history of the formation of the Korean community in the Urals in the first quarter of the 20th century. The study is based on materials from the Perm State Archive of Social and Political History and the State Archive of the Perm Territory. The author analyzes the USSR's repressive policy towards the Korean population, who lived in the Perm region. The author comes to the conclusion that the key events that influenced the formation of the Korean community in the region were the Russo-Japanese, World War I and the Bolshevization of Russia.

There are a significant number of works devoted to the Russian Koreans and their contribution to the Korea Independence Movement both the Republic of Korea and in the Russian Federation, but, unfortunately, the activities of Korean patriots and anti-Japanese activists who lived in the Urals are still poorly examined. An Tae

Summary

Do was one of prominent public figure in Korean Diaspora in the Urals. He began to actively participate in the anti-Japanese patriotic Korean organizations in 1911, while living in the Russian Far East. In 1916 he arrived in the Urals and headed two of the largest Korean organizations — the “Union of Korean Citizens” (“Kunminhwe”) and the “Union of Korean Workers” in 1920. The chapter written by *Lim Sungjae* is devoted to this person.

The chapter by *Valery Tkhai* provides a brief history of the emergence and development of the Korean community in the Middle Urals. The main stages of the history of the Korean community of the Middle Urals are highlighted, the formation and development of the national organizations of Koreans in the Urals is shown.

In the late 1980s and early 2000s various diasporas and ethnic groups, including Koreans, were being structured and strengthened, so the problems of migration policy, strategies for integrating national minorities into Russian society, and the activities of national and cultural associations occupied one of the most important places in the governmental policy. Unfortunately, the formation of Korean national organizations in the Sverdlovsk region has not been sufficiently reflected in the research. The chapter by *Irina Musinova* aims to fill this gap and identify the key features of the formation of Korean public organizations in the late 1980s and early 2000s in the Sverdlovsk region and the Urals.

The chapter written by *Andrey Avdaskin* presents the results of the conducted in 2014–2020 research of biographies of Central Asian Koreans in the Ural city on the example of Chelyabinsk. The author asks a number of research questions. How do Central Asian Koreans see their future? Do they intend to stay in Chelyabinsk or do they plan to return to their “homeland”? Are you ready to emigrate to South Korea or any other country? The source base of the study was biographical interviews with migrants and materials of participant observation. It is shown how, with the help of these contacts, a transnational space is constituted, covering Russia, the states of Central Asia, the United States and South Korea.

Summary

This monograph has an interview with Valery Tkhay, Doctor of Chemical Sciences, Professor of the Ural State Medical University, who for a long time was the chairman of the Board of the Yekaterinburg public Organization “National and Cultural Autonomy of Russian Koreans”. This interview was made by *Irina Fan*. This qualitative method is aimed at achieving the goal of a sociological study devoted to the study of the problem of the formation and correlation of ethnic and civil identity in different groups of the Russian population. The interview examines the impact of a number of key events in Russian and Soviet history on the history of the Korean diaspora, the history of a particular family, and the biography of a representative of the Korean community in Yekaterinburg.

The chapter written by *Sergey Smirnov* analyzes the process of social adaptation of representatives of the younger generation of Russian emigrants in Korea in the 1920s and 1930s on the example of the Yankovsky family, famous hunters and entrepreneurs of the Far East. Among the most important factors of adaptation, we attributed the Yankovsky family type and method of socialization, which focused the younger generation on family values with their strong national component and family professional sphere, as well as the family's belonging to the culture of the frontier. The Yankovsky “clan” model of social adaptation reflected a twofold trend: on the one hand, belonging to the culture of the frontier created favorable conditions for the integration of the family into the new socio-cultural environment, on the other hand, the leading role of the national component in the system of family values, orientation to its preservation and maintenance contributed to the diasporization of the emigrant community.

It so happened that the split of Korea after its liberation from the long-term Japanese occupation affected the fate of Russian emigration and Soviet citizens who went to North Korea to help in the military and state building of the country. *Evgeny Yakovkin* writes on this plot. During the Korean war, Soviet pilots fought for North Korea, and on a smaller scale, Russian emigrants assisted

Summary

South Korea by fighting in the US army. In addition, many Russian, Belarusian, Ukrainian, Cossack, and Caucasian emigrant socio-political organizations organized rallies, and denounced the actions of North Korea and its allies in the ongoing war through the press.

The chapter by *Alexey Antoshin* is devoted to the activity of Russian emigres-anticommunists in South Korea in 1950s. It is based on the materials of Forschungsstelle Osteuropa an der Universität Bremen, Bakhmeteff Archive Research and Russian émigré press. Activity of NTS members in South Korea is at the center of author's attention.

The final part by *Seo Sangbom* describes the relations between Russians and Koreans on the territory of the Korean peninsula from the second half of the 19th till the beginning of the 21st century. The research was made based on multiple sources and works of key South Korean and Russian authors. Special attention was paid to the modern stage (after 1990) when official diplomatic relations between the Republic of Korea and the USSR (the Russian Federation) were concluded. It was after 1990 when the new stage in the development of relations between the two countries and their citizens begun. During the last 30 years, a stable Russian-speaking diaspora has appeared on the territory of the Republic of Korea, as well as more objective information about Russia and Russians has become available for the citizens of the Republic of Korea. So currently the interest in the Russian language and culture in South Korea is growing.

Научное издание

РУССКИЕ В КОРЕЕ
И КОРЕЙЦЫ НА УРАЛЕ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

RUSSIANS IN KOREA
AND KOREANS IN THE URALS:
HISTORY AND MODERNITY

Редактор *Е. В. Березина*
Корректор *Е. В. Березина*
Компьютерная верстка *В. К. Матвеев*

Подписано в печать 23.11.2021. Формат 60 × 84 1/16.

Уч.-изд. л. 8,98. Усл. печ. л. 9,7.

Гарнитура Minion Pro, Myriad Pro.

Бумага офсетная. Тираж 150 экз. Заказ № 280.

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург-83, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620000, Екатеринбург-83, ул. Тургенева, 4

Тел.: +7 (343) 358-93-06, 350-90-13, 358-93-22, 350-58-20

Факс: +7 (343) 358-93-06

E-mail: press-urfu@mail.ru

<http://print.urfu.ru>

